

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

ГАРИН Артём Алексеевич

**ФАКТОР КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ВО ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКЕ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА (1972–2020)**

Специальность 07.00.15 –

История международных отношений и внешней политики

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

кандидат исторических наук

Астафьева Екатерина Михайловна

Москва – 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА В ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ.	22
1.1. Политический реализм и английская школа в изучении внешней политики Австралийского Союза	23
1.2. Подходы к определению Австралийского Союза как средней державы	30
1.3. Становление австралийско-китайских отношений	47
ГЛАВА 2. ВЛИЯНИЕ КНР НА КУРС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА.....	63
2.1. Торгово-экономические связи Австралийского Союза и КНР.....	63
2.2. Фактор КНР в отношениях Австралийского Союза и США	90
2.3. Средние державы Индо-Тихоокеанского региона: диверсификация внешних связей Австралийского Союза	108
ГЛАВА 3. ФАКТОР КНР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА В ЮЖНО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ.....	129
3.1. Значение Южно-Тихоокеанского региона для Австралийского Союза	129
3.2. Официальная помощь в целях развития как аспект австралийско-китайского соперничества в Южно-Тихоокеанском регионе	147
3.3. Влияние КНР на оборонную политику Австралийского Союза в Южно- Тихоокеанском регионе	189
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	212
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	222

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы исследования обусловлена трансформацией региональной системы, которая произошла за последние 50 лет и неразрывно связана с приобретением Китаем большего экономического, политического и оборонного веса в региональном и глобальном масштабах. Рост влияния КНР бросает вызов более чем 70-летнему доминированию Соединённых Штатов в регионе, а также тому порядку, на который Австралия привыкла опираться при формировании своего внешнеполитического курса. Как результат, Австралийский Союз стоит перед трудным выбором: экономическое благополучие страны тесно связано с Китаем – державой-конкурентом США, выступающих главным союзником Австралии на протяжении последних 70-ти лет.

Проблематика отношений Австралийского Союза и КНР в период 1972-2020 гг. также недостаточно изучено. В особенности это касается фактора Китая в сближении т.н. средних держав Индо-Тихоокеанского региона – Австралии, Индии и Японии, равно как и шагов австралийского руководства в сдерживании амбиций Китая в Южно-Тихоокеанском регионе (ЮТР)¹. Следует предположить, что Индо-Тихоокеанский регион занял ключевые позиции во внешнеполитическом видении Австралии благодаря его акценту на многополярность и предполагаемой устойчивости к амбициям нового, несущего потенциальную угрозу, гегемона – КНР. Индия и Япония в данном случае выступают одними из ключевых акторов ИТР, которые совместно с Австралией могут поддерживать баланс сил в регионе, что приводит к

¹ Южно-Тихоокеанский регион (ЮТР) охватывает южную часть Тихого океана в восточном полушарии Земли. Чаще всего этот регион называют «Австралия и Океания»: под «Океанией» подразумевают ту часть ЮТР, которая лежит между Австралией и Южной Америкой и состоит из примерно 25 тыс. островов, на которых расположены 14 независимых малых островных государств и примерно столько же самоуправляющихся островных территорий, принадлежащих Австралии, Новой Зеландии, Франции и США. В российском информационном пространстве вместо термина «ЮТР» можно встретить аббревиатуру ЮЧТО – южная часть Тихого океана [Посольство РФ в Австралии - <https://australia.mid.ru/strany-ucto>]. В данной работе будет употребляться термин «ЮТР» для всего региона, включая Австралию и Новую Зеландию, а «Океания» – для определения малых островов ЮТР, исключая Австралию и Новую Зеландию.

развитию не только торгового, но и оборонного сотрудничества между тремя государствами. Вместе с тем, фактор КНР имеет ключевое значение в интенсификации связей Австралийского Союза с островными государствами южной части Тихого океана, так как был воспринят австралийской стороной как вызов её доминированию в своей традиционной зоне влияния – Океании². На долю Австралии приходится 94,5% ВВП южной части Тихого океана, 98% расходов на оборону и безопасность, а также 60% общего объема официальной помощи в целях развития (ОПР), что позволяет охарактеризовать ее как лидера в ЮТР³.

Несмотря на тот факт, что Китай – это относительно новый актер в Океании, он уже достиг определенных успехов: в 2018 г. КНР стала главным торговым партнером для островных государств южной части Тихого океана, сместив с этой позиции Австралию. Кроме того, объем ОПР, предоставленной Китаем странам Океании, вырос до 1,76 млрд долл. за период 2010-2020 гг.⁴, а ряд океанийских государств присоединились к китайской инициативе «Пояс и путь». На фоне роста экономического влияния Пекина в Океании возникли опасения, что КНР попытается закрепиться в регионе с помощью военно-морского присутствия, чему также способствовали попытки ее участия в реконструкции военных баз в Папуа – Новой Гвинее, Фиджи и Вануату; всё это подвигло Австралийский Союз к более интенсивному участию в делах Южно-Тихоокеанского региона для сдерживания влияния Китая.

Фактор Китая выступает одной из ведущих тем во внешнеполитической повестке Канберры. Вместе с тем, как для фундаментальной науки, так и для

² Океания традиционно считается сферой влияния Австралии и Новой Зеландии. Этот регион принято делить на три культурных ареала: Меланезию (Папуа – Новая Гвинея, Фиджи, Соломоновы Острова, Вануату, Новая Каледония), Микронезию (Гуам, Кирибати, Федеративные Штаты Микронезии, Маршалловы Острова, Северные Марианские Острова, Палау, Науру) и Полинезию (Французская Полинезия, Самоа, Американское Самоа, Тонга, Острова Кука, Уоллис и Футуна, Тувалу, Ниуэ, Токелау).

³ Hollow hegemon: Australia's declining influence in the Pacific // East Asia Forum. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.eastasiaforum.org/2016/09/21/hollow-hegemon-australias-declining-role-in-the-pacific/>

(дата обращения 15.03.2021)

⁴ Pacific Aid Map // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://pacificaidmap.lowyinstitute.org/> (дата обращения: 25.05.2021).

практического построения Российской Федерацией политического курса в Азиатско-Тихоокеанском регионе, изучение роли КНР во внешней политике Австралии имеет важное значение ввиду роста значения Индо-Тихоокеанского региона для международной политики и экономики, что оказывает прямое влияние на безопасность и стабильность всего мирового порядка.

В последние годы происходит активное становление концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР), в географический ареал которого входят Китай, Индия, Россия, США, Австралийский Союз, Япония, страны Корейского полуострова, Юго-Восточная и Северо-Восточная Азии, Новая Зеландия и Океания, Канада, Мексика и тихоокеанские государства Южной Америки⁵. Однако с политической точки зрения концепция ИТР служит в первую очередь интересам США и их надежного союзника в Тихом океане – Австралии, цели которых, по утверждению главы российского МИД С. Лаврова, заключаются в том, чтобы «сдерживать китайский проект «Один пояс – один путь», сдерживать китайское влияние в регионе в целом, создавать постоянные раздражители для КНР. Над регионом уже бродит «призрак» «азиатского НАТО». Хотя в презентации США Индо-Тихоокеанский регион называется «свободным и открытым», там едва ли будет равноправный процесс выработки позиций»⁶. Вместе с тем Индо-Тихоокеанская концепция носит «селективный» характер, исключая КНР из положительной повестки региона, что, несомненно, негативно отразится на динамике взаимодействия России со странами Азии.

Однако, несмотря на критику ИТР⁷ как искусственной идейно-синтетической конструкции, в данном диссертационном исследовании использование понятия «Индо-Тихоокеанский регион» необходимо в связи с

⁵ Стрельцов Д.В. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Журнал Международная жизнь. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2076> (дата обращения 15.03.2021).

⁶ Лавров: концепция Индо-Тихоокеанского региона не предполагает открытости и равноправия // ТАСС, 1 апреля 2021 [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/politika/11050135> (дата обращения 01.04.2021)

⁷ Там же.

усиленным вниманием со стороны Австралии и её главного союзника в лице Соединённых Штатов к данной концепции при выстраивании своего внешнеполитического курса. Более того, понятие «Индо-Тихоокеанский регион» закрепилось не только в академическом дискурсе, но и официальных документах обоих государств.

Именно Австралийский Союз стал первым государством, официально заявившим о своей «принадлежности к Индо-Тихоокеанскому региону», упомянув об этом в своей Белой книге по оборонной политике от 2013 г.⁸ Спустя четыре года данная концепция привлекла к себе внимание мировой общественности, когда США объявили ИТР своим главным стратегическим интересом и зоной усиливающейся конфронтации с Китаем в стратегии национальной безопасности⁹. Безусловно, подобное стратегическое видение Соединённых Штатов нашло отклик в австралийских политических и академических кругах. Более того, интересы Австралии в ИТР подкрепляются рядом количественных показателей, включая обладание самой протяженной береговой линией среди государств региона, а также значительным объемом австралийского экспорта (42%), который проходит через штат Западная Австралия, побережье которого принадлежит Индийскому океану¹⁰. В то же время, Австралийский Союз нацелен на поддержание стабильности внутри региона «посредством углубления регионального сотрудничества, разработки международно-правовых норм и укрепления регионального потенциала для мирного разрешения проблем»¹¹. Учитывая позиции Соединённых Штатов и Австралии, следует заметить, что ИТР является квинтэссенцией экономического сотрудничества и, в то же время, разворачивающейся

⁸ 2013 Defence White Paper, P. 7-13. // Australian Government, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: https://defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (дата обращения 15.03.2021).

⁹ 2017 National Security Strategy of the United States of America, P. 45-47 // White House. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения 15.03.2021).

¹⁰ Australia and the Indian Ocean region // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/international-relations/regional-architecture/indian-ocean/Pages/indian-ocean-region> (дата обращения 15.03.2021).

¹¹ Там же.

конкуренции, что в значительной степени связано с ростом влияния КНР как в региональном, так и в глобальном масштабе.

С момента установления дипломатических отношений между Австралией и Китаем в 1972 г. статус торговых связей двух государств к 2020 г. достиг беспрецедентного уровня. На сегодняшний день КНР является главным торговым направлением Австралии. За период с 1972 по 2020 гг. объем двусторонней торговли между двумя государствами вырос с 97 млн. долл. США до 161 млрд долл¹². При этом рост торговой зависимости Австралийского Союза от КНР с каждым годом всё больше сказывается на внешней политике Канберры, которой крайне тяжело поддерживать баланс между главным торговым партнером в лице Китая и главным военно-стратегическим союзником в лице Соединённых Штатов.

Степень научной разработанности темы.

Необходимым условием проведения комплексного исследования является объективный анализ основных тенденций мирового развития, а также изучение отдельных вопросов, касающихся тематики международных отношений. Данный подход способствует более детальной проработке проблематики диссертации. Это обусловило привлечение автором не только работ по австралийской или китайской внешней политике, но и трудов по теории международных отношений и экономике.

Проблематика исследований международных отношений как области научного знания рассматривается в данной работе сквозь призму политического реализма (неореализма), английской школы международных отношений и теории средних держав. Данный вопрос исследуется как отечественными, так и зарубежными учеными. Среди отечественных специалистов, изучающих данные теоретические направления, стоит выделить

¹² UN Comtrade Database. [Электронный ресурс]: URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения 15.03.2021).

В.Н. Коньшева¹³, А.А. Сергунина¹⁴, А.В. Губина¹⁵, Н.Ю. Жуковскую¹⁶, Г.В. Яценко¹⁷.

Среди зарубежных ученых-представителей политического реализма следует выделить работы Г. Моргентхау¹⁸, Д. Герца¹⁹, Д. Балдино, Э. Карра и А. Лангуа²⁰. Особую роль играют труды австралийского ученого Х. Булла²¹ как одного из наиболее выдающихся идеологов английской школы международных отношений.

Также необходимо отметить ученых, в чьих работах раскрывается суть понятия «средняя держава», методология оценки средних держав, а также процессы формирования их внешнеполитических стратегий: К. Холбраада²², М. Бисона²³, Э. О'Нила, Э. Купера и Р. Хигготта²⁴ и Э. Карра²⁵. Вместе с тем, ряд зарубежных ученых определили Индию и Японию в качестве средних держав, с

¹³ Коньшев В.Н. Неореализм в современной политической мысли США., СПб: Изд-во БАН, 2001, 159 стр.; *Его же*: Современная американская политическая мысль: историография неореализма., СПб: Изд-во СПбГУ, 2006, 156 стр.

¹⁴ Сергунин А.А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика, 2010. Вып. 16. С. 231

¹⁵ Губин А.В. Австралия как «средняя держава»: военно-стратегическое измерение // [Электронный ресурс] РСМД. 04.09.2014. Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/avstraliya-kak-srednyaya-derzhava-voenno-strategicheskoe-izm/> (дата обращения 15.03.2021).

¹⁶ Жуковская Н.Ю. «Средние державы» как элемент современной мировой системы: к вопросу о теоретическом осмыслении концепта // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. Вып. 1 (171). С. 172-178.

¹⁷ Яценко Г.В. Австралия в АТР: оценка лидерского потенциала // Актуальные проблемы современных международных отношений – 2017. – С. 93-99

¹⁸ Morgenthau, H., J., *Politics among nations: the struggle for power and peace*. 5 ed. New York: A.A. Knopf, 1978., 650 p.

¹⁹ Herz, J., *Idealist Internationalism and the Security Dilemma* // *World Politics* (Cambridge University Press). 1950. №2. p. 137.

²⁰ Baldino, D., Carr, A., Langlois, A., J., *Australian Foreign Policy: Controversies and Debates*. South Melbourne: Oxford University Press ANZ, 2014., 256 p.

²¹ Bull, H., *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Third Edition. New York: Palgrave, 2002., 365 p.

²² Holbraad, C., *Middle Power in International Politics*. London: The Macmillan Press Ltd., 1984., 368 p.

²³ Higgott, R., Beeson, M., *The changing architecture of politics in the Asia-Pacific: Australia's middle power moment?* // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2013. №14(2). P. 215–237.

²⁴ Cooper, A. F., Higgott, R. A., and Nossal, K. R., *Locating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. Carlton, Victoria: Melbourne University Press, 1993, 240 p.

²⁵ Carr, A., *Is Australia a Middle Power? A Systematic Impact Approach* // *Australian Journal of International Affairs*. 2014. №68: 1. P. 70–84.

применением широкого спектра критериев. Говоря об Индии, в данном случае примечательны работы Дж. Сетхи²⁶ и Х. Эфстатопулоса²⁷. В свою очередь, анализ внешней политики Японии как средней державы проведен в работах К. Сона²⁸, Т. Кобаяши²⁹, Т.С. Свиланда³⁰, а также Б. Гилли³¹.

В качестве теоретической основы для анализа выгод от подписания Китайско-австралийского соглашения о свободной торговле (*англ.* China – Australia Free Trade Agreement, ChAFTA) автор опирался на идеи американского экономиста Дж. Вайнера³².

Вопросы внешней политики Австралии и ее отношения с партнерами в Индо-Тихоокеанском регионе, а также с КНР, являются актуальной темой исследования австралийских, китайских, американских и российских ученых. Среди работ российских ученых стоит выделить работы В.Н. Тимошенко³³, С.Е. Пале³⁴, Е.А. Канаева³⁵, Н.С. Скоробогатых³⁶, Д.В. Мосякова³⁷, Е.Ю. Катковой³⁸,

²⁶ *Sethi, J. D.* India as Middle Power // *India Quarterly*. 1969. №25(2). P. 107–121., <https://doi.org/10.1177/097492846902500201>

²⁷ *Efstathopoulos C.* Middle Power Diplomacy in International Relations. London: Palgrave Macmillan, 2015. p. 219.

²⁸ *Son, K.*, Middle Powers and the Rise of China: ‘Identity Norms’ of Dependency and Activism and the Outlook for Japan–South Korea Relations vis-à-vis the Great Powers // *Japanese Journal of Political Science*. 2014. №15(1). P. 91-112, <https://doi.org/10.1017/S1468109913000364>

²⁹ *Kobayashi, T.*, Japan as a middle power: Japanese diplomacy during the Asian Financial Crisis // American University in Cairo. [Электронный ресурс]: URL: <http://dar.aucegypt.edu/handle/10526/4661> (дата обращения 15.03.2021).

³⁰ Middle powers in the Indo-Pacific: Potential Pacifiers guarantying stability in the Indo-Pacific? // *International Studies Association*. [Электронный ресурс]: URL: <http://web.isanet.org/Web/Conferences/HKU2017-s/Archive/6c458d02-62c6-4100-a7eb-1f779668cf45.pdf> (дата обращения 15.03.2021).

³¹ *Gilley, B.*, Middle powers during great power transitions: China’s rise and the future of Canada-US relations // *International Journal*. 2011. P. 245-264.

³² *Viner, J.*, The customs union issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950., 221 p.

³³ Южно-Тихоокеанский регион на пороге XXI века: проблемы внешней политики и безопасности: [монография] / В. Н. Тимошенко; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Дальневосточный гос. гуманитарный ун-т», Ин-т востоковедения, Российская акад. наук. - Москва; Хабаровск: Дальневосточный гос. гуманитарный ун-т, 2009. - 379 с.: табл.; 21 см.; ISBN 978-5-87155-309-1

³⁴ *Пале С.Е.* Потеснит ли Китай Австралию в Южнотихоокеанском регионе? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XIV., М.: ИВ РАН, 2010., С. 62-70; *Её же: Китай в Океании. // Азия и Африка сегодня. № 9 (686), 2014., С. 14-18.; Её же: Современная ситуация в Южнотихоокеанском регионе // Южнотихоокеанский регион в прошлом и настоящем: история, экономика, политика, культура. Тезисы и доклады.*

А.Ю. Толстухиной³⁹, В.А. Гулевича⁴⁰. Также стоит отметить труды Н.Н. Пузыни⁴¹, посвященные актуальным проблемам международных отношений в

Материалы 38-й межинститутской научной конференции 30 ноября 2017 г.; *Её же*: Постколониальные конфликты в странах Океании // [Отв. редактор Николаев В.П.]. М.: ИВ РАН, 2012. 180 стр.; *Её же*: Тёмная сторона китайского присутствия в Океании // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2012. № 19. С. 15-24.; *Её же*: Архитектура австралийско – французских отношений в Южно – тихоокеанском регионе в XX – начале XXI вв. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 6. С. 62-71.; *Её же, совместно с Кочетковым Д.С.*: Океания: история, культура и связи с Россией /; Отв. ред. Е.М. Астафьева; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. 362 с.

³⁵ *Канаев Е.А.* Южная часть Тихого океана в Инициативе «Пояс и путь»: аспекты безопасности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 1. № 46. С. 288-302.; *Его же*: Глава 5. Южнотихоокеанский контекст эволюции проблемы Южно-Китайского моря / Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы (Коллективная монография) / отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020, 390 с. ISBN 978-5-907384-16-3, 500 экз. уч.изд. л.15,5. С. 118-134 *Его же, совместно с Бэ Б.*: Сотрудничество АСЕАН с Австралией и безопасность на морях АТР. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. № 1 (38). С. 76-88.; *Его же, совместно с Амировым В. Б., Сумским В. В.*: Юго-Восточная Азия и Австралия // В кн.: Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. М.: Магистр, 2011. С. 395-405.

³⁶ *Скоробогатых Н.С.* История Австралии. XX век. Москва: Восток. 2015., 452 с.; *Ее же*: «Столетие Азии» и проблемы интеграции в АТР: взгляд из Австралии // Восток (Orient). №3. 2014., С. 48-60.; *Её же*: Политический портрет М. Тернбулла // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, Выпуск XXXIV (№ 34, 2017), С. 209–230

³⁷ *Мосяков Д.В.* Страны Юго-Восточной Азии между Пекином и Вашингтоном: поиски баланса и трудности в сохранении единства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIII. 2016. № 3. С. 5–9;

³⁸ *Каткова Е. Ю.* Либеральная коалиция и китайско-австралийские отношения в 2013–2017 годы // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2018. Т. 10. № 1. С. 54–63.; *Её же*: Китайско-австралийское сотрудничество в инвестиционной сфере // Международные отношения. 2018. № 2. С. 178–187.; *Её же*: Отношения Австралии и Китая при администрации Дж. Говарда в 1996-2007 годах // Наука сегодня: проблемы и пути решения. Материалы международной научно-практической конференции. Вологда, 2018. С. 86–88.

³⁹ *Толстухина А.Ю.* Будущее Австралии и Океании в условиях изменения баланса сил в АТР [Глобальный прогноз РСМД 2019–2024] // [Электронный ресурс] РСМД. 30.12. 2019. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/2019-australia> (дата обращения 15.03.2021).

⁴⁰ *Гулевич В.А.* Индо-Тихоокеанский регион: США, Япония и Австралия vs Китай // [Электронный ресурс] Журнал Международная жизнь. 10.12.2019. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/24773> (дата обращения 15.03.2021); *Его же*: Австралия конструирует «тихоокеанскую» идентичность // [Электронный ресурс] Журнал Международная жизнь. 17.12.2019. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/24849> (дата обращения 15.03.2021); *Его же*: Китай приходит в Океанию // [Электронный ресурс] Журнал Международная жизнь. 21.01.2017. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/16761> (дата обращения 15.03.2021).

⁴¹ *Пузыня Н.Н.* Япония и Австралия: формирование многостороннего взаимовыгодного партнерства [50 – 80-е годы XX века]. Иркутск, 2011., 188 стр.; *Его же*: Австралия и Новая Зеландия во внешней политике Японии (1854-1945)., Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.б 97 стр.; *Его же*: Новозеландско-японские отношения в 70-80-е годы XX века: дис.канд. ист. наук: 07.00.03. Иркутск, 2003. С. 244.; *Его же*: Полвека японской

Азиатско-Тихоокеанском регионе как на современном этапе, так и их детальному рассмотрению в исторической ретроспективе. Вместе с тем, учитывая тот факт, что южная часть Тихого океана начинает играть все более заметную роль в международных отношениях и политике, которая заключается в интеграции стран региона в новую систему, складывающуюся в настоящее время в Тихом океане, а также активное участие России в региональных процессах, следует уделить особое внимание научным трудам А.Я. Массова⁴².

Библиография австралийско-китайских отношений на английском языке по большей части представлена работами австралийских ученых. Изучением проблем, связанных с австралийско-китайскими отношениями, занимается ряд аналитических центров, среди них: Австралийский институт стратегической политики, Австралийский центр по исследованию Китая в мире, Институт Лоуи и др.

В числе исследований, которые представили обширный фактологический материал по внешней политике Австралии и истории отношений между Австралийским Союзом и Китаем, необходимо отметить труды С. Фидджеральда⁴³, И. Ванга⁴⁴, Р. Медкалфа⁴⁵, Б. Гриффитса⁴⁶, П. Эдвардса⁴⁷, Ф. Медианского⁴⁸ и Дж. Аткинсона⁴⁹.

дипломатии в Океании // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 39-46. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.39>; *Его же*: Проблемы безопасности в АТР и японо-австралийское сотрудничество // Журнал Иркутского государственного университета. – 2017. Т. 20. С. 34-41; *Его же*: Особенности обеспечения национальной безопасности в КНР. Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 28 апр. 2017 г. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017.

⁴² *Массов А.Я.* Андреевский флаг под Южным крестом. (Из истории русско-австралийских связей первой трети XIX века), СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 1995., 198 с.; *Его же*: Россия и Австралия во второй половине XIX века». СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 1998., 240 с.; *Его же, совместно с McNair, J. и Poole, T.*: Encounters under the Southern Cross. Two Centuries of Russian-Australian Relations 1807-2007». Adelaide: Crawford House Publishing, 2007., 419 p.; *Его же, совместно с Pollard M, Windle, K.*: A New Rival State? Australia in Tsarist Diplomatic Communications., Canberra, ANU Press, 2018, 353 p.

⁴³ *FitzGerald S.*, Talking with China: The Australian Labor Party Visit and Peking's Foreign Policy. Canberra: ANU Press, 1971. С. 65.

⁴⁴ *Wang Y.*, Australia-China Relations post 1949. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. p. 265.

Большую помощь в исследовании внешней политики Австралии и австралийско-китайских отношений оказали работы по региональной безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе в контексте подъема Китая. В частности, проблемы безопасности исследуют в своих работах такие авторы, как: Х. Уайт⁵⁰, Д. Брюстер⁵¹, К. Гамильтон⁵², Т. Уилкинс⁵³ и Р. Керстен⁵⁴.

Особый интерес, с точки зрения анализа различных направлений экономического сотрудничества, представляют работы авторов: П. Вонг⁵⁵, С. Хуана и И. Остина⁵⁶, А. Дицполи, Б.Ханта и В. Мализжевски⁵⁷, П. Карама и Д. Муира⁵⁸, а также Н. Гроневолда⁵⁹.

⁴⁵ *Medcalf, R.*, Australia and China: understanding the reality check // Australian Journal of International Affairs. 2018. p. 1-10., <https://doi.org/10.1080/10357718.2018.1538315>

⁴⁶ *Griffiths, B.*, The China Breakthrough Whitlam in the Middle Kingdom 1971. Monash University Publishing, 2012. p. 172.

⁴⁷ *Edwards, P.*, Arthur Tange: Last of the Mandarins. Allen and Unwin, 2006., 399 p.

⁴⁸ *Mediansky, F.A.*, Australian Foreign Policy: Into the New Millennium. Macmillan Education, 1997., 308 p.

⁴⁹ *Atkinson J.*, Australia and Taiwan: Bilateral Relations, China, the United States, and the South Pacific. Leiden: Brill; 2013. <http://proxy.library.spbu.ru:2124/login.aspx?direct=true&db=nlebk&AN=503949&lang=ru&site=eds-live&scope=site> (дата обращения 15.03.2021), 244 p.

⁵⁰ *White, H.*, The China choice: why we should share power. Oxford University Press, 2013., 208 p.

⁵¹ *Brewster, D.*, The India-Australia Security and Defence Relationship: Developments, Constraints and Prospects // Security Challenges. 2014. №10(1). P. 65–86.

⁵² *Hamilton, C.*, Silent Invasion. Hardie Grant, 2018., 376 p.

⁵³ *Wilkins, T., S.*, From Strategic Partnership to Strategic Alliance? Australia-Japan Security Ties and the Asia Pacific // Asia Policy. 2015. №20. P. 83–111

⁵⁴ *Kersten, R., Tow, W.*, Bilateral Perspectives on Regional Security: Australia, Japan and the Asia-Pacific Region. Palgrave Macmillan, 2012., 279 p.

⁵⁵ *Wong, P.Y.*, The Drivers of Overseas Investments in the Australian Residential Property Market, 2016 // RMIT University. [Электронный ресурс]: URL: <https://researchbank.rmit.edu.au/eserv/rmit:161787/Wong.pdf> (дата обращения 15.03.2021).

⁵⁶ *Huang, X., Austin, I.*, Chinese Investment in Australia: Unique Insights from the Mining Industry. Palgrave, 2011., 226 p.

⁵⁷ *Dizioli, A., Hunt, L., Maliszewski, W.*, Spillovers from the Maturing of China's Economy, 2016 // International Monetary Fund (IMF) Working Papers. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Spillovers-from-the-Maturing-of-Chinas-Economy-44381> (дата обращения 15.03.2021).

⁵⁸ *Karam, P., Muir, D.*, Australia's Linkages with China: Prospects and Ramifications of China's Economic Transition, 2018 // International Monetary Fund (IMF) Working Papers. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/05/22/Australia-s-Linkages-with-China-Prospects-and-Ramifications-of-China-s-Economic-Transition-45846> (дата обращения 15.03.2021).

⁵⁹ *Groenewold, N.*, China's 'New Normal': How will China's Growth Slowdown Affect Australia's Growth?: Australian and China's Growth Slowdown // Australian Economic Papers . 2018. №57(6), 11 p.

Для комплексного понимания особенностей официальной помощи в целях развития Австралии и австралийско-китайского соперничества в данной области были изучены труды Ю. Чансэна⁶⁰, С. Тарте⁶¹, М. Дорнана⁶², Д. Браутингэм⁶³, Ф. Хансона⁶⁴, П. Бранта⁶⁵.

Отдельного упоминания заслуживают работы авторов, которые в основном посвящены оборонной политике Австралии и КНР в южной части Тихого океана: Д. Хэйвард-Джоунс⁶⁶, А. Панда⁶⁷, Г. Добелла⁶⁸.

Таким образом, обзор историографии, сделанный автором, демонстрирует широкий спектр научных трудов на русском и английском языках, посвященных исследованию различных областей австралийско-китайского сотрудничества. Но, вместе с тем, комплексный анализ фактора Китая во внешней политике Австралии в 1972-2020 гг. не получил достаточного освещения, ввиду чего данная работа призвана в значительной мере дополнить эти исследования.

⁶⁰ *Changsen, Y.*, China's economic relations with Pacific Island countries (China Working Paper), New Zealand Contemporary China Research Centre, 2014 // Victoria University of Wellington. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.victoria.ac.nz/chinaresearchcentre/publications/papers/YU-Changsen-Chinas-Economic-Relations-with-Pacific-Island-Countries.pdf> (дата обращения 15.03.2021).

⁶¹ *Tarte, S.*, 'Fiji's "Look North" strategy and the role of China' in *Wesley-Smith, T., Porter, E.*, China in Oceania: Reshaping the Pacific?. New York: Berghahn Books, 2010. P. 118–132

⁶² *Dornan, M., Brant, P.*, Chinese assistance in the Pacific: agency, effectiveness and the role of Pacific Island governments // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2014. № 1(2). P. 349–363.

⁶³ *Brautigam, D.*, The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa. Oxford: Oxford University Press, 2009., 416 p.

⁶⁴ *Hanson, F.*, China In The Pacific: The New Banker In Town, April 2011 // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/china-pacific-new-banker-town> (дата обращения 15.03.2021).

⁶⁵ *Dornan, M., Brant, P.*, Chinese Assistance in the Pacific // *Asia and the Pacific Policy Studies*. 2014. №1. P. 349-363.

⁶⁶ *Hayward-Jones, J.*, Dreaming of China in the Pacific Islands, May 2013 // The Interpreter (Lowy Institute). [Электронный ресурс] URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/dreaming-china-pacific-islands> (дата обращения 15.03.2021).

⁶⁷ *Panda, A.*, Are Fears of a Chinese Port Facility on Manus Island Justified? // The Diplomat. [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2018/08/are-fears-of-a-chinese-port-facility-on-manus-island-justified/> (дата обращения 15.03.2021).

⁶⁸ *Dobell, G.*, Awkward alarm: China, Vanuatu and Oz, April 2018 // Australian Strategic Policy Institute (ASPI). [Электронный ресурс]: URL: <https://www.austal.com/news/austal-australia-delivers-6th-guardian-class-patrol-boat> (дата обращения 15.03.2021).

Объект и предмет исследования.

Объектом данного исследования является процесс формирования внешнеполитического курса Австралийского Союза и его трансформация в рамках отношений с КНР в 1972-2020 гг.

Предметом исследования являются австралийско-китайские отношения, их содержание и соперничество в области предоставления официальной помощи в целях развития и сотрудничества в сфере обеспечения безопасности со странами южной части Тихого океана.

Цель и задачи исследования.

Цель работы – на основании данных, полученных из различных источников, проанализировать особенности фактора Китая во внешней политике Австралийского Союза в 1972-2020 гг. и основные тенденции влияния КНР на экономику, оборонную политику Австралии, а также соперничество двух государств в деле предоставления официальной помощи в целях развития островным государствам Южно-Тихоокеанского региона.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

1. Изучить эволюцию внешнеполитического курса Австралийского Союза по отношению к КНР в 1972-2020 гг.;
2. Исследовать динамику и основные направления торгово-экономического сотрудничества Австралийского Союза и КНР;
3. Выявить потенциальные угрозы тесных торгово-экономических отношений Австралийского Союза и КНР;
4. Исследовать динамику и основные направления сотрудничества Австралии и Соединённых Штатов в сфере обороны и торгово-экономического сотрудничества в контексте американо-китайской конкуренции в ИТР;
5. Выявить и раскрыть ключевые особенности внешней политики Австралии в Южно-Тихоокеанском регионе;

6. Исследовать аспекты гуманитарного сотрудничества Австралийского Союза с островными государствами южной части Тихого океана в условиях соперничества с КНР.

7. Проанализировать аспекты оборонного сотрудничества Австралийского Союза со странами Океании в условиях конкуренции с Китаем.

Научная новизна данной работы заключается в том, что впервые в отечественной науке **было выполнено следующее:**

– изучена эволюция роли Китая во внешней политике Австралийского Союза;

– выявлены сферы внешней политики Австралийского Союза, на которые оказывает влияние фактор КНР на современном этапе;

– проведено детальное исследование торгово-экономического аспекта австралийско-китайских отношений в 1972-2020 гг.;

– выявлены особенности двусторонних отношений Австралии и США в контексте американо-китайской конкуренции в Индо-Тихоокеанском регионе;

– показано, что вектор Австралии на диверсификацию торговых и оборонных связей с ведущими средними державами Индо-Тихоокеанского региона – Индией и Японией является ответной реакцией на фактор Китая в ИТР;

– проведен анализ внешней политики Австралии в Южно-Тихоокеанском регионе с учетом роста влияния КНР в южной части Тихого океана;

– исследованы малоизученные области конкуренции Австралии и КНР в Океании, в частности, в сферах обороны и предоставления официальной помощи в целях развития;

– проведен сравнительный анализ характера официальной помощи в целях развития, которую Австралийский Союз и КНР оказывают странам южной части Тихого океана;

– выявлены особенности политики Австралийского Союза в области обеспечения безопасности в ЮТР в контексте соперничества с КНР в области оборонного сотрудничества с государствами южной части Тихого океана.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1972 г. до середины 2020 гг. Нижняя граница обусловлена установлением дипломатических отношений между Австралией и КНР. Выбор верхней границы обусловлен фактором дестабилизации обстановки как в региональном, так и в глобальном масштабах ввиду последствий пандемии COVID-19, которая также повлекла за собой напряженность в отношениях Австралийского Союза и КНР. В 2020 году уровень австралийско-китайского партнерства достиг низшей точки за последние полвека. Кроме того, с начала пандемии COVID-19 держава-континент представила как минимум три документа, значительно влияющих на ее внешнеполитический курс в условиях трансформации региональной архитектуры.

На защиту выносятся следующие положения:

1. С 1972 г., когда между Австралией и КНР были установлены дипломатические отношения, Пекин приобретал всё большее значение для Канберры. На протяжении последней трети XX – нач. XXI вв. австралийское руководство выстраивало отношения с Китаем с прагматичной точки зрения, опираясь на развитие торговых связей. На современном этапе экономического прагматизма уже недостаточно, поэтому австралийские ученые и правящие круги учитывают не только торговые, но и стратегические интересы в отношениях с Китаем.
2. Торговое сотрудничество является базисом отношений Австралийского Союза и КНР. Интенсификация двусторонней торговли и подписание в 2015 г. Австралийско-китайского соглашения о свободной торговле (China – Australia Free Trade Agreement, ChAFTA) не только стало стимулом для дальнейшего расширения торгово-экономических связей двух стран, но и оказало влияние на их торговлю с другими партнерами. На современном этапе внешняя торговля между Австралией и КНР стала инструментом политического давления на Пекин со стороны Канберры, и наоборот.

3. В процессе становления более тесных экономических отношений с КНР внешняя политика Австралийского Союза одновременно обуславливается укреплением стратегического альянса с Соединёнными Штатами, который по сей день является основой поддержки в некоторой степени автономной внешней политики Австралии, а также её обороноспособности.
4. Стремление Австралийского Союза к диверсификации не только торговых, но и оборонных связей с ведущими средними державами Индо-Тихоокеанского региона – Индией и Японией, является ответной реакцией на рост экономического влияния, а также военной мощи Китая в ИТР.
5. С ростом влияния Китая в ИТР Пекин уделяет всё более пристальное внимание океанийскому региону и укрепляет свои позиции в этой традиционной зоне влияния Австралии. Это вызывает защитную реакцию со стороны Канберры в виде недопущения дестабилизации геостратегической обстановки в ЮТР и превращения этого региона в плацдарм для проецирования силы и влияния Китая в Тихом океане.
6. Предоставление средств для оказания официальной помощи в целях развития выступает мощным инструментом расширения влияния в Южно-Тихоокеанском регионе как для Австралии, так и для КНР. Австралийский Союз является абсолютным лидером в данной области, в то время как заметный рост объема официальной помощи в целях развития, оказываемой со стороны КНР государствам Океании, свидетельствует о заинтересованности Пекина в развитии отношений с островными государствами юга Тихого океана, а также о понимании важности инструмента ОПР для наращивания в них своего влияния.
7. Стремление Канберры к наращиванию военной мощи, а также к поддержанию стабильной и безопасной обстановки в Океании, которую она считает своей зоной ответственности и «линией

обороны», ставит целью сдерживать влияние внешних акторов в Южно-Тихоокеанском регионе, в первую очередь, КНР.

Методологическую основу диссертации составил политический реализм в сочетании с английской школой международных отношений. Особое место в работе занял позиционно-системный метод анализа внешней политики средних держав, который позволил описать их стратегии в реалиях Индо-Тихоокеанского региона. В результате использования этого метода автором были проанализированы торгово-экономические и оборонные стратегии средних держав, что дало возможность упорядочить факты и глубже понять процессы, происходившие между Австралией и ее партнерами в рамках исследуемого периода. Вместе с тем, анализ концептуальной базы внешней политики Австралии потребовал применения экспликативных методов, в частности, контент-анализа. Благодаря использованию этого метода, удалось определить место КНР среди основных направлений внешней политики Австралии и проследить изменения в восприятии Канберрой роста регионального влияния Китая с 1972 по 2020 гг. Исходя из целей и задач исследования, автором был использован сравнительно-исторический подход, который дал возможность изучить факты в тесной связи с исторической обстановкой их возникновения и действия, а также помог объективно оценить данные, полученные другими исследователями. Проблемно-хронологический подход позволил структурировать исследование в единстве его общей сути, не разрывающей общей логической и хронологической последовательности. В соответствии с принципом историзма изучаются отношения между государствами в становлении и развитии в общем контексте политической и экономической ситуации с учетом обстановки в регионе и мире в целом.

Источниковая база исследования. При написании данной работы автор обращался к широкому кругу источников на английском и китайском языках, в том числе: к официальным документам, мемуарам, индивидуальным и коллективным монографиям, справочным и статистическим изданиям, научным статьям, публикациям в периодических изданиях.

По видовому признаку официальные источники можно разделить на несколько групп. К первой группе относятся нормативно-правовые источники, представленные Белыми книгами Австралии по внешней политике⁶⁹ и обороне⁷⁰, а также основными законами Китая и Австралии, среди которых нормативно-правовые акты Парламента Австралийского Союза⁷¹; двусторонние и многосторонние международные соглашения и договоры, определяющие рамки и возможности для развития отношений между Австралией, Китаем, Соединёнными Штатами, Индией, Японией и островными государствами южной части Тихого океана⁷².

Вторую группу составили делопроизводственные документы – отчеты и доклады Министерства иностранных дел КНР⁷³, а также различных министерств и ведомств Австралийского Союза⁷⁴, а также структур ООН⁷⁵. К этой группе документов относятся статистические материалы различных государственных ведомств и международных организаций, среди которых

⁶⁹ 2017 Foreign Policy White Paper // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf> (дата обращения 15.03.2021).

⁷⁰ Defence White Paper, Commonwealth of Australia, 1976 – 2016.

⁷¹ Lease of the Port of Darwin to the Landbridge Group, 2015 // Parliament of Australia. [Электронный ресурс]: URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Senate/Economics/Foreign_Investment_Review/Interim%20Report/c02 (дата обращения 15.03.2021).

⁷² Australia – China Free Trade Agreement Joint Feasibility Study, 147 p. // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/feasibility_full.pdf (дата обращения 15.03.2021).

⁷³ Белая книга по внешней помощи Китая 2021 г. / China's International Development Cooperation in the New Era // Xinhua. [Электронный ресурс]: URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/10/c_139655400.htm (дата обращения: 15.03.2021); Белая книга по внешней помощи Китая 2011 г. (中国的对外援助) // Информационное бюро Государственного совета КНР (國務院新聞辦公室). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/896983/896983.htm> (дата обращения 15.03.2021).

⁷⁴ A safer Australia - Budget 2019-20 - Defence overview // Australian Government Department of Defence URL: <https://www.minister.defence.gov.au/minister/cpyne/media-releases/safer-australia-budget-2019-20-defence-overview> (дата обращения 15.03.2021).

⁷⁵ *Smith, G., et. al.*, The Development Needs of Pacific Island Countries // United Nations Development Programme. [Электронный ресурс]: URL: https://www.undp.org/content/dam/china/docs/Publications/UNDP_CH_SS_Publication_The%20Development%20Needs%20of%20Pacific%20Island%20Countries%20REPORT.pdf (дата обращения 15.03.2021).

доклады Министерства внешней политики и торговли Австралии, данные статистики международной торговли ООН⁷⁶, а также компаний, предоставляющих актуальную статистическую информацию⁷⁷.

Третья группа представлена публицистическими документами, содержащими выступления, интервью и мемуары официальных лиц Австралии и Китая⁷⁸.

Теоретическая значимость исследования выражается в комплексном анализе условий и особенностей влияния КНР на внешнюю политику Австралийского Союза на различных этапах исторического развития. Внесен определенный теоретический вклад в понимание механизмов и стратегий взаимодействия средних держав с великими и малыми державами в условиях трансформации региональной архитектуры в ИТР.

Практическая значимость исследования заключается в том, что данная тщательно фундированная работа может представлять интерес для историков и востоковедов, занимающихся историей и современным состоянием внешней политики Австралийского Союза в Южно-Тихоокеанском регионе и ИТР в целом, а также для политологов и экономистов. Материалы диссертации могут использоваться для подготовки учебных пособий, лекционных курсов и семинарских занятий по истории и проблематике влияния КНР на внешнюю политику Австралийского Союза в условиях трансформации региональной архитектуры.

Достоверность результатов исследования. Сформулированные в диссертации научные положения и выводы основываются на изучении трудов ведущих международных исследователей, специализирующихся на вопросах внешней политики, экономики и безопасности в области австралийско-

⁷⁶ UN Comtrade Database. [Электронный ресурс]: URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения 15.03.2021).

⁷⁷ Australia export to China // [Electronic source] The Observatory of Economic Complexity. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/chn/aus/show/2017/ (дата обращения 15.03.2021).

⁷⁸ *Fraser, M., Simos, M., Malcolm Fraser: The Political Memoirs.* Melbourne University Publishing, 2010., 864 p.

китайских отношений, и подкреплены использованием первоисточников на английском и китайском языках.

Апробация результатов исследования. Ряд аспектов, проанализированных в данной диссертации, опубликованы автором в 3-х научных статьях в журнале «Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития», рекомендованном ВАК для публикации работ соискателей ученой степени кандидата наук⁷⁹; в 2-х главах коллективных монографий⁸⁰; в 11-ти публикациях на интернет-портале научно-аналитического журнала «Международная жизнь»⁸¹; а также представлены в виде 10-ти докладов на

⁷⁹ *Гарин А.А.* Фактор КНР в отношениях Австралийского Союза и США // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020. Том II, №2 (47), С.186-198, DOI:10.31696/2072-8271-2020-2-2-47-186-198; *Его же:* Влияние КНР на оборонную политику Австралийского Союза в Южно-Тихоокеанском регионе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020. Том III, №3 (48), С. 202-214, DOI:10.31696/2072-8271-2020-3-3-48-202-214; *Его же:* Официальная помощь в целях развития как аспект австралийско-китайского соперничества в Южно-Тихоокеанском регионе// Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020. Том III, №4 (49), С. 193-205, DOI:10.31696/2072-8271-2020-3-4-49-193-205

⁸⁰ *Его же:* Глава 6. Проблема Южно-Китайского моря во внешней политике Австралии / Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы (Коллективная монография) / отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020, 390 с. ISBN 978-5-907384-16-3, 500 экз. уч.изд. л.15,5. Формат 60x90/16 С. 134-202; *Его же:* Глава 6. Фактор Индии в ЮТР / Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем (Коллективная монография) / отв. ред. – сост. Д.С. Панарина; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020, 554 с. ISBN 978-5-907384-17-0, 500 экз. уч.изд. л. 22,0. Формат 60x90/16. С. 180-213

⁸¹ *Гарин А.А.* Противоречия Австралии и КНР в условиях смены администрации в Соединенных Штатах // Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28999> (дата обращения: 15.03.2021); *Его же:* Внешняя политика Австралии в 2020 г.: помощь в целях развития и торговая война с Китаем // Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28515> (дата обращения 15.03.2021); *Его же:* Инфраструктурная дипломатия Quad: попытка противостоять «Поясу и пути»? // Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30673> (дата обращения: 30.07.2021); *Его же:* Очередная «низшая точка» в отношениях Австралии и Китая? // Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30048> (дата обращения: 20.08.2021); *Его же:* Фактор Японии в южной части Тихого океана // Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28539> (дата обращения: 15.03.2021); *Его же:* Бугенвиль: продолжение дискуссий о независимости // Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27620>; *Его же:* Отголоски брекзита в южной части Тихого океана (дата обращения 15.03.2021) // Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28591> (дата обращения 15.03.2021); *Его же:* Индия-Австралия: основа сближения, 2018 // Журнал Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21110> (дата обращения: 15.03.2021); *Его же:* Южная часть Тихого океана: новые вызовы для региона, 2020 // Журнал Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26060>

научных конференциях «Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион: актуальные проблемы развития», «Южнотихоокеанский регион в прошлом и настоящем: история, экономика, политика, культура», «Экономические, социально-политические и этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран», а также «Аграрные проблемы и модели экономического развития в странах Востока» Института востоковедения Российской академии наук⁸².

(дата обращения: 15.03.2021); *Его же*: Австралия в Юго-Восточной Азии: грани взаимодействия, 2019 // Международная Жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21771> (дата обращения: 15.03.2021); *Его же*: Австралийский СПГ как драйвер развития Азиатско-Тихоокеанского региона // Журнал Международная жизнь. [Электронный ресурс] URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22508> (дата обращения: 15.03.2021);

⁸² Программа Научной межинститутской конференции «Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион: актуальные проблемы развития», 2019 // ИВ РАН. [Электронный ресурс]: URL: https://ivran.ru/sites/28/files/Programma_IVRAN__18-12-19+.pdf (дата обращения: 15.03.2021); Программа Научной межинститутской конференции «Юго-Восточная Азия и Южнотихоокеанский регион: актуальные проблемы развития», 2020 // ИВ РАН. [Электронный ресурс]: URL: https://www.ivran.ru/sites/28/files/Programma_YUVA-dlya_sajta.pdf (дата обращения: 15.03.2021); Тезисы докладов Научной межинститутской конференции «Южнотихоокеанский регион в прошлом и настоящем: история, экономика, политика, культура», 2020 // ИВ РАН. [Электронный ресурс]: URL: <https://book.ivran.ru/f/tezisy-41-yuti-szhatyj.pdf> (дата обращения: 15.03.2021); Программа Научной конференции Программа конференции «Экономические, социально-политические и этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран», 2021 // ИВ РАН. [Электронный ресурс]: URL: https://ivran.ru/sites/28/files/Programma_konferentsii_Ekonomicheskie,_sotsialno-politicheskie_i_etnokonfessionalnye_problemy_afro-a.pdf (дата обращения: 15.03.2021); Программа круглого стола «Аграрные проблемы и модели экономического развития в странах Востока», 2021 // ИВ РАН URL: https://www.ivran.ru/sites/28/files/KS_Agrarnye_problemy_Programma.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

ГЛАВА 1.

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА В ТЕОРИИ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ****1.1. Политический реализм и английская школа в изучении внешней
политики Австралийского Союза**

Как справедливо отметили выдающиеся австралийские политологи современности Майкл Хизл и Ник Найт, если бы Австралия в своих нынешних экономических и оборонных кондициях географически располагалась в континентальной Европе, она уверенно могла бы рассчитывать на поддержку окружающих ее государств и не придавать столь выраженное значение вопросам обороны⁸³. Но Австралия занимает уникальное обособленное географическое положение в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), ввиду чего рассчитывать на ближайших соседей в вопросах обороны ей не приходится⁸⁴. Данный факт приводит к необходимости опираться на собственные силы в вопросах внешней политики, экономики и обороны для защиты своих национальных интересов.

Теория международных отношений включает в себя множество концептуальных рамок для исследования внешней политики Австралии. В данной работе автор опирается на анализ фактора КНР во внешней политике Австралии с использованием политического реализма и английской школы международных отношений. Несмотря на то, что неореализм и английская школа рассматриваются как ответвления одного и того же теоретического древа⁸⁵, в них выражается разное видение факторов, оказывающих влияние на внешнюю политику государства.

⁸³ *Knicht, N., Heazle, M.*, China-Japan Relations in the Twenty-first Century: Creating a Future Past?. Edward Elgar Publishing, 2007. p. 113

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ *Baldino, D., Carr, A., Langlois, A., J.*, Australian Foreign Policy: Controversies and Debates. South Melbourne: Oxford University Press ANZ, 2014. p. 3.

Политический реализм подчеркивает важность аккумуляции военной мощи и борьбы за власть для защиты своих национальных интересов, в то время как английская школа вносит в теоретическое поле факторы, выходящие за рамки проекции силы в региональном и глобальном масштабе, а также учитывает иные способы поддержания миропорядка, в том числе с помощью международного права.

Политический реализм, истоки которого лежат в трудах Фукидида, Никколо Макиавелли и Томаса Гоббса, является одной из наиболее влиятельных теорий, причем как в академических, так и в политических кругах. С точки зрения политического реализма, международные отношения основаны на борьбе за власть между государствами. Так как фактор межгосударственного соперничества сохраняется в наши дни и особенно обострился во время пандемии COVID-19, то стоит предположить, что реализм выступает подходящим теоретическим инструментом для понимания внешнеполитической стратегии Австралии, которая обладает явным преимуществом военной мощи и влияния в южной части Тихого океана.

Неореализм позволяет описать Австралию как яркого представителя «дилеммы безопасности» — как государство, которое в анархичной среде международных отношений на протяжении большей части своей истории испытывает сильную потребность в обеспечении безопасности и стремится накопить военную мощь для противостояния потенциальному (зачастую абстрактному) противнику⁸⁶. Тот факт, что Австралия стремится быть главным стратегическим партнером для стран Океании, обуславливает наличие множества вызовов для сохранения суверенитета и её влияния в регионе на протяжении последних полутора веков. Среди стран, которые, по мнению Австралии, угрожали ее суверенитету и влиянию в ЮТР, были (по исторической шкале) Российская империя, Германия, Япония, Индонезия, СССР, Франция и даже Ливия в 1980-х гг.

⁸⁶ *Herz, J.*, *Idealist Internationalism and the Security Dilemma // World Politics* (Cambridge University Press). 1950. №2. p. 137.

На протяжении более двух веков внешняя угроза стимулирует внешнеполитическую активность Австралии. С момента обретения Австралией независимости от Великобритании в 1901 г. её внешнеполитические стратегии были основаны на защите суверенитета с помощью взаимодействия с великими державами и развитии своей обороноспособности для сдерживания потенциальных угроз в ЮТР.

Стоит предположить, что для Австралии накопление военной мощи является залогом будущей стабильности и придает больший вес в глазах соседних государств. Согласно данным Министерства обороны Австралии, в 2019–2020 гг. правительство страны выделило на оборону 38,7 млрд долл.⁸⁷, а в середине 2020 г. предоставило еще 397,4 млрд долл. на последующие 10 лет для модернизации вооруженных сил и военно-промышленного комплекса (ВПК)⁸⁸. По словам австралийского премьер-министра Скотта Моррисона, страна должна быть лучше подготовлена к перспективе возникновения «конфликта высокой интенсивности»⁸⁹ (фактически это сочетание означает «война»).

Австралийские войска участвуют в боевых операциях на Ближнем Востоке, базировались в Афганистане, а также активно участвуют в расширении сотрудничества в области обороны с островными государствами Океании (Папуа–Новая Гвинея, Соломоновы Острова, Вануату, Фиджи) и Юго-Восточной Азии, в частности с Сингапуром и Малайзией⁹⁰.

Перспективы наращивания военной мощи также подпитываются австралийско-американской коалицией, что придает Австралии еще больше

⁸⁷ A safer Australia - Budget 2019-20 - Defence overview // Australian Government Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.minister.defence.gov.au/minister/cpyne/media-releases/safer-australia-budget-2019-20-defence-overview> (дата обращения: 15.11.2020).

⁸⁸ Australia details long-term defence funding plans // Janes [Электронный ресурс]: URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/australia-details-long-term-defence-funding-plans> (дата обращения: 15.05.2020).

⁸⁹ Defending Australia and its Interests // Prime Minister of Australia. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.pm.gov.au/media/defending-australia-and-its-interests> (дата обращения: 15.05.2020).

⁹⁰ Австралия в Юго-Восточной Азии: грани взаимодействия, 2019 // Международная Жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21771> (дата обращения: 15.05.2020).

уверенности в своих действиях⁹¹. Начало этому союзу было положено после подписания Австралией, США и Новой Зеландией договора о безопасности АНЗЮС (ANZUS Security Treaty — Australia, New Zealand, United States) в 1951 г., в рамках которого Австралия поддерживала Соединенные Штаты в военных операциях и, в то же время, стремилась максимизировать свои оборонные возможности с помощью закупок американского вооружения и передачи технологий.

Согласно постулатам неореализма⁹², путь к миропорядку лежит через баланс сил и является наилучшим способом минимизации потенциальной угрозы. Кроме того, при однополярной системе международных отношений различные акторы могут воспринимать рост потенциального государства-противовеса сверхдержаве как вызов. В данном случае это заложило основы внешнеполитической дилеммы Австралии – стратегической близости к США, а торговой – к Китаю. Профессор стратегических исследований Австралийского национального университета Хью Уайт также отмечает, что выбор Австралии между Соединенными Штатами и КНР совпал с эволюцией международной системы в сторону биполярности⁹³.

Вместе с тем, используя неореализм, можно выявить угрозы национальным интересам и безопасности Австралии. В данной работе автором рассматривается геостратегическая угроза Австралии в контексте австралийско-китайского соперничества в области предоставления официальной помощи в целях развития (ОПР)⁹⁴ и обороны в южной части

⁹¹ Стоит отметить возможность применения данной концепции на различных уровнях. Так, например, на глобальном уровне Австралия опирается на поддержку со стороны США, а на региональном – Новая Зеландия опирается на поддержку «старшего партнера» – Австралии.

⁹² *Коньшев В.Н.* Неореализм в современной политической мысли США., СПб: Изд-во БАН, 2001, 159 стр.; *Его же:* Современная американская политическая мысль: историография неореализма., СПб: Изд-во СПбГУ, 2006, 156 стр.

⁹³ *White, H.*, *The China choice: why we should share power.* Oxford University Press, 2013., 208 p.

⁹⁴ В данном исследовании термин «официальная помощь в целях развития» трактуется согласно документам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). К ОПР относятся финансовые потоки в пользу стран-реципиентов, которые предоставлены официальными агентами, включая федеральные и местные органы власти, или их представителями, и которые направлены на экономическое развитие и повышение

Тихого океана. Особое внимание также уделено экономической угрозе, которая выражается в росте зависимости Австралии от торговых отношений с КНР. Говоря об иных аспектах австралийско-китайских отношений, необходимо отметить, что они подробно рассмотрены в диссертационной работе Е.Ю. Катковой, включая анализ влияния китайской диаспоры на австралийское общество⁹⁵.

В данном исследовании неореализм необходим для понимания стратегии формирования национальных интересов Австралии, а также помогает учесть соперничество Австралии и КНР за влияние в южной части Тихого океана: ведь согласно его постулатам, борьба за власть между государствами является неизбежной чертой международных отношений. В то же время, в мире не существует всеобъемлющей власти или государства, способного контролировать всех акторов международных отношений, ввиду чего международная среда становится средой самопомощи, в которой государства либо сами обеспечивают свою безопасность, либо делают это в союзе с другими государствами. Это особенно актуально в свете активизации внешней политики КНР, носящей амбициозный характер, которая бросает вызов установившемуся порядку на сопряженном пространстве Индийского и Тихого океанов, а также доминированию Соединенных Штатов. Кроме всего прочего, в период 2009–2020 гг. расходы Китая на оборону выросли более чем на 152% (со 100 млрд долл. до 252 млрд долл.)⁹⁶.

Вместе с тем, опора на аккумуляцию военной мощи является и минусом неореализма в качестве теоретического инструмента в исследовании внешней политики Австралии, так как он в полной мере не отражает процесс достижения внешнеполитических целей и не включает в себя иные методы

благополучия развивающихся стран, имеют льготный характер и содержат грант-элемент (показатель льготности кредита/займа).

⁹⁵ *Подробнее см. Каткова Е.Ю. Китайский вектор внешней политики Австралийского Союза в 1996–2016 гг.: дис. канд. ист. наук: 07.00.15. Москва, 2018. 197 с.*

⁹⁶ World military spending rises to almost \$2 trillion in 2020 // SIPRI. [Электронный ресурс]: URL: <https://sipri.org/media/press-release/2021/world-military-spending-rises-almost-2-trillion-2020> (дата обращения 15.04.2021)

достижения Австралией внешнеполитических интересов, в том числе участие в международных организациях, торговлю и официальную помощь в целях развития. В этой связи наиболее подходящим теоретическим инструментом для дополнения неореализма автор данной работы счел английскую школу международных отношений, подходы которой разделяют ряд австралийских ученых, в особенности Хедли Булл⁹⁷. С одной стороны, английская школа продолжает следовать постулатам политического реализма об анархичной международной среде, но в то же время подтверждает, что реализм сконцентрирован только на одном аспекте международных отношений, упуская из виду факторы, которые существенно смягчают воздействие анархичной среды путем создания международного сообщества, включающего в себя правовые нормы, международные институты, а также процессы торговли и оказания помощи развивающимся государствам. Необходимо отметить, что в ходе написания данной работы автор не преследовал цели указывать на несостоятельность неореализма, а стремился дополнить его для более детального анализа фактора Китая во внешней политике Австралии в 1972–2020 гг.

Согласно постулатам английской школы, государства связывают себя сетью правил в интересах взаимовыгодного сотрудничества и поддержания баланса, что выражается в добровольном принятии ряда ограничений и иерархически принципов, позволяющих сохранить и укрепить мировой порядок. Её последователи, в отличие от неореалистов, не рассматривают отношения между государствами как игру с нулевой суммой, а вместо этого полагают, что государствам присущ «просвещенный эгоизм», который при разрешении противоречий учитывает интересы и поведение других государств. Австралия, таким образом, в ходе расширения своего влияния в ЮТР обретает перед развивающимися островными государствами Океании ряд социально-экономических обязательств и даже готова идти на некоторые уступки, что

⁹⁷ Bull, H., *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*. Third Edition. New York: Palgrave, 2002. P. 251.

позволяет Канберре упрочить южнотихоокеанское сотрудничество и сдерживать проникновение КНР в свою зону влияния. Согласно упомянутому выше Х. Буллу, «приверженность стран-доноров достижению минимального уровня экономического благосостояния в мире посредством оказания помощи и ведением торговой политики предполагает принятие идеи об интересах всего человечества»⁹⁸. Именно эту роль взяла на себя Австралия, обеспечивая ОПР не только в южной части Тихого океана, но и по всему миру, в том числе в Южной и Юго-Восточной Азии. Согласно Х. Буллу, помощь развивающимся государствам необходима для поддержания порядка и стабильности, что также тождественно целям Австралии, изложенным в Белой книге по внешней политике 2017 г. В противном случае, отказ Австралии от данной роли в океаническом регионе может повлечь за собой негативные последствия для Пятого континента. Они будут включать в себя как эндогенные факторы в виде дестабилизации внутривластной обстановки в государствах региона, так и экзогенные, в том числе рост транснациональной преступности, неконтролируемой миграции, а также расширение влияния потенциальных конкурентов Австралии в регионе.

Рассматривая тесные экономические отношения Австралии и КНР в рамках английской школы, необходимо обратить внимание на тот факт, что выгодная позиция в международной торговле или инвестициях может быть использована рассматриваемыми акторами для получения преимуществ во внешней политике или области безопасности. Данный постулат наглядно демонстрирует стремление Австралии к более активному торгово-экономическому взаимодействию со странами Восточной Азии, начиная с 1970–1980-х гг. Именно в этот период вектор внешней политики Австралии начал смещаться в Азию, где в настоящее время располагаются три из пяти её крупнейших торговых партнеров. Более того, взаимодополняемость австралийской и китайской, японской, индийской экономик обеспечивает сбыт главного экспортного продукта Австралии – природных ресурсов. Последние

⁹⁸ *Ibid.* P. 84.

13 лет Китай уверенно удерживает статус главного торгового партнера Пятого континента. За годы тесного экономического сотрудничества с Китаем Австралия стала одним из ведущих экспортеров полезных ископаемых в глобальном масштабе, а также привлекла человеческий и материальный капитал, который позволил ей стать одним из наиболее популярных туристических и образовательных направлений в Тихом океане. В то же время, если на протяжении всего XX в. австралийским правящим кругам не приходилось выбирать между экономическим процветанием и безопасностью, то на современном этапе эта ситуация носит более многосложный характер, так как борьба двух ключевых экономических и стратегических партнеров – Китая и США за лидерство в Индо-Тихоокеанском регионе требует от Австралии более быстрого реагирования на трансформацию внешнеполитической обстановки в регионе, конфликтные ситуации между КНР и Соединенными Штатами, на споры в Южно-Китайском море и протестах в Гонконге, а также поиска внешнеполитического вектора, который позволит сочетать в себе дуализм и противоречие австралийских связей с ведущими акторами региона.

1.2. Подходы к определению Австралийского Союза как средней державы

Уникальное географическое положение Австралии в Индо-Тихоокеанском регионе в сочетании с её политическим, экономическим и оборонным потенциалом не имеет аналогов в мире. Пусть у Австралии нет возможности интегрировать свою экономику путем сухопутных логистических сетей со своим главным стратегическим союзником – США, как это сделала Канада. Вместо этого австралийская сторона обладает собственной сферой влияния в южной части Тихого океана, где при поддержке Новой Зеландии и ряда стран-партнеров, включая США и Японию, конструирует стабильное и безопасное океанийское пространство, что требует идентификации её статуса как актора международных отношений.

В данной работе автор придерживается точки зрения, что Австралия является ярким представителем «средних держав» («middle powers»). Описания

средних держав вошли в международное теоретическое поле еще в XVI-XVII вв. благодаря трудам Фомы Аквинского, Джованни Ботеро и Гуго Гроция. Если Ф. Аквинский заложил основу определения роли средних государств, представив концепцию трех классов политических единиц (города, провинции и королевства), то Д. Ботеро исследовал оборонительные возможности стран и степени их влияния на международные отношения. Как отмечал итальянский ученый в 1589 г., средняя держава – «это та, которая обладает силой и авторитетом, достаточными, чтобы поддерживать себя без помощи другого», и определял её в терминах *mediocrite* (от *итал.* средний) и *mezzano* (от *итал.* посредник)⁹⁹.

В XVIII-XIX вв. прусский стратег Дитрих Генрих фон Бюлов рассматривал устремления Фридриха II Великого улучшить положение Пруссии в Европе путем захвата Силезии и ввел «промежуточную» категорию. По мнению Д.Г. фон Бюлова, прусский монарх не рассчитывал возвести свою страну в ранг великих держав, а лишь стремился к созданию «среднего государства». Результатом усилий Фридриха II стало создание королевства, которое, с одной стороны, имело ограниченные военные ресурсы, но, в то же время, фактически могло защитить каждого из своих соседей¹⁰⁰.

В конце 1960-х гг. сотрудники исследовательского института Германского общества внешней политики (Research Institute of the German Society for Foreign Policy) в рамках попытки выработать точные критерии для определения средних держав определили их как «государства, которые играют определенную роль в своем регионе»¹⁰¹.

В 1984 г. в своем труде «Middle Powers in International Politics» датский ученый Карстен Холбраад, основываясь на заключении Г. Моргентау о различиях великих держав и малых государств, определил средние державы как государства, которые были слабее крупных держав, но в сравнении с малыми

⁹⁹ *Holbraad, C.*, Middle Power in International Politics. London: The Macmillan Press Ltd., 1984., p. 12.

¹⁰⁰ *Ibid.*

¹⁰¹ *Ibid.*

державами обладали более значимым влиянием в системе международных отношений¹⁰².

В то же время, термин «средняя держава» рассматривается как одна из наиболее устойчивых тем в австралийском внешнеполитическом дискурсе на протяжении более чем семидесяти лет. В 1945 г. министр иностранных дел Австралии д-р Герберт Вир Эватт отправился на конференцию в Сан-Франциско с твердым намерением продвигать интересы Австралии по целому ряду внешнеполитических вопросов – от разоружения до деколонизации, а также определить более независимую позицию Австралии как средней державы¹⁰³. На протяжении всего периода своего пребывания на посту министра иностранных дел г-н Эватт был главным образом заинтересован в том, чтобы обеспечить себе более весомый голос Австралии в мировых делах¹⁰⁴.

Позднее, уже в ходе своего выступления в 1964 г., министр иностранных дел Австралии сэр Гарфилд Барвик заявил, что Австралия является средней державой во многих смыслах этого слова: «Она [*прим.* Австралия – А.Г.] имеет общие интересы как с развитыми, так и со слаборазвитыми странами; <...> это одновременно и зернохранилище, и высокоразвитая индустриальная страна. Она [*прим.* Австралия – А.Г.] имеет европейское происхождение и расположена в тесной географической близости к Азии»¹⁰⁵.

Как мы видим, за последние 70 лет термин «middle power» приобрел как не только геополитическое, но и официальное значение. Более того, важно отметить, что классификация Австралии в качестве средней державы не вызывает больших затруднений, в особенности, учитывая множество исследований на эту тему, среди которых выделяются работы М. Бисона, Б. Гиллей, Дж. Маникома, Э. О'Нила, а также упоминания данной концепции

¹⁰² Ibid.

¹⁰³ Ungerer, C., The “Middle Power” Concept in Australian Foreign Policy // Australian Journal of Politics & History. 2007. №53. p. 540.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Holbraad, C., Middle Power in International Politics. London: The Macmillan Press Ltd., 1984., p. 72.

австралийскими лидерами в их доктринах, включая экс-премьер-министра Кевина Радда¹⁰⁶. Например, ученые Марк Бисон и Марк Томпсон утверждают, что Австралия всегда стремилась «прыгнуть выше головы» («punch above their weight»)¹⁰⁷, и определяют среднюю власть как формулировку, близкую к глобализации, которая «может скрывать столько же, сколько и раскрывать, но, <...> может служить полезным условным обозначением для более сложной реальности»¹⁰⁸.

В то же время, согласно Белой книге по оборонной политике от 2000 г., Австралия, как средняя держава, «может и должна сделать многое, чтобы помочь сохранить безопасность региона и поддержать глобальную стабильность. Сотрудничая с другими, мы можем сделать гораздо больше, чем в одиночку»¹⁰⁹. В данном случае, как мы видим, средняя держава рассматривается не только с точки зрения оказываемого ею влияния на соседей по региону и географического положения, но и склонности содействовать многостороннему сотрудничеству ради стабильной международной системы.

Дж. Маником и Э. О'Нил в своем труде «China's rise and middle power democracies: Canada and Australia compared» восполняют пробел в исследованиях восприятия «подъема Китая» средними державами на примере политического, экономического и геостратегического видения Австралии и Канады, а также определяют оба этих государства как «ресурсно-ориентированные экономики с опытом двустороннего и институционального взаимодействия в АТР, которые являются ключевыми союзниками США»¹¹⁰.

¹⁰⁶ Complete Text of Australian Foreign Minister Kevin Rudd's Speech at Asia Society New York // Asia Society. [Электронный ресурс]: URL: <https://asiasociety.org/complete-text-australian-foreign-minister-kevin-rudds-speech-asia-society-new-york> (дата обращения: 15.05.2020)

¹⁰⁷ Strategic Insights 18 - Punching above our weight? Australia as a middle power // Australian Strategic Policy Institute (ASPI) URL: <https://www.aspi.org.au/report/strategic-insights-18-punching-above-our-weight-australia-middle-power> (дата обращения: 08.03.2021).

¹⁰⁸ Beeson, M., Can Australia save the world? The limits and possibilities of middle power diplomacy // Australian Journal of International Affairs. 2011. №65(5). С. 563-577.

¹⁰⁹ Defence 2000 White Paper 'Our Future Defence Force' // Australian Government, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.defence.gov.au/publications/wpaper2000.pdf> (дата обращения: 15.05.2020).

¹¹⁰ Manicom, J., O'Neil, A., China's rise and middle power democracies: Canada and Australia compared // International Relations of the Asia-Pacific. 2012. №12. P. 199.

По мнению авторов, дуализм экономических и политико-стратегических связей остается главной чертой современных китайско-австралийских отношений. Позиция Австралии остается примером реалистических ожиданий других союзников США в Индо-Тихоокеанском регионе, включая Таиланд и Японию¹¹¹. Как и Австралия, эти государства активно проводят стратегическую политику по отношению к Китаю, которая балансирует для обеспечения безопасности, сохраняя союзничество США и стремясь извлечь выгоды из сотрудничества с Китаем через тесные экономические отношения¹¹².

Таким образом, учитывая факт, что вопрос о конкретных определениях «средних держав» по-прежнему остается дискуссионным, их можно определить как группу стран, которые обладают материальными ресурсами для поддержки определенной степени влияния, но не способны самостоятельно доминировать на мировой арене¹¹³. Более того, учитывая тезис Э. Купера и Р. Хигготта из совместного труда «Relocating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order», что средние державы «определяются главным образом их поведением»¹¹⁴, автор данной работы сосредоточится на выявлении основных особенностей средних держав, а также их оборонных и торгово-экономических стратегий. Для определения средней державы традиционно выделяются три подхода, которые нашли отражение в трудах Джеймса Маникома и Джеффри Ривза¹¹⁵, а также Эндрю Карра¹¹⁶, – позиционный, системный и самоидентификационный.

Позиционный подход

Каждое государство в мире имеет свои показатели географической площади, демографии, обеспеченности природными и материальными

¹¹¹ China's rise and middle power democracies...P. 213.

¹¹² Ibid.

¹¹³ Robertson, J., Middle-Power Definitions: Confusion Reigns Supreme // Australian Journal of International Affairs. 2017. №71 (4). P. 355–370.

¹¹⁴ Cooper, A. F., Higgott, R. A., and Nossal, K. R., Locating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order. Carlton, Victoria: Melbourne University Press, 1993, p. 166.

¹¹⁵ Gilley, B., O'Neil A., Middle Powers and the Rise of China. Georgetown University Press, 2014. P. 23-44.

¹¹⁶ Carr, A., Is Australia a Middle Power? A Systematic Impact Approach // Australian Journal of International Affairs. 2014. №68: 1. P. 70–84.

ресурсами, а также оборонной мощи. Ввиду данного факта автор данной работы начинает анализ с *позиционного подхода* к определению средних держав. Главной чертой позиционного подхода является классификация средних держав по количественным показателям. Например, в 2005 г. австралийский ученый Марк Томпсон в работе «Punching above our weight?: Australia as a middle power» на основе подробной оценки таких количественных показателей, как население страны, ВВП, численность её армии, расходы на оборону и др., пришел к выводу, что Австралия является средней державой, несмотря на некоторое отставание её демографических показателей¹¹⁷. В данном случае трудно не согласиться с М. Томпсоном. Если брать в сравнение население ряда государств ИТР, то население Австралии примерно равно населению таких крупных городов как Нью-Дели, Карачи, Пекина или Шанхая.

Говоря об иных показателях, то один из постулатов позиционного подхода, расширяющего эту концепцию, состоит во включении географического положения государства в оценку его мощи. Министр иностранных дел Австралии Александр Даунер (1996-2007 гг.) рассматривал размер территории государства как один из показателей его мощи, поэтому, несмотря на изолированное положение в регионе, занимающая шестое место в мире по площади Австралия имеет право на статус «значительной» или средней державы.

Кроме того, государство может быть определено в качестве средней державы из-за ее географического положения между двумя великими державами, что обеспечивает одной из них опору и оборонное преимущество. Истоки данного положения лежат в труде Карла фон Клаузевица, опубликованном в 1831 г., где прусский военный рассуждает о последствиях отделения Бельгии от Нидерландов и отмечает, что с момента исчезновения Бургундского Королевства как разделяющей средней державы (*от нем. trennende Mittelmacht*) между Германией и Францией первая всегда была

¹¹⁷ Thomson, M., *Punching above Our Weight?: Australia as a Middle Power*. Australian Strategic Policy Institute // JSTOR. [Электронный ресурс]: URL: www.jstor.org/stable/resrep03837 (дата обращения: 15.05.2020).

подвержена амбициям и агрессивной политике второй державы. Несмотря на то, что Австралия физически не граничит с двумя великими державами, она является союзником Соединенных Штатов, которые рассматривают ее как одну из опор в ИТР в деле сдерживания Китая и проецирования военной мощи в регионе.

Безусловно, одним из показателей для определения средних держав также может стать уровень обеспеченности материальными или природным ресурсами, что является «необходимым условием для того, чтобы средние державы могли выдвигать инициативы и добиваться их реализации»¹¹⁸. В то же время, средние державы могут обладать достаточным количеством ресурсов для поддержки и обеспечения лидерских позиций в пределах своей субрегиональной сферы влияния в своих географических регионах¹¹⁹, но, в то же время, они также могут иметь нехватку ресурсов для распространения своего влияния в глобальном масштабе. В данном случае необходимо отметить, что Австралия обладает большим влиянием в пределах южной части Тихого океана и оказывает некоторое влияние на глобальный порядок, поддерживая нормы международного права, инициативы международных организаций, предоставление ОПР развивающимся странам, а также участвуя в военных операциях на Ближнем Востоке. Стремление к обеспечению стабильности и основанного на правилах (rules-based) порядка нашло отражение и в Белой книге по оборонной политике Австралии от 2016 г., в которой он был упомянут 56 раз¹²⁰.

Более того, Австралия занимает достаточно прочные позиции по ряду показателей: 1-е место в мире по запасам золота, железной руды, урана и

¹¹⁸ Gilley, B., O'Neil A., *Middle Powers and the Rise of China*. Georgetown University Press, 2014. P. 23-44.

¹¹⁹ Cooper, A. F., Higgott, R. A., and Nossal, K. R., *Locating middle powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. Carlton, Victoria: Melbourne University Press, 1993., p 17.

¹²⁰ 2016 Defence White Paper, Commonwealth of Australia, 62 p. // Australian Government, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

свинца¹²¹, 13-е место в мире по номинальному ВВП (2017 г.), 12-е место по ВВП на душу населения, 13-е по уровню военных расходов в 2018 г.¹²² или пятое по величине среди стран в Азии и Океании¹²³.

Системный подход

Рассматривая мощь государства не только с количественной, но и с качественной точки зрения с опорой на уровень влияния средней державы, системный подход обогащает понимание данной группы государств. В этом случае необходимо выделить определение средней державы, данное ученым Робертом Кеохейном (1969): средняя держава – «это государство, лидеры которого считают, что оно не может эффективно действовать в одиночку, но может оказывать системное воздействие в небольшой группе или через международный институт»¹²⁴. В том же духе Хью Уайт (2009) утверждает, что средняя держава – это «государство, которое может оказывать влияние на систему международных отношений защиты своих интересов, даже перед лицом конкурирующих интересов крупной державы»¹²⁵. Одной из главных особенностей средних является их бóльшая степень зависимости от международных институтов, чем у великих держав, ведь последние могут в случае применения силы легитимизировать свои действия, используя влияние и поддержку возглавляемого ими блока, в то время как для средних держав, таких как Австралия, членство в ведущих международных организациях – это возможность оказаться в группе государств, принимающих ключевые глобальные решения, а также помогает обеспечить минимум «приемлемых

¹²¹ World ranking for Australia's mineral resources (EDR) and production, 2018 // Australian Government, Geoscience Australia. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.ga.gov.au/scientific-topics/minerals/mineral-resources-and-advice/aimr/world-rankings> (дата обращения: 25.03.2021).

¹²² Tian, N., et. al., Trends in World Military Expenditure, SIPRI Fact Sheet 2019 // Stockholm International Peace Research Institute. [Электронный ресурс]: URL: https://sipri.org/sites/default/files/2019-04/fs_1904_milex_2018_0.pdf (дата обращения: 25.03.2021).

¹²³ Там же.

¹²⁴ Keohane, R., W., 1969. "Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics". International Organization 23 (2). P. 291–310. doi:10.1017/S002081830003160X

¹²⁵ Carr, A., Is Australia a middle power? A systemic impact approach // Australian Journal of International Affairs. 2013. p. 79., doi: 10.1080/10357718.2013.840264

правил поведения всех держав»¹²⁶. Более того, международные организации помогают смягчить насильственные тенденции анархической международной обстановки и достигнуть компромисса на переговорах без применения военной силы. Очевидно, что средние державы уступают в военной мощи великим державам, поэтому членство в международных организациях позволяет им хоть как-то уравнивать шансы.

В 1980-е гг. Австралия стояла у истоков Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Из 12 первоначально представленных государств на первом саммите в Канберре АТЭС расширился до 17-ти участников к 1993 г. и достиг 21-го в 1998 г. На современном этапе саммит АТЭС выступает одной из ведущих площадок для диалога стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Саммит АТЭС 2018 г. прошел в столице Папуа – Новой Гвинеи – г. Порт-Морсби, – а в 2021 г. его примет Новая Зеландия.

Попытки более активного вовлечения Австралии в разрешение глобальных вопросов также предпринял австралийский премьер-министр Кевин Радд (2007–2010 гг.). В 2008 году внимание г-на Радда было сосредоточено на двух ключевых аспектах. Во-первых, К. Радд считал необходимым, чтобы Австралия взяла на себя ведущую роль в решении проблем, связанных с последствиями мирового финансового кризиса и предполагаемыми недостатками «Большой семерки», выступив за расширение форума за счёт ключевых участников группы «Большой двадцатки»¹²⁷. Во-вторых, предложение австралийского премьер-министра о создании Азиатско-Тихоокеанского сообщества, призванного укреплять диалог всех государств АТР (включая Индию) в политической, экономической и оборонных сферах, также доминировало в повестке дня его выступлений в ряде государств

¹²⁶ Cox, R.W., Sinclair, T., *Approaches to World Order*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. p. 250.

¹²⁷ Xu, Y., Hofmeister, W., *Australian Participation in the G20, 2011* // Konrad Adenauer Stiftung. [Электронный ресурс]: URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=7d07301c-afe1-4d2b-6763-c47aead30f59&groupId=252038 (дата обращения: 25.05.2020).

региона¹²⁸. В данном случае также важно учесть, что отношения Австралии и Китая выходят за рамки общих торговых интересов. Китай является постоянным членом Совета Безопасности ООН и ведущим членом G20, АТЭС и саммита Восточной Азии. Если Австралии, как средней державе, потребуется повлиять на исход важных для нее региональных или глобальных вопросов, от регулирования торговли и вплоть до будущего Антарктики, ей придется взаимодействовать не только с Вашингтоном, но и с Пекином. Однако с усилением американо-китайского противостояния Вашингтон всё чаще выступает за расширение числа стран-участниц G7, в том числе за счет включения туда Австралии. Канберра поддерживает подобные шаги своего союзника, но, в то же время, опасается негативной реакции Пекина на откровенное выстраивание антикитайской коалиции на основе G7. Целью средних держав традиционно является возможность оказаться за одним столом переговоров с как можно бóльшим числом ведущих стран мира ради максимизации своей выгоды, но оставить без внимания КНР — вторую по величине экономику и 20% населения мира — явно контрпродуктивная мера.

Необходимо подчеркнуть, что при рассмотрении системного подхода стоит учитывать его важность в качестве дополняющего собой позиционный подход: ведь, сосредотачивая внимание только на дипломатии, государства, не обладающие значительными ресурсами и выдвигающие амбициозные инициативы, не могут рассматриваться как средние державы¹²⁹.

Самоидентификационный подход к определению средних держав фокусируется на позиции лидеров стран, которые сознательно классифицируют свою страну как среднюю державу. Например, данный вектор прослеживался в выступлениях австралийских премьер-министров Боба Хоука (1983-1991 гг.),

¹²⁸ Rudd, K., It's Time to Build an Asia Pacific Community, Speech, Address to the Asia Society AustralAsia Centre, Sydney, 2008 // Australian Government, Department of Prime Minister and Cabinet. [Электронный ресурс]: URL: <https://pmtranscripts.pmc.gov.au/release/transcript-15947> (дата обращения: 25.05.2020).

¹²⁹ Cooper, D., Challenging Contemporary Notions of Middle Power Influence: Implications of the Proliferation Security Initiative for "Middle Power Theory // Foreign Policy Analysis. 2011. №7(3). P. 322.

Пола Китинга (1991-1996 гг.), Кевина Радда (2007-2010 гг.) и др., а также в стремлении Южно-Африканской Республики (ЮАР) и ряда других государств заявить о себе как о средних державах. Безусловно, у данного подхода есть ряд недостатков, включая вероятную смену лидера страны, за которой может последовать отказ от самоидентификации себя в роли средней державы. Кроме того, стремление государства, не соответствующего параметрам в рамках позиционного или системного подхода, поставить себя в один ряд с Австралией, Индией и Канадой также вызовет ряд вопросов.

Таким образом, рассмотрев три подхода к определению средних держав, автор остановится на применении позиционного и системного подходов как взаимообогащающих друг друга методологических инструментов. Ввиду данного факта, в продолжении работы будет сделана попытка сформулировать оборонные и торгово-экономические стратегии средних держав на примере Австралийского Союза.

Оборонные стратегии средних держав

В научной литературе по международным отношениям, посвященной смещению геополитических сил, или «shifting power», зачастую утверждается, что возникающая нестабильность на глобальном и региональном уровнях характеризуется становлением новой великой державы в регионе, которая бросает вызов сложившемуся региональному или глобальному порядку, где доминирует государство-гегемон.

Применяя данный постулат, можно описать две оборонные стратегии, которым следует Австралия на современном этапе. Во-первых, это *стратегия формирования регионального баланса*, которая достигается путем создания противовесов державе, которая стремится укрепиться в качестве доминирующей силы (в данном случае, это КНР). Основы данной стратегии средних держав лежат в трудах Кеннетта Уолтса, по мнению которого, средние державы воспринимают растущую мощь как угрозу и с большей вероятностью выбирают балансирование с помощью военного союза и аккумуляции

военной мощи, чтобы сдерживать растущее влияние оппонента¹³⁰. В дальнейшем ученые, использующие теорию баланса сил, также сосредоточили свое внимание на тенденции «вторичных» государств к стремлению уравнивать силы через балансирование между великими державами¹³¹. Рассматривая фактор Китая во внешней политике Австралии, стоит выделить как минимум три выражения данной стратегии на практике.

В первом случае, в начале переходного периода Австралия может действовать в русле стратегии *хеджирования*, отодвигая момент принятия чей-либо стороны и ограничиваясь другими инструментами влияния. В случае Австралии – это отношения между Соединенными Штатами и Китаем. Наиболее ярко это выразилось в событиях начала 2020 г., когда австралийская сторона отказалась поддержать прямые обвинения в создании COVID-19 со стороны Соединенных Штатов против Китая, но, в то же время, как средняя держава, Австралия обратилась к международному сообществу с просьбой об инициировании расследования происхождения коронавирусной инфекции, а ведущие австралийские СМИ преподносили ситуацию с COVID-19 в политической и идеологической терминологии¹³².

С обострением ситуации в регионе средние державы будут опираться на помощь со стороны действующего гегемона (ныне – США). Данный факт подтверждается переходом Австралии от Великобритании к США после Второй мировой войны, принятием позиции США, направленной против СССР, а также укреплением связей с США в сфере обороны на современном этапе. Также следует рассмотреть вероятное становление Австралии в качестве лидера или хотя бы инициатора объединения средних держав Индо-Тихоокеанского региона: Индии, Японии, Республики Корея и Индонезии в новый альянс.

¹³⁰ Waltz, K., *Theory of International Politics*. Boston: Addison-Wesley, 1979. P. 139.

¹³¹ Ross, R., *Tunsjø, Ø., Strategic Adjustment and the Rise of China: Power and Politics in East Asia*. 1 ed. New York: Cornell University Press, 2017. p. 217.

¹³² Sun, W., *The virus of fear and anxiety: China, COVID-19, and the Australian media*. *Global Media and China*. 2021. 6(1). P. 24-39

Как известно, Австралия – страна трех океанов: Тихого, Индийского и Антарктического. В случае тихоокеанских стратегий Австралия обладает довольно обширным опытом их формирования, в то время как Индийскому океану во внешней политике Канберры уделялось меньше внимания, чем на современном этапе. Подобный подход несет в себе как плюсы, так и минусы. С одной стороны, сопряжение пространств Индийского и Тихого океанов делает охват внешней политики Канберры более обширным, ставит Пятый континент практически в центр ИТР, что придает Австралии больший статус и стимул для выстраивания отношений с другими средними державами региона. С другой, возможности средних держав имеют свои пределы и, безусловно, уступают ведущим державам региона, поэтому амбициозные инициативы Австралии по расширению своего влияния на пространстве трех океанов могут столкнуться так называемым «территориальным перенапряжением», материальными трудностями и даже нехваткой специалистов-регионоведов, которые смогли бы работать по большому кругу вопросов.

Учитывая нынешние условия, Австралия может максимизировать свои выгоды путем построения региональной безопасности на более ограниченном пространстве – в южной части Тихого океана. Канберра определила линию обороны, охватывающую почти всю Меланезию (Фиджи, Вануату, Папуа – Новую Гвинею и Соломоновы Острова и др.), еще в годы Второй мировой войны, чтобы разграничить сферы влияния в Океании с США, которым после капитуляции Японии достались японские территории в Микронезии – Каролинские, Маршалловы и Марианские острова.

Чтобы защитить от американского натиска свои позиции в Меланезии (и при этом сохранить позиции Франции в меланезийской Новой Каледонии ради сдерживания США), в январе 1944 г. Австралия и Новая Зеландия подписали Канберрский пакт¹³³, согласно которому устанавливалась «региональная зона

¹³³ Australian-New-Zealand Agreement... Canberra, 21 January 1944. New-Zealand Treaty Series, 1944, N 1. (Wellington, Department of External Affairs, 1944) / Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL:

обороны», охватывавшая Австралию, Новую Зеландию и южнотихоокеанские острова на севере и северо-западе от австралийского континента вплоть до Западного Самоа и Островов Кука (т.е. практически всю Меланезию). Ключевая 16-я статья Канберрского пакта лишала США права пользоваться после войны базами, размещенными в «региональной зоне обороны». Следовательно, после капитуляции Токио базы США на Новой Каледонии, в Вануату, Папуа – Новой Гвинее и на Соломоновых Островах были свернуты¹³⁴. Тем не менее, в скором времени Австралия переориентировала свои стратегические интересы в сторону сотрудничества с США, став верным союзником Вашингтона в международной политике. Стратегический альянс Австралии и США привел к созданию упомянутого выше военно-политического блока АНЗЮС (именуется по первым буквам в названиях стран-участниц: Australia, New Zealand, United States) на основании Договора безопасности от 1951 г., вступившего в силу в 1952 г.¹³⁵.

Таким образом, Пятый континент на протяжении последнего столетия занимает лидирующие позиции в Океании. Исходя из уровня влияния, сегодня Австралию можно определить как одного из главных акторов вероятного соперничества с КНР в южной части Тихого океана. При дальнейшем проникновении КНР в океанийский регион Канберра, как средняя держава, может прибегнуть к стратегии формирования регионального баланса не только с помощью США, но и наращивать стратегическое сотрудничество на субрегиональном масштабе с другими средними державами Индо-Тихоокеанского региона.

<https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/historical-documents/Pages/volume-07/26-australian-new-zealand-agreement-1944> (дата обращения: 25.12.2020)

¹³⁴ Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем (Коллективная монография) /отв. ред. – сост. Д.С. Панарина; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020, 554 с. ISBN 978-5-907384-17-0. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44726871> (дата обращения: 25.12.2020)

¹³⁵ ANZUS Treaty (Договор безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США (АНЗЮС), именуемый также «Тихоокеанский пакт безопасности», был подписан 1 сентября 1951 г. в Сан-Франциско). [Электронный ресурс]: URL: <https://www.nma.gov.au/defining-moments/resources/anzus-treaty> (дата обращения: 25.12.2020).

В рамках анализа фактора Китая во внешней политике Австралии данные оборонные стратегии хорошо дополняют друг друга и подчеркивают устремления средних держав избежать неопределенности и формализовать сотрудничество¹³⁶ даже в условиях трансформации региональной архитектуры.

Торгово-экономические стратегии средних держав

Необходимо отметить, что исследования внешней политики средних держав по большей части сосредоточены на их оборонных стратегиях и аккумуляции военной мощи, в то время как торгово-экономическая политика средних держав недостаточно изучена. Ввиду данного факта автором была сделана попытка выделить торгово-экономические стратегии Австралии как средней державы: это *стратегия хеджирования* в области соглашений о свободной торговле, а также *стратегия ухаживания*, которая заключается в предоставлении ОПР развивающимся странам.

Как мы видим, стратегии хеджирования средних держав находят свое отражение не только в области их обороны, но и в области торговой политики. С точки зрения средних держав, соглашения о свободной торговле (ССТ) несут в себе как экономические выгоды, так и цель разрешить за их счет более широкий спектр внешнеполитических задач¹³⁷.

Например, учитывая конкуренцию КНР и Соединенных Штатов в Индо-Тихоокеанском регионе, австралийская сторона прибегла к подписанию ССТ с обоими государствами не только в целях увеличения объемов торговли, но и во избежание ситуации, в которой ей придется выбирать между двумя крайностями¹³⁸, чтобы сохранить благоприятные отношения с каждой из стран.

¹³⁶ Cronin, P., Fontaine, R., Hosford, et. al., The Emerging Asia Power Web: The Rise of Bilateral Intra-Asian Security Ties, 2013 // Center for a New American Security. [Электронный ресурс]: URL:

https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS_AsiaPowerWeb.pdf?mtime=20160906080503 (дата обращения: 25.05.2020).

¹³⁷ Solís, M., & Katada, S., Unlikely pivotal states in competitive free trade agreement diffusion: The effect of Japan's trans-pacific partnership participation on Asia-Pacific regional integration // New Political Economy. 2015. №2. P. 155-177.

¹³⁸ Goh, E., Meeting the China challenge: The U.S. in Southeast Asian Regional Security Strategies, 2005 // East-West Center. [Электронный ресурс]: URL:

В данном случае шаги Австралии также подтверждают тезис о стремлении средних держав поддерживать баланс для достижения региональной стабильности, о которой упоминалось ранее. Стратегия хеджирования в области ССТ также оправдана с точки зрения интеграции и большей сплоченности региональных рынков, которые уязвимы перед конкуренцией КНР и США в регионе. Более того, как показал пример американо-китайской и австралийско-китайской торговых войн 2019 и 2020 гг., конкуренция между акторами с большой долей вероятности будет включать скорее инструменты экономического воздействия, нежели применение своих наступательных и оборонных возможностей. Вместе с тем, ССТ позволяет средним державам «прыгнуть выше головы» и дает шанс утвердиться в качестве одного из ключевых торговых узлов путем развития торговых связей. На данный момент Австралия участвует в 15-ти ССТ (Новая Зеландия, Сингапур, США, Таиланд, Чили, КНР, АСЕАН, Малайзия, Республика Корея, Япония, ВПТТП, Гонконг, Перу, Индонезия, ПАСЕР-Плюс, на рассмотрении с 2020 г. – ССТ с Великобританией), что позволяет ей поддерживать более благоприятную торговую среду и играть важную роль в качестве посредника.

Чтобы подчеркнуть влияние ССТ на торгово-экономические связи Австралии и КНР, автор данной работы опирался на труд американского экономиста Джейкоба Вайнера, написанный еще в середине XX в., согласно которому соглашения, либерализующие торговлю, зачастую имеют два типа торговых эффектов: созидание торговли и разрушение торговли. С одной стороны, ССТ устраняют барьеры в торговле между сторонами, что, как предполагается, обеспечивает значительный стимул для укрепления торговых отношений, но, с другой стороны, они приводят к сокращению торгового оборота сторон с другими государствами, чьи торговые отношения носят не столь интенсивный характер¹³⁹. Данную теорию наглядно демонстрирует то,

<https://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/PS016.pdf?file=1&type=node&id=32053> (дата обращения: 25.05.2020).

¹³⁹ *Viner, J.*, The customs union issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950. p. 115.

что доля Китая в экспорте Австралии в период 1972-2019 гг. выросла с 0,59% до 39,1%, а доля США уменьшилась с 9% до 3,62% за тот же период. Одновременно наблюдается тенденция Австралии и Китая расширить торговые связи за счет ССТ с государствами ИТР.

Вместе с тем важно обратить внимание на тот факт, что средние державы традиционно являются щедрыми донорами официальной помощи в целях развития. Рассматривая стратегии Австралии в экономической области, стоит выделить так называемую *стратегию ухаживания*, которая предполагает собой не только поддержание стабильной гуманитарной обстановки в южной части Тихого океана и повышение своего статуса, но и меры по привлечению развивающихся островных государств в свою орбиту путем предоставления им различного рода помощи (преимущественно грантов). Также необходимо отметить, что для оказания ОПР в региональных и глобальных масштабах средние державы должны обладать достаточными материальными ресурсами¹⁴⁰, чему Австралия соответствует с точки зрения позиционного подхода.

Как отмечал уже упомянутый австралийский ученый Х. Булл, начиная с 1970-х гг. политики Канберры «постепенно приходили к пониманию, что интересы Австралии заключаются не просто в укреплении мощи и присутствия США <...> а, скорее, в равновесии между всеми великими державами»¹⁴¹. Более того, по словам Х. Уайта, автора Белой книги по оборонной политике Австралии 2000 г., даже при консервативном правительстве Джона Говарда (1996-2007 гг.) «основной интерес Австралии заключался в стабильном стратегическом балансе» внутри региона.

Таким образом, при анализе оборонных и торгово-экономических стратегий средних держав, в частности, фактора КНР во внешней политике Австралии, автор данной работы выдвигает следующий тезис: с ростом влияния великой державы, которая борется за доминирование в регионе с уже

¹⁴⁰ *Jordaan, E.*, The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers // *Politikon: South African Journal of Political Studies*. - №30(1). P. 165-181.

¹⁴¹ *Carr, A.*, A Pilot Fish Returns to School: Australia Explores New Approaches in East Asia's Evolving Regional Order. *Asia Policy* 13 (2). P. 45-51

имеющимся гегемоном, средние державы первоначально будут вынуждены использовать стратегию хеджирования для сохранения региональной стабильности, но с обострением ситуации они непременно начнут формировать баланс сил, примкнув либо к великой державе, либо к гегемону, либо же объединившись с другими средним державам региона, а также они начнут мобилизовывать свои материальные ресурсы и аккумулировать военную мощь.

1.3. Становление австралийско-китайских отношений

Отсчет истории австралийско-китайских отношений принято вести с начала 70-х гг. прошлого столетия. Как отмечает австралийский историк Хамфри Маккуин, вплоть до 1970-х гг. подход Австралии к КНР был схожим с позициями Великобритании или США¹⁴². Так или иначе, 1970-е гг. стали одними из определяющих в современных австралийско-китайских отношениях, в особенности в связи с фигурой лидера Австралийской лейбористской партии (АЛП) Гофа Уитлэма, который выступал за дипломатическое признание КНР еще в 1954 г. и справедливо утверждал, что Австралия не может игнорировать четверть населения мира¹⁴³. В июле 1971 г. по приглашению Китайского народного института иностранных дел делегация АЛП во главе с Г. Уитлэмом посетила Китай с официальным визитом в ранге главы партийной делегации АЛП, в рамках которой Г. Уитлэм провел встречи с премьер-министром Китая Чжоу Эньлаем, министром торговли Бай Сянго и и.о. министра иностранных дел Цзи Пэнфэем¹⁴⁴.

В декабре 1972 г. Гоф Уитлэм стал 21-м премьер-министром Австралии. Впоследствии австралийский премьер всё также опирался на более прагматичный подход в отношении Китая и стремился укрепить торговые отношения Австралии со странами Азии, уделяя меньше внимания

¹⁴² *Huang, H., M., Australia's China Policy: PhD.* [Электронный ресурс]: URL:<http://unsworks.unsw.edu.au/fapi/datastream/unsworks:11052/SOURCE01?view=true>, University of New South Wales, Australia, 2013. P. 81. (дата обращения 12.03.2021)

¹⁴³ *Griffiths, B., Whitlam in China, 2014 // Inside History* URL: <https://insidestory.org.au/whitlam-in-china/>

¹⁴⁴ *FitzGerald S., Talking with China: The Australian Labor Party Visit and Peking's Foreign Policy.* Canberra: ANU Press, 1971. p. 17.

противостоянию с СССР или Вьетнамом. 21 декабря 1972 г. между Австралией и КНР были установлены дипломатические отношения, а первым послом Австралии в Китае был назначен опытный китаист и переводчик, профессор Стивен Фицджеральд. Со своей стороны, КНР аккредитовала высокопоставленного чиновника Ван Гоцюаня в качестве посла в Австралии в знак признательности за добрую волю, проявленную новой администрацией в Канберре¹⁴⁵.

Важно отметить, что в годы премьерства г-на Уитлэма австралийско-американские отношения носили довольно напряженный характер. Австралийский премьер-министр стремился продемонстрировать Вашингтону, что Канберра может принимать независимые решения. Данным действиям также сопутствовали противоречия между Г. Уитлэмом и президентом США Ричардом Никсоном касательно бомбардировок Вьетнама в декабре 1972 г. Более того, в тот период министры лейбористского правительства публично осудили действия США и охарактеризовали американское руководство как «маньяков-головорезов»¹⁴⁶. Подобные действия со стороны Австралии повлекли за собой ответную реакцию Р. Никсона, который поручил Агентству национальной безопасности изучить варианты прекращения обмена разведывательными данными с Канберрой, проведения совместных военных учений и, самое главное, вывода американских разведывательных объектов с австралийской территории.

В ноябре 1973 г. Г. Уитлэм стал первым премьер-министром Австралии, который нанёс визит в КНР. Австралийская делегация была глубоко впечатлена уровнем приема и гостеприимства, который оказала ей принимающая сторона. Более того, в ходе данного визита Г. Уитлэм провел долгие переговоры с лидером КНР Мао Цзэдуном и его соратником Чжоу Эньлаем. Визит австралийской делегации в Китай широко освещался в СМИ и произвел

¹⁴⁵ Wang Y., *Australia-China Relations post 1949*. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. p. 25.

¹⁴⁶ Heavy meddle: Did the US interfere in Australia's 1975 election? // The New Daily. [Электронный ресурс]: URL: <https://thenewdaily.com.au/news/world/2017/01/19/us-interference-australian-1975-election/> (дата обращения: 25.05.2020).

сильное впечатление на австралийское общество¹⁴⁷. Также необходимо отметить, что устремления Г. Уитлэма подкреплялись и внешнеполитическим вектором КНР, который был направлен на укрепление связей с так называемым «вторым миром»¹⁴⁸.

В годы премьерства Г. Уитлэма запрос на перемены в австралийском обществе проявил себя наиболее ярко: Австралия вывела войска из Вьетнама, установила дипломатические отношения с КНР, предоставила свободу своей самой большой и ресурсной зависимой территории – Папуа – Новой Гвинее в сентябре 1975 г., а также объявила о ратификации международных конвенций по ядерному оружию, трудовым правам и борьбе с расизмом. Приход Г. Уитлэма к власти положительно сказался на прекращении дискриминации в отношении иммигрантов и на росте их числа в Австралийском Союзе, а также заложил прочный фундамент для развития австралийско-китайских отношений.

Пришедший к власти в ноябре 1975 г. лидер Либеральной партии Австралии (ЛПА) Малколм Фрейзер (1975-1983 гг.) продолжил внешнеполитический курс Г. Уитлэма на сближение с КНР. Если на протяжении 1950-1960-х гг. Австралия принимала политику изоляции и сдерживания Китая в фарватере Соединенных Штатов, то в данном случае наследие Г. Уитлэма реализовать было гораздо легче: ведь США также взяли курс на сближение с КНР.

В 1976 и 1982 гг. австралийский премьер-министр М. Фрейзер нанёс официальные визиты в Пекин. Первый визит состоялся до посещения Вашингтона, что свидетельствовало о стремлении австралийского правительства укрепить отношения с Пекином. В 1979 г. М. Фрейзер поддержал выступление Китая против Вьетнама и даже призывал к созданию коалиции, в которую бы вошли КНР, Япония и страны АСЕАН, чтобы

¹⁴⁷ Примечательно, что за данным визитом наблюдал юноша из Квинсленда, который был настолько впечатлен визитом Г. Уитлэма в КНР, что решил изучать китайский язык, – этим юношей был будущий лидер АЛП (2006-2010 гг.) и 28-й премьер-министр Австралии Кевин Радд (2007–2010 гг.).

¹⁴⁸ *Griffiths, B., The China Breakthrough Whitlam in the Middle Kingdom 1971. Monash University Publishing, 2012. p. 60.*

противостоять советской угрозе. М. Фрейзер привлекал внимание к возможным угрозам в Юго-Восточной Азии и Индийском океане, которые могли повлечь за собой рост влияния СССР. Вместе с тем, Либеральная партия Австралии и Коммунистическая партия Китая совместно выступили против вьетнамского вторжения в Камбоджу, а также против ввода советских войск в Афганистан, что в наши дни довольно трудно себе представить. Подобным образом, сближение Австралии и КНР в годы премьерства М. Фрейзера было преимущественно обусловлено противостоянием с СССР – одной из главных причин для беспокойства Канберры.

С приходом к власти М.С. Горбачева в 1990-1991 гг. и Б.Н. Ельцина в 1991-1999 гг. вопрос «советской угрозы» в южной части Тихого океана угас сам собой, при этом в тот период ряд стран региона, например, Япония и Южная Корея, развивались крайне быстрыми темпами, обратив на себя пристальное внимание Австралии.

Однако еще ранее, в 1980-х гг., австралийское правительство окончательно убедилось, что будущее Пятого континента стоит за развитием экономического сотрудничества с Китаем и странами Азии. Торговый оборот КНР и Австралии в те годы стремительно рос, а австралийские предприниматели стали одними из первых инвесторов в экономику КНР. С развитием туризма в 1982 г. австралийцы стали третьими по численности посетителями Китая (53 тыс. чел.) после туристов из Японии и США¹⁴⁹.

В годы премьерства лейбористов – Роберта Хоука (1983-1991 гг.) и Пола Китинга (1991-1996 гг.) – австралийско-китайские отношения получили новый импульс к развитию. К 1984 г. доля стран Азии в экспорте и импорте Австралии составляла 54% и 43% соответственно, в то время как объем экспорта и импорта из США и стран Европы находился на отметке в 44% и 51%. В 1987 г. влияние внешнеэкономических процессов в регионе на политику Австралии выразилось в реформе Министерства иностранных дел, которое

¹⁴⁹ *Strahan, L., Australia's China: Changing Perceptions from the 1930s to the 1990s. Cambridge University Press, 1998. P. 295-297.*

стало Министерством иностранных дел и торговли. Как отмечает австралийский историк Питер Эдвардс, в те годы Министерство торговли обладало бóльшим влиянием в кабинете министров, чем Министерство иностранных дел¹⁵⁰. Реформа оказала положительное влияние на реализацию многих аспектов внешней политики Австралии, и не в последнюю очередь в отношении Китая.

Обмен визитами на высшем уровне между Австралией и КНР быстро развивался, в том числе Б. Хоук установил тесные отношения с реформистскими китайскими лидерами – Генеральным секретарём КПК Ху Яобаном и премьером Государственного совета КНР Чжао Цзяньном, который впоследствии нанес официальный визит в Австралию в апреле 1983 г.¹⁵¹. Необходимо отметить, что Ч. Цзянь стал не только первым китайским премьером, посетившим Австралию, но и первым главой иностранного правительства, которого приветствовала АЛП после победы на выборах¹⁵². Таким образом, данный визит помог поставить китайско-австралийские отношения во главу внешнеполитической повестки Б. Хоука в самом начале его премьерского срока. Б. Хоук не только осознавал, что в скором будущем Китай встанет в один ряд со странами Запада в экономическом плане, но и ожидал внутривнутриполитических реформ в КНР. Особое влияние на австралийско-китайские отношения оказал форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), об учреждении которого Б. Хоуком было объявлено в январе 1989 г. в Сеуле. Примечательно, что в данном случае перед австралийским руководством возникла дилемма: как пригласить к участию в АТЭС трех значимых игроков в региональной экономике — Китай, Гонконг, а также Тайвань, и в то же время избежать острых углов, которые

¹⁵⁰ *Edwards, P.*, Arthur Tange: Last of the Mandarins. Allen and Unwin, 2006. p. 99.

¹⁵¹ *Mediansky, F.A.*, Australian Foreign Policy: Into the New Millennium. Macmillan Education, 1997. p. 216.

¹⁵² Следует отметить, что, хотя премьер Госсовета КНР Ч. Цзянь был принят в Канберре Б. Хоуком, именно его предшественник М. Фрейзер направил приглашение Ч. Цзяньну в рамках его второго официального визита в Китай в августе 1982 г. Данный факт свидетельствует о высокой степени преемственности в политике Австралии в отношении Китая.

могут нанести ущерб австралийско-китайским отношениям. Так, зимой 1989 г. министр иностранных дел Австралии Ричард Вулкотт совершил официальный визит в Пекин в качестве спецпосланника премьер-министра Б. Хоука, чтобы достигнуть договоренности о вступлении КНР в АТЭС наряду с Гонконгом и Тайванем. Уже в ноябре 1991 г. все три стороны приняли участие в ежегодной министерской сессии АТЭС, проходившей в Республике Корея. Позднее АТЭС был расширен и преобразован в Форум с участием региональных лидеров, что широко расценивалось как триумф австралийской дипломатии. В то же время, необходимо отметить и важность АТЭС для Китая, который рассматривал его в качестве эффективной площадки для продвижения положительного имиджа КНР и укрепления торгово-экономического взаимодействия со странами региона путем демонстрации перспектив своей быстрорастущей экономики.

В свою очередь, события июня 1989 г. на площади Тяньаньмэнь породили различные оценки австралийско-китайских отношений и еще раз доказали их прагматичный характер среди политических элит Австралии тех времен. Как отмечает научный сотрудник Университета Гриффита (Австралия) И Ванг, Министерству иностранных дел и торговли Австралии пришлось приложить немало усилий, чтобы найти баланс между принципом (публичное реагирование на возмущение австралийского общества действиями КНР) и прагматизмом (защита торговых и инвестиционных интересов Австралии в Китае). Так или иначе, австралийское правительство продемонстрировало гибкость в риторике, а также заявило, что готово «пересмотреть свой политический подход, если произойдут какие-либо серьезные изменения к лучшему или худшему, и в любом случае до конца года (*прим.* 1989 г. – А.Г.)»¹⁵³.

Несмотря на сближение с КНР и другими странами Азии, австралийский премьер-министр Б. Хоук всё же уделял должное внимание альянсу с США. В годы его премьерства на австралийской территории были размещены

¹⁵³ Wang Y., *Australia-China Relations post 1949*. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. p. 110.

американские военные базы, а также было поддержано право американских военных кораблей заходить в австралийский порты, независимо от наличия на них ядерного оружия¹⁵⁴. Необходимо отметить, что именно в те же годы США и страны Европы также стремились укрепить торговые связи со странами Азии и, в частности, с КНР, что Австралия восприняла как вызов и активизировала свою внешнюю политику в регионе. Австралийское правительство и Министр иностранных дел Гарет Эванс приняли активное участие в урегулировании конфликта в Камбодже, содействовали развертыванию там миротворческих сил, а также выдвигали инициативы по будущим институциональным реформам. В 1985 г. на долю стран Азии приходилась половина экспорта (55%) и почти половина импорта (40%) Австралии. Так или иначе, главным торговым партнером для Австралии в Азии оставалась Япония, а доля КНР держалась на уровне 3,6%. Таким образом, главным отличием внешнеполитического курса Б. Хоука от М. Фрейзера стала его концентрация на интеграционных и торговых процессах в Азии, а не на идеологическом противостоянии.

В первой половине 1990-х гг. лейбористское правительство во главе с премьер-министром Полом Китингом продолжило курс на интенсификацию торгово-экономических отношений Австралии и КНР в рамках продолжения курса на сближение с Азией. В ходе официальных визитов П. Китинга в 1993 г. в Пекин и Шанхай главной темой в его заявлениях были торгово-экономические отношения Австралии и КНР, а не проблемы прав человека и расследование событий на площади Тяньаньмэнь. Как заявил сам П. Китинг, разрыв отношений, вызванный событиями на площади Тяньаньмэнь, ушел в историю¹⁵⁵. Данное заявление подтверждает стремление П. Китинга к более прагматичным отношениям с Китаем. Более того, курс лейбористского правительства в Австралии на сближение со странами региона совпал с политикой недискриминации в отношении иммигрантов: уже в 1991 г. 51%

¹⁵⁴ В отличие от Австралии, Новая Зеландия отказалась допускать корабли ВМФ США, несущих ядерное оружие, что повлекло за собой выход Новой Зеландии из АНЗЮС.

¹⁵⁵ *Strahan, L., Australia's China: Changing Perceptions from the 1930s to the 1990s. Cambridge University Press, 1998. p. 312.*

иммигрантов в Австралии были выходцами из стран Азии. Как мы видим, лейбористские правительства Б. Хоука и П. Китинга сохранили австралийско-китайские отношения на стабильном уровне, несмотря на события на площади Тяньаньмэнь и негативное восприятие проблем прав человека в Китае со стороны австралийского сообщества.

С ходом истории стало ясно, что Китай не стал брать на себя роль Японии в качестве экономически крепкого государства, приверженного региональному порядку во главе с Соединенными Штатами, поэтому с середины 1990-х гг. Пекин регулярно вступал в конфронтацию с Вашингтоном и его тихоокеанскими союзниками. Весной 1996 г. на смену лейбористу П. Китингу пришел лидер ЛПА Джон Говард (1996-2007 гг.), который, напротив, стремился вдохнуть новую жизнь в австралийско-американский альянс. Первые же месяцы на посту премьер-министра потребовали от г-на Говарда оперативного ответа на разразившийся кризис в Тайваньском проливе, в ходе которого Китай попытался оказать давление на тогдашнего президента Тайваня Ли Дэньхуэя и провел боевые маневры вблизи тайваньских территорий. Австралийское руководство выразило поддержку ответным действиям Соединенных Штатов, что негативно сказалось на австралийско-китайских отношениях. Более того, углубление связей Австралии и США в рамках АНЗЮС, последующие визиты тайваньских высокопоставленных чиновников и слухи о возможной продаже Тайваню австралийского урана только обострили ситуацию. В то же время, тесные торговые связи Австралии и КНР, которые выстраивались со времен Г. Уитлэма, дали о себе знать. В период 1990-1996 гг. торговый оборот Австралии и КНР вырос с 2,29 млрд долл. до 5,25 млрд долл. (+56%), что приветствовали обе стороны, а в их планы явно не входило ухудшение двусторонних отношений в долгосрочной перспективе.

В ходе саммита АТЭС 1996 г., который проходил на Филиппинах, Дж. Говард заверил китайского лидера Цзян Цзэминя в поддержке Австралией принципа «одного Китая», а также выразил надежду на сотрудничество в рамках Всемирной торговой организации (ВТО). Как результат, Генеральный

секретарь КПК Ц. Цзэминь пригласил австралийского премьера в Китай. Визит Дж. Говарда в Пекин и Шанхай состоялся в марте-апреле 1997 г. Необходимо отметить, что вектор Дж. Говарда на сближение с КНР совпал со вторым сроком американского президента Билла Клинтона (1997-2001 гг.), в период которого активизировалось и американо-китайское взаимодействие. В то же время, ряд инцидентов в Южно-Китайском море и Тайваньском проливе снова негативно сказались на австралийско-китайских отношениях. В ходе своего заявления 25 апреля 2001 г. г-н Говард отметил, что Австралия «не хочет видеть никакой агрессии со стороны Китая против Тайваня», что еще больше обострило двусторонние отношения¹⁵⁶.

События 11 сентября 2001 г., которые потрясли мир, заставили многие крупные и средние державы сделать борьбу с террористической угрозой своим главным приоритетом. С одной стороны, окрепли австралийско-американские связи в рамках пакта АНЗЮС, с другой – Китай выразил Соединенным Штатам поддержку и заявил о своей готовности участвовать в борьбе с терроризмом, что со временем окончательно отодвинуло события на площади Тяньаньмэнь на второй план. Кроме того, более активное участие Китая в региональных и глобальных инициативах (например, вступление в ВТО) помогло Пекину вернуть доверие к себе со стороны западных партнеров.

В мае 2002 г. австралийский премьер Дж. Говард нанёс очередной визит в Китай, в рамках которого он заручился согласием Премьера Госсовета КНР Чжу Жунцзи провести переговоры по соглашению о торгово-экономических отношениях, разработка которого также была инициирована Дж. Говардом¹⁵⁷. Год спустя состоялось одно из наиболее значимых событий в современной истории австралийской внешней политики: выступление генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао и президента Соединенных Штатов Джорджа

¹⁵⁶ *Atkinson J., Australia and Taiwan: Bilateral Relations, China, the United States, and the South Pacific.* Leiden: Brill; 2013. <http://proxy.library.spbu.ru:2124/login.aspx?direct=true&db=nlebk&AN=503949&lang=ru&site=eds-live&scope=site> (дата обращения: 10.05. 2020), p.83

¹⁵⁷ *Wang Y., Australia-China Relations post 1949.* London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. p. 169.

Буш-младшего на заседании австралийского парламента. Как пишет г-н Говард в своих мемуарах, с одной стороны, выступление Ху Цзиньтао стало символом того значения, которое австралийский премьер придавал отношениям с Китаем, с другой – Австралия демонстрировала всему миру успехи в выстраивании тесных отношений как с Вашингтоном, так и с Пекином¹⁵⁸. Более того, именно в ходе визита китайского лидера в Австралию Дж. Говард выдвинул предложение о разработке Соглашения о свободной торговле между Австралией и КНР. Вместе с тем, особое значение носит высказывание министра иностранных дел Австралии Александра Даунера в ходе визита в Пекин в августе 2004 г. о том, что договор АНЗЮС в рамках тайваньского вопроса носит «символический» характер и может не относиться к конфликту, ведь «он будет применяться в случае нападения на США или австралийский материк, но не обязательно в результате военной деятельности в других локациях»¹⁵⁹. Во-первых, данное заявление сигнализировало о значимости отношений с КНР для Австралии, а во-вторых, подобное высказывание об австралийско-американском альянсе было критически воспринято в Вашингтоне.

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что в период с 1996 по 2007 гг. правительство Дж. Говарда активно корректировало свое стратегическое видение в отношении КНР и крайне редко обостряло отношения между двумя государствами. Безусловно, углубление экономической взаимозависимости между Австралией и Китаем можно назвать одним из наиболее явных факторов при формировании вектора австралийской внешней политики в отношении КНР. В период премьерства Дж. Говарда торговые связи укрепились еще в большей степени: за период 1996–2007 гг. товарооборот вырос более чем в восемь раз и составлял 8,7 млрд долл. Из этого следует, что смена политических партий в Австралии с лейбористов на либералов и

¹⁵⁸ *Howard, J., Lazarus Rising: A Personal and Political Autobiography.* HarperCollins, 2011. p. 38.

¹⁵⁹ Downer flags China shift, 2004 // *The Age.* [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theage.com.au/national/downer-flags-china-shift-20040818-gdyh62.html> (дата обращения: 20.10.2020).

наоборот в период нач. 1970 гг. и 2000-х гг. оказывала не столь сильное влияние на австралийско-китайские отношения. Тесные связи между государствами, базис которых был заложен Г. Уитлэмом, продолжили играть ключевую роль в факторе КНР во внешней политике Австралии.

Учитывая ретроспективу австралийско-китайских отношений на стыке XX-XXI вв., трудно не согласиться с недавним утверждением австралийского учёного Аллана Джинджела, согласно которому «для Австралии нет никакого мыслимого будущего – плохого или хорошего, в котором Китай бы не играл ключевой роли»¹⁶⁰. В наши дни уже никого не удивит тот факт, что, несмотря на различия в государственном устройстве, идеологии, культуре и геостратегическом видении будущего региона, Австралию и Китай еще долгие годы будут объединять тесные торговые отношения. Также необходимо отметить, что в XX – нач. XXI вв. австралийские лидеры могли интенсивно развивать торговые связи с Китаем, так как были глубоко уверены в превосходящей мощи своего стратегического союзника – США. Если ранее считалось, что рост торговой взаимозависимости между Австралией и КНР будет происходить в относительно низком геостратегическом риске, и Китай вряд ли начнет перестраивать порядок в Индо-Тихоокеанском регионе, то теперь Австралию по праву можно назвать одной из наиболее зависимых от Китая стран развитого мира, что также может указывать на уязвимость Канберры перед Пекином.

Учитывая двойственный характер австралийских отношений с Соединенными Штатами и КНР, а также факт возросших опасений в отношении австралийской уязвимости перед Китаем, автором был проведен анализ упоминаний КНР и США в Белых книгах по оборонной политике Австралии с 1976 по 2016 гг. В Таблице №1 ниже наглядно продемонстрирован тот факт, что США по сей день занимают ведущее место в оборонной политике Канберры, в то время как с 1976 г. число упоминаний КНР в оборонных

¹⁶⁰ *Gyngell, A.*, China problems are real but it's no single minister's fault, 2018 // Australian Financial Review. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.afr.com/opinion/china-problems-are-real-but-its-no-single-ministers-fault-20180521-h10bhj> (дата обращения: 25.05.2020).

документах Австралийского Союза выросло в 6,4 раз, что свидетельствует о росте беспокойства Канберры в отношении Пекина.

При рассмотрении австралийских оборонных документов нач. XXI в. особое внимание необходимо уделить Белой книге от 2009 г., в который было представлено новое стратегическое видение австралийского премьер-министра Кевина Радда (2007-2010 гг.) в отношении Китая. Как позже писал сам К. Радд, «основные выводы оборонной Белой книги 2009 г. заключались в необходимости признать, что быстрый рост военного бюджета Китая и его возросшая военно-морская активность в Южно-Китайском море представляют собой серьезные изменения в более широких стратегических условиях Австралии»¹⁶¹. Необходимо отметить, что уже тогда авторы австралийского оборонного документа предрекли рост геостратегического значения Индийского океана в мировой политике, в том числе для обороны Австралии¹⁶². Секретный раздел Белой книги 2009 г. даже содержал в себе сценарии боевых действий между Австралией и Китаем, который находится в 5 тыс. км от Пятого континента¹⁶³.

Таблица №1

Упоминания США и КНР в Белых книгах по оборонной политике Австралийского Союза (1976-2016 гг.)							
	1976	1987	1994	2000	2009	2013	2016
США	12	62	60	43	80	86	129
КНР	10	4	20	13	34	65	64

Источник: Составлено автором на основе данных Министерства обороны Австралии¹⁶⁴

¹⁶¹ Из архива автора.

¹⁶² 2009 Defence White Paper, P. 37 // Australian Government, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: https://www.defence.gov.au/whitepaper/2009/docs/defence_white_paper_2009.pdf

¹⁶³ The Australian Government Made A Secret Plan For War With China In 2009, Jun 2012 // Business Insider. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.businessinsider.com/australia-china-kevin-rudd-2009-2012-6>

¹⁶⁴ Defence White Paper, Commonwealth of Australia, 1976 – 2016.

Всё же К. Радд стремился избежать агрессивной риторики в отношении КНР (по крайней мере, публичной), опасаясь нанести ущерб австралийско-китайским отношениям. Несмотря на рост опасений относительно Китая, торгово-экономические отношения Канберры и Пекина продолжали развиваться. Об этом, в частности, свидетельствует визит Си Цзиньпина в Австралию в июне 2010 г., в ходе которого стороны договорились о поставках в КНР сжиженного природного газа (СПГ) на сумму 4 млрд долл. в течение последующих 20 лет по долгосрочному контракту¹⁶⁵.

В дальнейшем на смену реализму К. Радда пришел более оптимистичный взгляд Джулии Гиллард (2010-2013 гг.) в отношении КНР, который нашел свое отражение в Белой книге по оборонной политике Австралии от 2013 г. Согласно выдвинутым там тезисам, Соединенные Штаты останутся «самым мощным стратегическим партнером», в то время как отношения между Вашингтоном и Пекином «будут в большей степени, чем любой другой фактор, определять нашу [прим. австралийскую – А.Г.] стратегическую обстановку в предстоящие десятилетия»¹⁶⁶. Внешнеполитические документы Австралии того времени также гласят, что стратегический ландшафт Пятого континента становится более многосторонним и сложным, в том числе из-за роста влияния Китая и Индии: «степень конкуренции неизбежна по мере изменения стратегического порядка в Азии»¹⁶⁷. Необходимо отметить, что особое внимание в Белой книге Д. Гиллард было уделено растущему взаимодействию и взаимозависимости стран Индо-Тихоокеанского региона, что в данном случае является «сильной стабилизирующей силой», а не поводом для дискуссий об уязвимости. Несомненно, Белая книга 2013 г. также вошла в историю

¹⁶⁵ Wong, F., Chevron signs \$US60 billion Australia LNG export deal, 2009 // Reuters. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.reuters.com/article/innovationNews/idUSTRE58914E20090910> (дата обращения: 25.05.2020).

¹⁶⁶ 2013 Defence White Paper, P. 2 // Australian Government, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: https://defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf

¹⁶⁷ 2013 Foreign Policy White Paper, P. 7 // Australian Government, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: https://www.defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/australia_in_the_asian_century_white_paper.pdf

регионального строительства в Азии благодаря изложенной в ней концепции Индо-Тихоокеанского региона — единого сопряженного геостратегического пространства Индийского и Тихого океанов, — которая признает, что Индия и Индийский океан выступает важной частью австралийского видения будущего региона: «Австралия имеет непреходящий стратегический интерес к стабильности более широкого Азиатско-Тихоокеанского региона, который простирается от Северной Азии до Восточной части Индийского океана»¹⁶⁸. Одной из причин обращения взора на ИТР со стороны австралийского правительства стало растущее влияние Пекина в регионе, его военная и экономическая мощь. Воплощение последней уже известно во всем мире благодаря китайской инициативе «Пояс и путь». По замыслу австралийской стороны, благодаря налаживанию сотрудничества с Индией, Японией и США страна может сдержать или предотвратить попытки КНР перестроить региональную архитектуру.

С приходом к власти лидера ЛПА Малкольма Тёрнбулла в 2015 г. внешнеполитический вектор Австралии в отношении КНР, вероятно, продемонстрировал становление еще более реалистичных воззрений, чем даже взгляды К. Радда. Одним из ключевых аспектов, рассматриваемых в Белой книге 2016 г., также стала проблема территориальных споров в Южно-Китайском море (ЮКМ). Важно отметить, что пусть Австралия и не обвиняет Китай напрямую в дестабилизации обстановки в акватории ЮКМ, в то же время она выступает против использования китайских искусственных сооружений в военных целях.

Белая книга М. Тернбулла наглядно отражает стратегию хеджирования средних держав, так как, несмотря на осуждение милитаризации ЮКМ, оставляет открытым вопрос о главном виновнике этих процессов, как бы намекая на равное участие Соединенных Штатов и Китая в дестабилизации обстановки в ЮКМ. В то же время, именно на период премьерства М. Тернбулла пришелся наибольший размах китайской экспансии в южной части

¹⁶⁸ Там же. С. 12

Тихого океана, ввиду чего политика австралийского премьера была направлена на противостояние Пекину на фоне растущей обеспокоенности иностранным вмешательством во внутреннюю политику Австралии, а также в Океании, где китайская частная телекоммуникационная компания Хуавей (Huawei), предложившая проложить подводные кабели по дну Тихого океана между Вануату, Соломоновыми Островами, Папуа – Новой Гвинеей и австралийским Сиднеем, стала вызывать опасения за свою информационную безопасность у австралийской стороны. В то же время, несмотря на более решительную риторику в отношении КНР, торговые связи обоих государств продолжали развиваться: в период с 2016 по 2018 гг. торговый оборот Австралии и КНР вырос на 41 млрд долл., что также может свидетельствовать о более сдержанной реакции Пекина на действия Канберры ввиду адаптации к факту, что Австралия является страной западного мира и обладает соответствующим мировоззрением и идеологией.

В 2018 г., с момента вступления в свои полномочия нового премьер-министра Австралии Скотта Моррисона, в австралийско-китайских отношениях наиболее явно оформился круг вопросов, по которым обе страны могут либо активно сотрудничать, либо наоборот, конкурировать, причем в областях экономики, регионального строительства и обороны. Особой импульс со стороны австралийских властей был придан Индо-Тихоокеанской концепции с упором на развитие отношений с Японией, Индией и США в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности (Quad), укрепление Пятым континентом собственной военной мощи, экономическое давление на КНР, а также наращивание объемов помощи островным государствам Океании. Всё это было усугублено обстоятельствами пандемии и кризиса COVID-19 в 2020 г. Вместе с тем, обострение австралийско-китайских отношений при С. Моррисоне было продиктовано ускорившимся темпами расширения влияния КНР на Индо-Тихоокеанском пространстве и, как указывалось выше, становлением новой великой державы в регионе в лице Китая, который бросает вызов сложившемуся региональному или глобальному порядку. В то же время,

несмотря на ухудшение отношений с Пекином, Канберра по-прежнему нацелена на максимизацию торговых выгод, но с учетом минимизации угрозы для себя и своей зоны влияния — Океании.

Резюмируя всё вышеизложенное, стоит отметить, что фактор КНР во внешней политике Австралии играет одну из ключевых ролей на протяжении уже половины века. С момента установления дипломатических отношений между двумя государствами Китай обрел большое значение для Австралийского Союза и стал его незаменимым торговым партнером. На этом фоне у Канберры сформировался прагматичный подход к двустороннему сотрудничеству с Пекином. Учитывая постепенное обострение отношений двух стран на современном этапе, прагматизма, которому следовали австралийские политики в XX в. с целью развития торгового сотрудничества Австралии с КНР, в наши дни может оказаться недостаточно. Теперь правящие круги Австралийского Союза уделяют приоритетное внимание не только торговым, но и стратегическим интересам в отношениях с КНР. Для этого австралийская сторона прибегла к стратегии формирования регионального баланса в рамках Индо-Тихоокеанского идейно-синтетического конструкта. В основе концепции ИТР лежит заведомо конфликтный характер, основанный на борьбе за региональное превосходство, в том числе путем торгово-экономического противостояния и наращивания военной мощи ведущими государствами региона. Пример стремительного роста геостратегического значения ИТР во внешней политике Австралии и ведущих государств региона может стать показательным и для южной части Тихого океана, которая уже сегодня становится ареной австралийско-китайского соперничества и привлекает к себе всё более пристальное внимание политических и академических кругов.

ГЛАВА 2.**ВЛИЯНИЕ КНР НА КУРС ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА****2.1. Торгово-экономические связи Австралийского Союза и КНР**

С ходом истории и развития торгово-экономических процессов в Индо-Тихоокеанском регионе экономические связи Австралии с Китаем стали гораздо крепче, чем были когда-то с её метрополией – Великобританией или с её некогда главным торговым партнером на протяжении 26 лет – Японией¹⁶⁹. Вместе с тем преемственность внешнеполитического курса австралийских премьер-министров с 1970-х гг. дала свои плоды, ввиду чего Австралия имеет тесные торгово-экономические отношения со странами Азии. В период 2018–2019 гг. на долю азиатских партнеров приходилось 65,7% двусторонней торговли Австралии, в то время как на долю Европы, США и Новой Зеландии приходилось всего 11%¹⁷⁰. По состоянию на 2019–2020 гг., Китай является крупнейшим экспортным рынком для австралийских товаров и услуг, и, в то же время, крупнейшим источником импорта для Австралии¹⁷¹.

Как было выявлено в Главе 1 данной исследовательской работы, торгово-экономические отношения Австралии и КНР доминируют на протяжении всей истории официальных отношений между государствами. Дипломатические отношения Австралии и КНР могли иметь разную степени напряженности, но, несмотря на это, их торговые связи становились все более тесными. Данный факт также наглядно подтверждается примером из истории австралийско-китайских отношений. На фоне острой риторики Австралийского Союза в отношении КНР в 1960-е гг., схожей с риторикой США, в Китай поставлялось свыше трети пшеницы от всего экспортного объема Австралии, а также

¹⁶⁹ Australia-Japan bilateral relationship // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/japan/Pages/australia-japan-bilateral-relationship> (дата обращения: 25.11.2020).

¹⁷⁰ Trade and Investment at a Glance 2020, p. 7. // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/trade-investment-glance-2020.pdf> (дата обращения: 20.11.2020).

¹⁷¹ Там же.

большое количество железной руды¹⁷². В свою очередь, на современном этапе, характер австралийско-китайских отношений всё больше демонстрирует, что экономическое благополучие Австралийского Союза тесно связано с Китаем, который вот уже на протяжении 13 лет является его главным торговым партнером¹⁷³. Учитывая тот факт, что объем двусторонней торговли между государствами в 2020 гг. составил 161 млрд долл.¹⁷⁴, можно без сомнений утверждать, что настолько тесных торговых связей у Австралийского Союза не было на протяжении всей его двухвековой истории.

Как видно из Графика №1, высокие темпы роста двусторонней торговли как в денежном, так и в процентном соотношении также выступают подтверждением интенсивного и приоритетного характера двусторонней торговли между странами. Вместе с тем, Австралия извлекла большую выгоду из торгового сотрудничества с Китаем, за годы которого она стала одним из ведущих экспортеров природных ресурсов как в региональном, так и в глобальном масштабах, а также привлекла человеческий и материальный капитал, который позволил ей стать одним из наиболее популярных туристических и образовательных направлений в регионе. Например, рост спроса на природный газ и железную руду в Китае способствовал становлению Австралии в качестве одного из ведущих мировых экспортеров СПГ и железной руды. Кроме того, учитывая тот факт, что на долю китайских студентов приходится одна треть обучающихся в Австралии иностранцев,

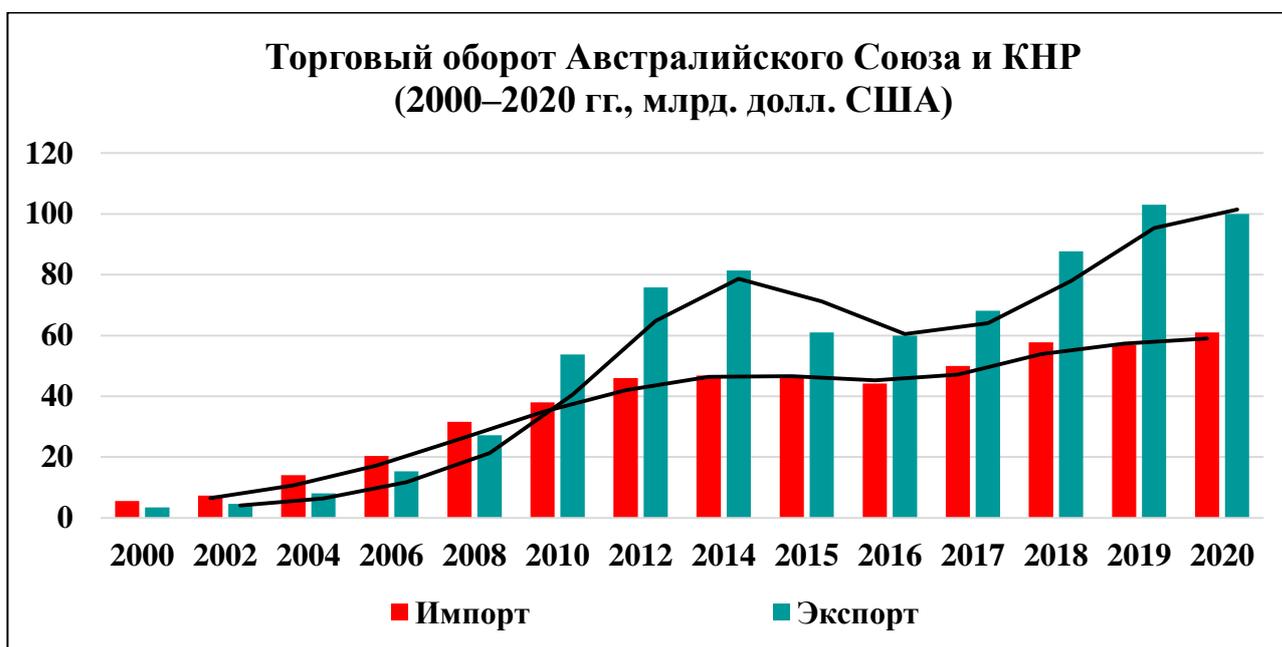
¹⁷² Согласно данным Казначейства Австралии, к началу 1960-х гг. из-за плохих урожаев зерновых Китай начал интенсивно импортировать австралийскую пшеницу, причем импорт увеличился примерно с 16 тыс. тонн в 1950-х г. до почти двух млн. тонн в 1961-62 гг. Уже концу 1960-х гг. пшеница составляла более 90% от австралийского экспорта в Китай. Также в КНР экспортировалась железная руда. - Казначейство Австралии. [Электронный ресурс]: URL: <https://treasury.gov.au/publication/economic-roundup-issue-4-2012/australia-china-not-just-40-years> (дата обращения: 25.12.2020)).

¹⁷³ Среди наиболее крупных региональных торговых партнеров Австралии, за исключением Китая, страны Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Гонконг и Тайвань) – 33,3%, Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Филиппины, Таиланд и Сингапур) – 9,5%, Индия – 4,9% и США – 3,8%

¹⁷⁴ UN Comtrade Database. [Электронный ресурс]: URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения 01.05.2021)

Пятый континент уверенно входит в десятку наиболее привлекательных стран с точки зрения образования.

График №1

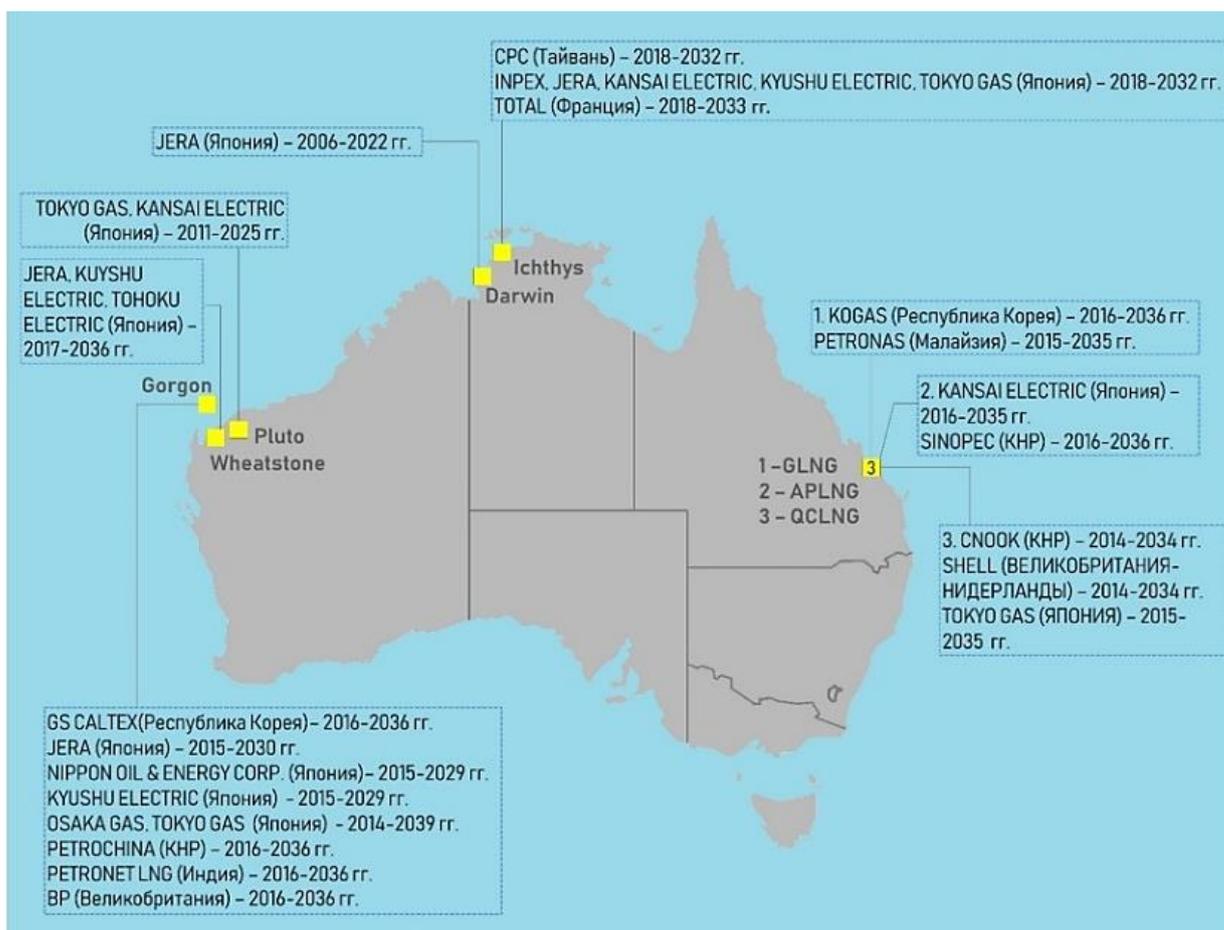
Источник: составлено автором на основе данных торговой статистики ООН¹⁷⁵

Одной из особенностей австралийско-китайских торговых отношений также выступает профицит торгового баланса в пользу Австралии, который, как видно из Графика №2, наблюдается с 2010 года. Резкий скачок австралийского экспорта именно в этот период можно объяснить подписанием ряда соглашений между компаниями двух стран, ориентированных на экспорт австралийского СПГ с газового месторождения Горгон, которое располагается в северо-западной части Пятого континента. На данный момент китайские компании имеют долгосрочные контакты на экспорт природного в трех СПГ-проектах Австралийского Союза – Gorgon (Petrochina), APLNG (Sinopec) и QCLNG (CNOOK).

Помимо СПГ, основными экспортными товарами Австралии в рамках торговых отношений с Китаем выступают железная руда, уголь, золото, продукты сельского хозяйства.

¹⁷⁵ Там же.

Долгосрочные действующие контракты австралийских компаний с государствами ИТР на поставку СПГ

Источник: составлено автором на основе данных GIINGL 2019 Annual Report¹⁷⁶

Так, профицит Австралии в торговле с КНР обусловлен преимущественно экспортом природных ресурсов. Примечательно, что рекордная доля ресурсов в австралийском экспорте в КНР на протяжении последних десяти лет составляет свыше 70%. С одной стороны, это говорит о важности Австралии для Китая в качестве торгового партнера, который может удовлетворить растущую потребность Пекина в ресурсах, но, с другой – указывает на уязвимость и однонаправленность экспортных операций Канберры. В то же время, важно упомянуть об австралийском импорте из КНР, который преимущественно включает в себя электронику, строительные материалы и технику. Учитывая

¹⁷⁶ GIINGL 2019 Annual Report // International Group of Liquefied Natural Gas Importers. [Электронный ресурс]: URL: <https://giignl.org/publications/giignl-2019-annual-report> (дата обращения: 25.02.2020).

интенсивный характер торговых отношений между Австралией и КНР, данный факт подтверждает высокую степень взаимодополняемости экономик обеих стран.

В связи с быстрым ростом торговли между двумя государствами и учетом выгод для обеих сторон, в 2003 г. Австралийский Союз и Китай создали совместную исследовательскую группу, куда вошли Министерство торговли КНР и Министерство иностранных дел и торговли Австралии. В результате проведенной группой работы, в марте 2005 г. в свет вышел доклад «Australia – China Free Trade Agreement Joint Feasibility Study», который указал на главное препятствие развитию торговых отношений Австралии и КНР — тарифы, — а также показал наличие ряда преимуществ для заключения для Китайско-австралийского соглашения о свободной торговле (*англ.* China-Australia Free Trade Agreement, ChAFTA)¹⁷⁷. Спустя десять лет переговоров, 17 июня 2015 г. стороны официально подписали данное соглашение. Оно вступило в силу 20 декабря 2015 г. и стало первым ССТ Китая с крупной развитой экономикой.

При рассмотрении условий снижения торговых барьеров, в частности тарифов, стоит подчеркнуть, что ChAFTA обладает высокой степенью либерализации двусторонней торговли между Австралией и КНР. В рамках данного соглашения были ликвидированы пошлины более чем на 85% товаров, экспортируемых из Австралии в Китай (включая говядину, молочные продукты, вино и зерновые культуры), а также на 92% австралийского экспорта природных ресурсов и продукции обрабатывающей промышленности¹⁷⁸. Ожидалось, что по мере реализации ChAFTA весь экспорт Китая в Австралию и 97% австралийского экспорта в КНР будут освобождены от пошлин.

¹⁷⁷Australia – China Free Trade Agreement Joint Feasibility Study, 147 p. // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/feasibility_full.pdf (дата обращения: 25.01.2021).

¹⁷⁸China-Australia Free Trade Agreement // Trade and Investment Queensland, Australian. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.tiq.qld.gov.au/download/business-interest/export/free-trade-agreements/China-Australia-Free-Trade-Agreement.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

Исходя из данных, приведенных в Таблице №2, стоит отметить, что после подписания ChAFTA в экспортных товарах Австралии (железная руда, уголь, вино, мясо) в среднем выявлен 131-процентный рост стоимости экспорта.

Таблица №2

Экспорт Австралийского Союза в КНР с момента подписания ChAFTA, млрд. долл. США			
	2015 г.	2019 г.	Процент прироста
Железная руда	\$29,5	\$55,1	+86%
Уголь	\$4,85	\$9,36	+92%
Вино	\$0,285	\$0,797	+179%
Мясо	\$1,55	\$4,18	+169%

Источник: составлено автором на основе данных торговой статистики ОЕС¹⁷⁹

Кроме того, ССТ значительно расширило экспортные возможности Австралии в области натурального хозяйства и имеет важное значение для проникновения австралийских сельскохозяйственных товаров на рынок КНР. В общем и целом, объем экспорта Австралии в КНР в период 2015–2019 гг. вырос с 61,01 млрд долл. до 102,99 млрд долл. (+68,8%), а импорт из Китая продемонстрировал рост на 23% (до 56,95 млрд долл.).

Кроме того, необходимо рассмотреть аспекты, которые сказываются на других торговых партнерах Австралии. Например, если доля КНР в австралийском экспорте железной руды Австралии в 2015 г. составляла 79%, на Японию приходилось 11%, а на Республику Корея – 7,3%, то в 2019 г. доля КНР выросла на 2%, а доли Японии и Кореи на снизились на 3,31% и 0,87% соответственно. Аналогичная тенденция прослеживается и в экспорте угля: если в 2015 г. доля Китая в австралийском экспорте угля составила 17%, доля

¹⁷⁹ Observatory of Economic Complexity (OEC). [Электронный ресурс]: URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/aus/chn/show/2019/ (дата обращения 25.12.2020)

Японии – 30%, а Кореи – 13%, то в 2019 г. доля Китая увеличилась на 1,2%, в то время как доля Японии снизилась на 5,4%, а Кореи на 3,12%. Соглашение о свободной торговле также оказало негативное влияние на позиции североамериканских и африканских государства в экспорте железной руды в Китай, в результате чего доля австралийской железной руды в импорте Китая период с 2015 по 2017 гг. выросла с 44% до 66,4%.

Исходя из вышеизложенных фактов, можно заключить, что подписание Китайско-австралийского соглашения о свободной торговле (ChAFTA) оказало положительное влияние на двусторонние торговые отношения государств и в то же время снизило долю ряда государств как в экспорте Австралийского Союза, так и в импорте КНР. Таким образом, данное исследование оправдывает использование подхода американского экономиста Дж. Вайнера, согласно которому ССТ помогают устранить торговые барьеры и нарастить объемы двусторонней торговли (созидательный эффект), в то время как из-за новых торговых условий сокращается торговля с другими государствами (разрушительный эффект)¹⁸⁰.

Кроме того, учитывая устремления Австралии как средней державы к разработке и участию в различных региональных торговых инициативах, направленных на диверсификацию рынков, трудно не обратить внимание на участие Австралии во Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP)¹⁸¹, к которому она присоединилась в феврале 2020 г. Вероятно, австралийская сторона рассчитывает на расширение рынков сбыта, которое откроет перед ней

¹⁸⁰ *Viner, J.*, The customs union issue. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950. p. 115.

¹⁸¹ Инициатива об основании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства была впервые выдвинута Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) еще в 2011 г. в качестве основы для рационализации торговли, инвестиций и других трансграничных экономических взаимодействий между 10 членами АСЕАН и ее шестью партнерами по ССТ. Пятнадцать стран согласились участвовать в RCEP; Индия решила не присоединяться к нему изначально, но сохранила возможность сделать это позже. США к инициативе не присоединились. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство нацелено на устранение внутрирегиональных торговых барьеров, создание либеральной инвестиционной среды, а также расширение торговли услугами.

данный формат сотрудничества, а также поможет укрепить экономическую взаимосвязь среди стран-участниц, что могло бы обеспечить более стабильную обстановку в регионе.

Однако с развитием торговых отношений между Австралией и Китаем всё чаще возникали опасения, что высокая степень взаимозависимости Австралийского Союза от КНР несет в себе чрезмерный риск. Рассматривая данную проблему, стоит отметить, что она лежит сразу в нескольких плоскостях и, как показали события 2020 года, тесно связана с пандемией COVID-19.

Во-первых, по мере роста торговой взаимозависимости Австралии и КНР падение темпов экономического роста Китая может оказать негативное влияние на австралийскую экономику. Вероятные последствия данной проблемы проанализировали ученые Международного валютного фонда (МВФ) А. Дицполи, Б. Хант и В. Мализжевски¹⁸² (2016 г.); П. Карам и Д. Муир (2018 г.)¹⁸³, а также профессор Университета Западной Австралии Н. Гроневолд¹⁸⁴ в 2018 г. Согласно приведенным исследованиям, при падении ВВП КНР на один процентный пункт, ВВП Австралии должен был снизиться от 0,04% до 0,2% в краткосрочной перспективе и от 0,04% до 14% – в долгосрочной. Учитывая негативное влияние вспышки COVID-19 на мировую экономику, автору данной работы представляется уникальная возможность подтвердить или опровергнуть данные предположения на практике. Согласно данным Национального статистического бюро КНР, в первом квартале темпы экономического роста КНР упали на -9,8%. Впервые с 1992 г. экономика Китая продемонстрировала

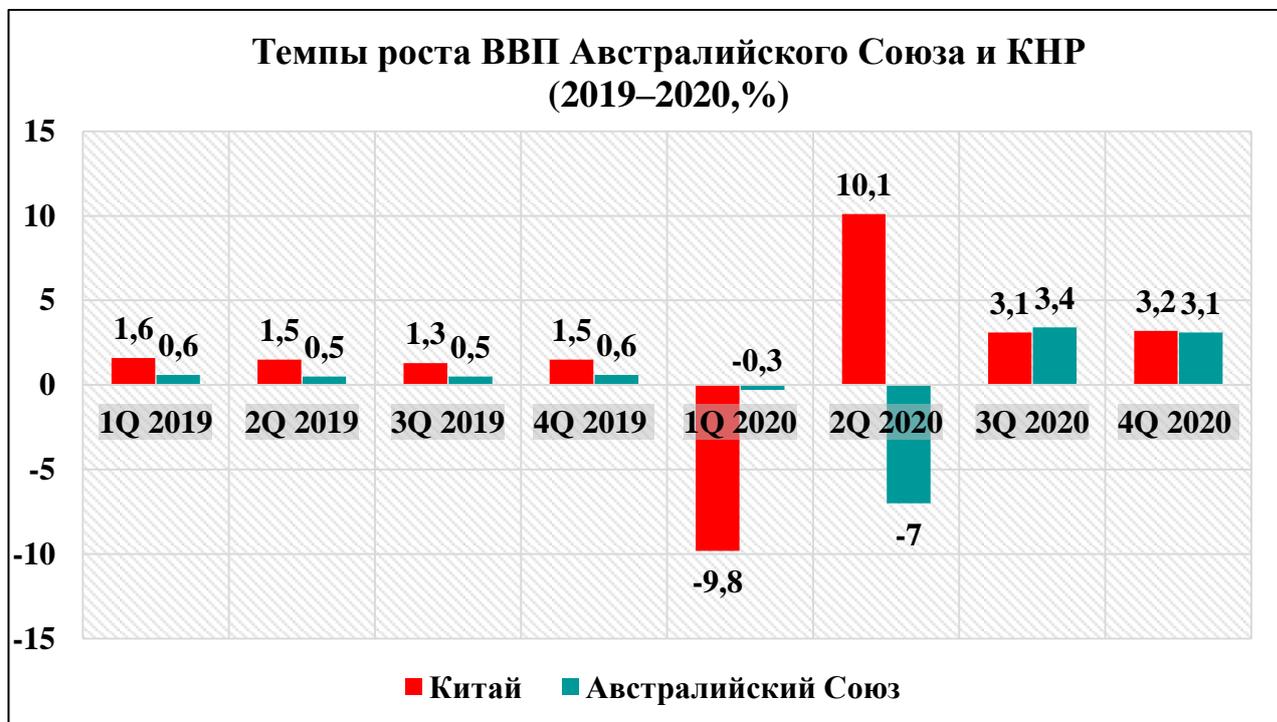
¹⁸² *Dizioli, A., Hunt, L., Maliszewski, W., Spillovers from the Maturing of China's Economy, 2016 // International Monetary Fund (IMF) Working Papers. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Spillovers-from-the-Maturing-of-Chinas-Economy-44381> (дата обращения: 25.01.2021).*

¹⁸³ *Karam, P., Muir, D., Australia's Linkages with China: Prospects and Ramifications of China's Economic Transition, 2018 // International Monetary Fund (IMF) Working Papers. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/05/22/Australia-s-Linkages-with-China-Prospects-and-Ramifications-of-China-s-Economic-Transition-45846> (дата обращения: 25.01.2021).*

¹⁸⁴ *Groenewold, N., China's 'New Normal': How will China's Growth Slowdown Affect Australia's Growth?: Australian and China's Growth Slowdown // Australian Economic Papers . 2018. №57(6). p. 5.*

спад. Примечательно, что экономика Австралии также с 1991 г. была довольно устойчива и избегала падения на протяжении последних 19 лет, но темпы экономического роста Австралии в первом квартале 2020 г. составили $-0,3\%$ ¹⁸⁵.

График №2

Источник: составлено автором на основе данных Reserve Bank of Australia¹⁸⁶ и Национального бюро статистики КНР¹⁸⁷

Как ожидали многие эксперты, последствия кризиса в Китае должны были отрицательно сказаться на австралийской экономике. Учитывая приведенные в пример моделирования, стоит отметить, что наиболее точным оказался сценарий влияния кризиса в КНР на экономику Австралии, приведенный в исследовании профессора Университета Западной Австралии Н. Гроневолда: «непосредственным эффектом снижения темпов роста Китая на единицу будет снижение темпов роста Австралии примерно на $0,05\%$ в

¹⁸⁵ Australia GDP Annual Growth Rate Annual Data // Trading Economics. [Электронный ресурс]: URL: <https://tradingeconomics.com/australia/gdp-growth-annual> (дата обращения: 25.01.2021).

¹⁸⁶ Chart Pack Australian Growth // Reserve Bank of Australia. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rba.gov.au/chart-pack/au-growth.html> (дата обращения: 25.01.2021).

¹⁸⁷ Indicators // National Bureau of Statistics of China. [Электронный ресурс]: URL: <http://data.stats.gov.cn/english/easyquery.htm?cn=B01> (дата обращения: 25.01.2021).

краткосрочной перспективе, а долгосрочный эффект составит порядка 0,15%». Так, исходя из показателей первого квартала 2020 г., ВВП Австралии упал на -0,3%, что довольно близко к краткосрочному показателю прогноза (-0,49%). Однако в сложившейся ситуации во время пандемии велика роль множества факторов, в том числе ограничительных мер, направленных на сдерживание распространения COVID-19. Каждое государство принимает самостоятельное решение о степени своей «открытости» для мира в период пандемии, поэтому меры противодействия коронавирусу также несут в себе элементы погрешности, затрудняющие дальнейший анализ взаимосвязи темпов роста ВВП Австралии и КНР в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Однако факт остается фактом: последствия COVID-19 дали о себе знать. Например, тотальная ориентация Австралии на экспорт железной руды в КНР выразилась в приостановке деятельности ряда австралийских промышленных предприятий на фоне падения спроса в КНР, что повлекло за собой рост безработицы в стране. Подобные случаи были в угольной, газовой и сельскохозяйственной сферах. Стоит отметить, что с мая 2020 г. КНР снова наращивает закупки австралийской железной руды, ввиду чего многие аналитики смотрели на ситуацию довольно оптимистично¹⁸⁸. Вероятно, подобные ожидания опираются на так называемый «сырьевой бум» Китая после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

Во-вторых, 2020 г. стал поворотным моментом в австралийско-китайских отношениях и частично подтвердил некоторые опасения австралийских экспертных, академических и, стоит предположить, правящих кругов о том, что Китай может оказать экономическое давление на Австралию в случае политических разногласий, так как обладает опытом использования экономических мер в качестве инструмента влияния¹⁸⁹. Еще в 2017 г. Китай

¹⁸⁸ *Ker, P.*, Rio says China is showing growing appetite for iron ore, 2020 // Australian Financial Review. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.afr.com/companies/mining/rio-says-china-is-showing-growing-appetite-for-iron-ore-20200407-p54hxi> (дата обращения: 25.01.2021).

¹⁸⁹ *McGregor, R.*, The Beijing way of trade punishment, April 2018 // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpretor/beijing-way-trade-punishment> (дата обращения: 25.01.2021).

закрыв доступ норвежским морепродуктам на свой рынок из-за присуждения Нобелевской премии китайскому диссиденту, и в том же году ограничил поток туристов в Южную Корею после размещения на ее территории американского противоракетного комплекса подвижного наземного базирования «Terminal High Altitude Area Defence» (THAAD). В 2019 г. нарастающая дипломатическая напряженность между Китаем и Австралией ввиду соперничества в южной части Тихого океана, а также роста австралийско-китайских противоречий в области кибер-безопасности вылилось в ограничение импорта австралийского угля одним из крупнейших портов Китая в Даляне. Только одно это событие понизило стоимость австралийского доллара на 1%¹⁹⁰.

Более того, в ответ на инициированное Австралией международное расследование, касающееся источника происхождения коронавирусной инфекции COVID-19, в мае 2020 г. Китай полностью остановил импорт австралийского ячменя, объем которого оценивается в 1,2 млрд долл¹⁹¹. 12 октября 2020 г. Китай заявил о вероятном запрете на импорт австралийского угля¹⁹², приостановив затем импорт лесоматериалов из Квинсленда и Виктории¹⁹³ и ограничив импорт зерна и омаров. Уже в ноябре Пекин ввел временные антидемпинговые пошлины в размере от 107,1% до 212,1%, что, по словам виноделов, сделало австралийское вино негодным для продажи в Китае.¹⁹⁴ В ноябре 2020 года посольство КНР в Канберре также передало прессе документ, содержащий 14 «спорных вопросов» австралийско-китайских

¹⁹⁰ Chinese port bans imports of Australian coal, sending dollar tumbling, 2019 // The Guardian. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theguardian.com/business/2019/feb/21/chinese-port-bans-imports-of-australian-coal-sending-dollar-tumbling> (дата обращения: 25.01.2021).

¹⁹¹ China's tariffs on Australian barley could see export market lose hundreds of millions of dollars// ABC News. URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-05-19/barley-china-australia-tariffs-trade-dispute-explained/12263298>

¹⁹² China reportedly orders halt to imports of Australian coal // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/australia-news/2020/oct/12/china-orders-halt-to-imports-of-australian-coal>

¹⁹³ China bans Victorian timber as trade tensions mount, 2020 // Australian Financial Review URL: <https://www.afr.com/world/asia/china-bans-victorian-timber-as-trade-tensions-mount-20201111-p56d19>

¹⁹⁴ China imposes temporary anti-subsidy charges on Australian wine imports // Reuters URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-australia-wine-idUSKBN28K0CP>

отношений, включающих в себя «облаву на китайских журналистов, отмену студенческих виз, призывы к независимому расследованию происхождения COVID-19, запреты на сети 5G от Huawei, приостановку десяти инвестиционных сделок в областях инфраструктуры, сельского хозяйства и животноводства с участием Китая» и др.¹⁹⁵ Кроме того, китайский правительственный чиновник заявил австралийскому репортеру буквально следующее: «Китай разгневан. Если вы сделаете Китай врагом, Китай станет врагом».¹⁹⁶ В ответ австралийский премьер-министр Скотт Моррисон заявил, что не поставит под угрозу национальную безопасность и суверенитет Австралии: «Австралия всегда будет собой <...> Мы всегда будем устанавливать свои собственные законы и свои собственные правила в соответствии с нашими национальными интересами – не по воле какой-либо другой нации, будь то США, Китай или кто-либо еще»¹⁹⁷.

Но неужели все эти меры вызваны лишь одним расследованием источника происхождения коронавируса? Ответ будет отрицательным, ведь с февраля по май Австралийская антидемпинговая комиссия заявляла о расследованиях в отношении китайского экспорта, в частности алюминия, металлического кремния, трубной стали и др.¹⁹⁸ Только потом последовала более жесткая реакция Пекина. Теперь Канберра пошла дальше и обратилась во Всемирную торговую организацию (ВТО) с иском против антидемпинговых пошлин КНР¹⁹⁹. Здесь важно подчеркнуть еще одну особенность: Австралия оспаривает четыре дела по антидемпинговым пошлинам Китая, в то время как

¹⁹⁵ 'If you make China the enemy, China will be the enemy': Beijing's fresh threat to Australia // The Sydney Morning Herald URL: <https://www.smh.com.au/world/asia/if-you-make-china-the-enemy-china-will-be-the-enemy-beijing-s-fresh-threat-to-australia-20201118-p56fqs.html>

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Australia PM Defiant After China Airlifts 14 Grievances // Bloomberg URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-11-19/morrison-defiant-after-china-airlifts-14-grievances-with-australia>

¹⁹⁸ China-Australia relations: what has happened over the last eight months? // South China Morning Post URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3107228/china-australia-relations-what-has-happened-over-last-six>

¹⁹⁹ Australia refers China to the World Trade Organization over barley tariffs amid ongoing tensions // ABC News URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-12-16/australia-refers-china-to-world-trade-organization-barley-tariff/12966728>

Китай не оспаривал ни одного из 87 дел, возбужденных Австралией в отношении китайских товаров²⁰⁰. С одной стороны, подобные действия Пекина могут повлечь за собой довольно ощутимые последствия для Канберры, так как на КНР приходится 39% австралийского экспорта товаров. В 2019 г. на долю Китая пришлось 100% экспорта австралийской никелевой руды, 95% лесоматериалов, 77% шерсти, 56% железной руды, 54% ячменя и 21% угля. Вместе с тем одним экспортом дело не ограничивается: доля КНР в австралийском импорте составляет 27%, в основном это продукция электротехнической промышленности, машино- и автомобилестроения. С другой, — вопреки тарифной войне, в 2020 г. торговый оборот двух стран практически не изменился и, если статистика в дальнейшем и покажет падение торговых показателей по сравнению с 2019 г., то, вероятнее всего, незначительное. Более того, по состоянию на декабрь 2020 г., поставки австралийской железной руды в КНР выросли на 25% (около 1,5 млрд долл.), в декабре 2020 г. на Китай пришлось 79% экспорта железной руды из Австралии. Всё же, учитывая тот факт, что пошлины были введены относительно недавно, об их влиянии на двустороннюю торговлю Австралии и КНР мы узнаем только из будущих статистических отчетов, где стоит обратить особое внимание на позиции австралийского вина, древесины, угля, зерновых культур, морепродуктов (омары) и др.

Также проявился уникальный фактор, который можно рассматривать в качестве возможности обогащения экономических стратегий средних держав. Для более полного видения ситуации стоит начать с торговой войны между США и КНР, которая стала одним из наиболее ответственных испытаний для австралийско-китайских торговых отношений. Изначально, в июне 2019 г. в рамках саммита «Большой двадцатки» (G20) новоизбранный премьер-министр Австралии Скотт Моррисон выступил с решительной поддержкой торговых претензий США к Китаю, заявив о несправедливости принудительной передачи

²⁰⁰ China-Australia relations: Canberra's path through the WTO looks to be riddled with hurdles and pitfalls // South China Morning Post URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3112922/china-australia-relations-canberras-path-through-wto-looks-be>

технологий и невозможности оправдания кражи интеллектуальной собственности. Вероятно, подобную риторику австралийского премьер-министра можно объяснить его стремлением подтвердить приверженность Австралии к альянсу с США. Как отметил Эндрю Чарлтон, экс-советник недавнего премьер-министра и министра иностранных дел Австралии К. Радда, в ходе торговой войны Канберра сталкивается с «очень серьезной» угрозой, так как она проходит на фоне спада австралийской экономики и замедления её экономического роста²⁰¹. Уже в сентябре 2019 г. австралийская сторона смягчила свою риторику, а министр финансов Австралии призвал Соединенные Штаты пойти на компромисс в торговой войне с КНР²⁰², хотя данный сценарий кажется довольно маловероятным в контексте нынешней конкуренции между США и Китаем. Последствия торговой войны и первая торговая сделка между США и КНР, подписанная 15 января 2020 г., также несет в себе некоторый негативный эффект для Канберры. Для выполнения условий сделки Китаю придется нарастить импорт из США на 200 млрд долл. Минус для австралийской стороны заключается в том, что для выполнения этих условий Китай может переориентировать закупки из ряда стран, в том числе и из Австралии, за счет сельскохозяйственной продукции, газа или сферы услуг.

Казалось бы, рассматривая Австралийский Союз как наглядный пример средней державы, у большинства экспертов не вызывал сомнений тот факт, что инициированная США торговая война была неодобрительно воспринята австралийской стороной. Согласно постулатам о поведении средних держав на мировой арене, им выгодно полагаться на мировой экономический порядок, основанный на правилах и многосторонней системе, которая обеспечивает экономическое процветание и безопасность, что особенно верно в случае Индо-Тихоокеанского региона. Но Австралия, вопреки всем ожиданиям, с

²⁰¹ US-China trade wars a 'serious' threat to Australian economy, 2019 // ABC News. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-08-07/economist-andrew-charlton-warning-australian-harm-amid-trade-war/11387192> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁰² Australia joins coalition of nations urging end to US-China trade war // The Guardian. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/sep/23/australia-joins-coalition-of-nations-urging-end-to-us-china-trade-war> (дата обращения: 25.01.2021).

обострением обстановки в регионе не только развязала торговую войну против Пекина, но и прибегла к более выраженным инструментам для формирования регионального баланса. В этом контексте особенно привлекательна для анализа новая Инициатива по обеспечению устойчивости производственно-сбытовых цепочек (Supply Chain Resilience Initiative, SCRI), подписанная в апреле 2021 г. Индией, Японией и Австралией. Она направлена на создание альтернативных глобальных цепочек поставок в попытке повысить устойчивость и уменьшить экономическую зависимость от Китая. По факту, сторонники Индо-Тихоокеанской концепции предложили платформу для расширения двусторонней торговли и инвестиций, а также возможность позволить обеим странам сотрудничать в разработке эффективной будущей геоэкономической стратегии. Всё это позволяет говорить о том, что оборонные стратегии средних держав, в случае усиления соперничества двух региональных гегемонов, проецируются не только на геостратегические, но и на геоэкономические аспекты взаимодействия рассматриваемых государств. Важно подчеркнуть, что именно усилившаяся трансформация региональной архитектуры ИТР в результате пандемии COVID-19 способствовала выявлению автором этого уникального аспекта внешней политики Пятого континента.

Наконец, одним из опасений является возможное изменение Китаем источника экспорта природных ресурсов, что может негативным образом сказаться на ряде экспортных отраслей, где Австралия занимает лидирующие позиции. Например, особые опасения Канберры вызвало строительство российского газопровода «Сила Сибири», которое было воспринято как маркер возможного сокращения Китаем импорта австралийского СПГ. Австралийско-китайское торговое противостояние также подтвердило обеспокоенность Канберры по этому вопросу. В конце 2020 – начале 2021 гг. в прессе появились сообщения о массовых отключениях электроэнергии в южных провинциях КНР. Эксперты неслучайно связали это с ограничениями на импорт угля из

Австралии, наложенными Пекином²⁰³, ведь по состоянию на 2019 г., около 60% угля, используемого в электрогенерации КНР, поступало именно из Австралии²⁰⁴. Так или иначе, Китай прибег именно к стратегии переориентации своего импорта и поставки угля из соседних стран, в том числе из России, что открывает новые возможности для российской угольной промышленности.

Учитывая уровень взаимодополняемости рынков Китая и Австралийского Союза, а также опасений о возможном экономическом давлении со стороны Пекина, наиболее разумным и обоснованным шагом могла бы стать диверсификация торговых связей Пятого континента с Индией, Японией, США и др. По состоянию на 2019 г., каждая из этих стран находится в числе крупнейших экспортных направлений Австралии, а также потенциально является важным стратегическим партнером (см. п. 3.2. и 3.3.). В то же время, в краткосрочной перспективе перечисленные государства не смогут обеспечить столь крупный рынок сбыта, каким обладает КНР. Например, в июле 2018 г. Австралийским Союзом была представлена стратегия «An India Economic Strategy to 2035», согласно которой рост австралийского экспорта в Индию должен возрасти с 14,9 млрд долл. до 45 млрд долл.²⁰⁵. Безусловно, столь амбициозная цель подчеркивает стремление Австралии к диверсификации торговых связей в ИТР, но, в то же время, сумма в 45 млрд долл. меркнет перед экспортом Австралии в КНР в размере 87 млрд долл. уже в 2019 г. Ввиду данных фактов, стоит предположить, что диверсификация торговых связей Австралии со странами ИТР по-прежнему рассматривается через призму ожиданий²⁰⁶, но, в сочетании с SCRI, потенциально может оказать положительный эффект на снижение торговой зависимости от КНР и по факту толкают Австралию «в объятия» Индии и Японию на фоне напряженности в

²⁰³ Ban on Australian coal imports: Southern China suffers power outages // The Economic Times URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/world-news/ban-on-australian-coal-imports-power-outages-in-southern-china/articleshow/80081966.cms?from=mdr>

²⁰⁴ Ibid.

²⁰⁵ Индия-Австралия: основа сближения, 2018 // Журнал Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21110> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁰⁶ Там же.

отношениях с Китаем, необходимости поиска новых источников экономического роста и правительственной политики по диверсификации торговых партнеров.

График №3

Источник: составлено автором на основе данных торговой статистики ООН²⁰⁷

Значительную роль в развитии австралийской экономики также играют иностранные инвестиции. В XX в. поток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) шел преимущественно из Великобритании, затем из США, но в течение последних десятилетий наблюдается тенденция роста инвестиций со стороны государств ИТР.

На сегодняшний день Китай является девятым по величине инвестором в австралийскую экономику и занимает эту позицию сразу после Люксембурга, Нидерландов, Сингапура и др. Доля КНР в общем объеме инвестиций в Австралийский Союз составляет 1,8%. В то же время, несмотря на малый процент, доля китайских инвестиций в Австралию значительно выросла за последнее десятилетие. Кроме того, с 2005 по 2017 гг. Австралия была второй

²⁰⁷ UN Comtrade Database. [Электронный ресурс]: URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения 01.05.2021)

по величине страной-получателем прямых инвестиций из Китая после Соединенных Штатов²⁰⁸.

Большая часть инвестиций в австралийскую экономику идет в горнодобывающую промышленность и карьерную добычу ископаемых (37,8%), в обрабатывающую промышленность (11,1%), а также в финансовый и страховой секторы (11,1%). Данной тенденции следует и Китай. Тот факт, что на долю добывающей промышленности Австралии приходится почти четверть всех прямых инвестиций, указывает на высокий уровень со стороны иностранных инвесторов не только к данной отрасли, но и к экономике и правовой среде Пятого континента. Импульс к ее развитию прослеживается еще с 1970-х гг., когда в Японии вырос спрос на минеральные ресурсы и углеводороды для активной индустриализации страны. Именно 1970-е гг. стали началом восхождения Австралии в качестве крупнейшего поставщика ресурсов, включая железную руду, уголь, бокситы, глинозем, алюминий, медь, никель, природный газ и уран, а также стали драйвером роста австралийских добывающих компаний²⁰⁹. В наши дни рост потребления углеводородов и иных минеральных ресурсов в КНР и Индии потеснил Японию с лидирующих позиций и теперь является одним из ключевых драйверов для привлечения прямых инвестиций в Австралию.

Вероятно, успех Австралийского Союза кроется в его открытости для конкуренции и участия иностранных инвесторов, поскольку это влечет за собой прогресс в области развития технологий и оптимизации рабочих процессов. Кроме того, иностранные инвестиции играют ключевую роль²¹⁰ не только в поставках ресурсов на международные рынки, но и в разведке полезных ископаемых, где также активно участвует КНР. В 1980-х гг. китайская сторона

²⁰⁸ Does China dominate global investment? // ChinaPower, Center for Strategic and International Studies. [Электронный ресурс]: URL: <https://chinapower.csis.org/china-foreign-direct-investment/> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁰⁹ По состоянию на 1970 г. доля экспорта австралийских ресурсов в Японию составляла 60,8%.

²¹⁰ Во втором десятилетии XXI в. более 4/5 инвестиций в разведку нефти и газа на шельфе и более половины инвестиций в разведку и оценку других полезных ископаемых были сделаны иностранными инвесторами.

инвестировала в Австралии проект компании «Рио Тинто» по добыче железной руды «Channara» в Западной Австралии и в проект по производству алюминия «Portland» в штате Виктория²¹¹. В 2008 г. компания «Shenhua Energy» сообщила о приобретении лицензии на разведку угольных месторождений в Новом Южном Уэльсе²¹². Вместе с тем, китайские компании владеют контрольными пакетами акций компаний, связанных с добычей природных ресурсов. К примеру, в 2009 г. китайская группа компаний по добыче цветных металлов приобрела контрольный пакет акций компании «Lynas Corp Ltd». В январе 2016 г. State Power Corporation Investment Limited of China приобрела Pacific Hydro Corporation и стала второй по величине австралийской ветроэнергетической компанией с установленной мощностью 0,43 МВт и 4,14 МВт.

Рассматривая иные отрасли инвестирования КНР в экономику Австралии, важно отметить исследование П. Вонга (2016). Китайский экономист утверждает, что Китай является одним из крупнейших иностранных покупателей австралийской недвижимости, более чем в три раза опережая США и в шесть раз – Сингапур²¹³. Важно отметить, что интерес к австралийской недвижимости проявляют и китайские строительные компании. Например, в 2015 г. China Communications Construction Company (CCCC) приобрела одну из крупнейших строительных компаний Австралии John Holland Group. Кроме того, в 2012 г. в Австралии была основана компания Yuhu Group Pty Ltd (дочерняя компания Huang's Yuhu Investment Development Company в Шенцзене, Китай) китайским миллионером Хуаном Сянмо, который в 2017 г. оказался в центре скандала с пожертвованиями австралийским политическим партиям.

²¹¹ Huang, X., Austin, I., Chinese Investment in Australia: Unique Insights from the Mining Industry. Palgrave, 2011. p. 11.

²¹² Australia to pay China's Shenhua \$US200 million to buy back mining license // Reuters. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.reuters.com/article/us-australia-coal-licence/australia-to-pay-chinas-shenhua-200-million-to-buy-back-mining-license-idUSKBN19X042> (дата обращения: 25.01.2021).

²¹³ Wong, P., Y., The Drivers of Overseas Investments in the Australian Residential Property Market, 2016 // RMIT University. [Электронный ресурс]: URL: <https://researchbank.rmit.edu.au/eserv/rmit:161787/Wong.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

В то же время, несмотря на позиции Австралии как одного из ведущих торговых партнеров Китая, доля КНР в общем объеме инвестиций в экономику Пятого континента составляет около 2%, сильно уступая инвестициям из США или Великобритании, что свидетельствует о недостаточном уровне доверия между Канберрой и Пекином. Данный факт нашел подтверждение в ужесточении требований к иностранным (китайским) инвесторам и общей инвестиционной политике страны австралийским правительством.

В 2016 г. тогда еще министр финансов Австралии Скотт Моррисон заблокировал участие двух китайских компаний, претендующих на приобретение 50,4% доли австралийской электроэнергетической компании «Ausgrid», мотивируя это соображениями национальной безопасности²¹⁴. Существует, однако, точка зрения, что подобные опасения необоснованны, так как данная ситуация практически идентична с 1970-ми гг., когда рост инвестиций из Японии происходил на фоне укрепления ее в качестве главного торгового партнера Австралии. Более того, учитывая престиж и приоритетность австралийского горнодобывающего сектора, в нем будут стремиться участвовать наиболее конкурентоспособные игроки, среди которых, безусловно, есть и китайские компании.

В 2019 г. приток инвестиций в Австралию из КНР сократился на 62% (до 2,4 млрд долл.)²¹⁵, а нарастающая напряженность в австралийско-китайской торговле равным образом сопровождается принятием новых ограничительных мер австралийских властей к инвестициям из КНР. В начале января 2020 г. «Китайская национальная инженерная строительная компания» (China State Construction Engineering Corporation) отозвала свою заявку на приобретение 88% доли (330 млн долл.) строительной компании «Probuild» (работает в Австралии, но принадлежит застройщику из ЮАР). Причиной отказа китайской стороны от приобретения «Probuild» стала встречная реакция со стороны

²¹⁴ Laurenceson, J., Ausgrid decision will hurt Australia-China relations, 2016 // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/ausgrid-decision-will-hurt-australia-china-relations> (дата обращения: 25.01.2021).

²¹⁵ China FDI to Australia more than halved in 2019, to remain subdued this year, study says // Reuters URL: <https://www.reuters.com/article/instant-article/idUKKBN23G0DP>

австралийских властей. По словам главы казначейства Австралии Джоша Фриденберга, такого рода действия Канберры направлены на защиту национальных интересов страны²¹⁶. Ранее компания «Probuild» работала над проектами по строительству штаб-квартиры полиции штата Виктория и штаб-квартиры биотехнологической компании «CSL» в Мельбурне, которая производит вакцины от COVID-19, – все это, по оценкам авторитетного австралийского издания «Australian Financial Review» (AFR), является той самой причиной отсылки к «национальным интересам» с австралийской стороны²¹⁷. Как сообщает AFR, за последние шесть месяцев власти Австралии «тайно отклонили несколько других китайских приобретений, помимо традиционных секторов критической инфраструктуры, в том числе в строительной и технологической отраслях»²¹⁸. В то же время, по словам Дж. Фриденберга, за последние шесть месяцев Австралией было одобрено более 250 инвестиционных заявок, связанных с Китаем²¹⁹. Так или иначе, министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что Пекин «никогда не согласится с обвинениями в несправедливой торговой практике» и обвинил Австралию в политизации двусторонних отношений в области торговли, инвестиций, науки и технологий. Более того, еще в ноябре 2018 года Дж. Фриденберг также отклонил заявку гонконгского консорциума «СК Asset Holdings Ltd» на покупку австралийской компании «APA Group» (9,4 млрд долл.), владеющей 15 тыс. км газопроводов на территории Австралии, газохранилищами, электростанциями, ВИЭ, а также поставляющей потребителям около половины газа, используемого на Пятом континенте²²⁰. В этом конкретном случае мнение

²¹⁶ National security behind latest China deal rejection // Financial Review URL: <https://www.afr.com/property/commercial/frydenberg-rejects-300-million-chinese-bid-for-probuild-20210111-p56tc7>

²¹⁷ Там же.

²¹⁸ Conditional approval of Probuild buyout rejected due to security risks // Financial Review URL: <https://www.afr.com/politics/federal/conditional-approval-of-probuild-buyout-rejected-due-to-security-risks-20210114-p56u58>

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Blocking Chinese gas takeover won't damage Australia's foreign investment pipeline // The Conversation URL: <https://theconversation.com/blocking-chinese-gas-takeover-wont-damage-australias-foreign-investment-pipeline-103902>

Дж. Фриденберга было основано на опасениях, что покупка компании могла бы привести к «неоправданной концентрации иностранной собственности» в руках китайской группы компаний в одном из наиболее значимых газотранспортных предприятий страны²²¹.

По всей видимости, одной из причин пристального внимания австралийских властей к инвестициям из КНР стала «неожиданная» аренда китайской компанией «Landbridge Industry Australia»²²² одного из главных стратегических активов Австралии – порта Дарвина (Port of Darwin) в 2015 г., который располагается в Северной территории Австралии²²³. Срок аренды составил 99 лет²²⁴. На протяжении долгих лет австралийские правящие круги расценивали этот порт как важный пункт для развития Австралии и называли его «воротами Австралии в Азию». В то же время, инвестиции в данный порт со стороны правительства носили редкий характер. Изначально портом управляла компания Darwin Port, подотчетная парламенту Северной территории через министра инфраструктуры. Компания осуществляла надзор за управлением и стратегическим расширением портовых и логистических услуг, включая экспорт природных ресурсов и обслуживание круизных, военно-морских и таможенных судов²²⁵. После подписания договора между

²²¹ Australia to China: Don't Bother Bidding for Our Gas Pipelines // Bloomberg URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-07/australia-knocks-back-cki-pipeline-bid-citing-national-security>

²²² По данным Bloomberg, Landbridge Industry, Australia является дочерней компанией Shandong Landbridge Group, которая занимается портовой логистикой, нефтехимией, лесоматериалами и девелопментом недвижимости в Китае. Кроме того, она предоставляет услуги по строительству и управлению недвижимостью, а также участвует в морских перевозках, торговле и предоставлении гостиничных услуг. Компания основана в 2001 г. и базируется в городе Жичжао, Китай. Компания Landbridge привлекла внимание австралийской общественности еще в середине 2014 г., когда предложила приобрести брисбенского производителя газа Westside Corporation.

²²³ About APA // APA Group [Электронный ресурс]: URL: https://www.apa.com.au/globalassets/images/1stash/maps/map-510_enlarged_010_w.png (дата обращения 16.08.2021)

²²⁴ Решение правительства Северных территорий Австралии о передаче части порта Дарвин в аренду группе компаний «Лэндбридж Групп» вступило в силу 16 ноября 2015 г. До принятия решения правительством Северной территории этот порт эксплуатировался корпорацией «Дарвин порт Корпорейшн».

²²⁵ Lease of the Port of Darwin to the Landbridge Group, 2015 // Parliament of Australia. [Электронный ресурс]: URL:

правительством Северной территории и Landbridge Group об аренде порта Дарвин, стоимость которого составила 506 млн долл., управление на себя взяла компания Landbridge Industry Australia²²⁶. В число арендованных Landbridge частей порта входит верфь East Arm; база снабжения морской пехоты Дарвина; причал Fort Hill (используется для круизных и военных судов), а также коммерческие судоходные каналы в пределах портовой зоны.

В октябре 2015 г. австралийским правительством были организованы слушания для выявления точной процедуры сдачи порта Дарвин в аренду КНР. Согласно доказательствам, предъявленным со стороны Северной территории, одной из причин сдачи порта в аренду стало множество отклоненных заявок на дополнительное финансирование текущих и будущих инфраструктурных потребностей порта Дарвин, поданных через правительственный орган Infrastructure Australia²²⁷. Кроме того, правительство Австралии рекомендовало порт Дарвин для приватизации, а не для продолжения его работы в качестве государственного объекта²²⁸.

На фоне ажиотажа о потенциальной угрозе национальной безопасности, Министр обороны Австралии Деннис Ричардсон заявил, что порт Дарвин – это в первую очередь торговый порт, а не военно-морская база: «Наш интерес – это доступ к порту и его объектам. Лицензионный акт, который мы подписали в мае этого года, обеспечил нам доступ в порт Дарвин, который мы и хотели получить. Когда нам впоследствии сообщили, что эта продажа была выгодна интересам Китая, мы рассмотрели возможные последствия для национальной безопасности. В рамках обороны это касалось трех служб. В нем участвовали Австралийское управление связи и СМИ и Агентство оборонной безопасности.

https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Senate/Economics/Foreign_Investment_Review/Interim%20Report/c02 (дата обращения: 25.01.2021).

²²⁶ NT Government selects Landbridge as its partner for the Port of Darwin, Media Release, 2015 // Northern Territory Government. [Электронный ресурс]: URL: <http://newsroom.nt.gov.au/mediaRelease/15788> (дата обращения: 25.01.2021).

²²⁷ Там же.

²²⁸ Lease of the Port of Darwin to the Landbridge Group, 2015 // Parliament of Australia. [Электронный ресурс]: URL: https://www.aph.gov.au/Parliamentary_Business/Committees/Senate/Economics/Foreign_Investment_Review/Interim%20Report/c02 (дата обращения: 25.01.2021), Op. Cit.

Ни одна из сторон не испытывала беспокойства с точки зрения безопасности в связи с этой арендой»²²⁹. Учитывая слова австралийского министра обороны, в интересах ведомства было только обеспечение доступа военно-морских судов в порт. В данном случае необходимо отметить, что доступ Королевских военно-морских сил Австралии в порт Дарвин рассчитан на 25 лет, в то время как аренда порта продлится 99 лет. Каждый год в порт Дарвин прибывает около 100 кораблей ВМС и США, и ожидалось, что их число будет расти, особенно по мере роста целевой группы морской пехоты США в Австралии до 2,5 тыс. человек.

В своем интервью от 2016 г. владелец Landbridge Group Йе Чэн заявил, что инвестиции в порт Дарвин соответствуют стратегии компании по расширению ее судоходных и энергетических интересов и служат внешнеполитической цели Китая в рамках развития «Пояса и пути», которую, стоит отметить, Австралия до сих пор (по состоянию на май 2020 г.) не подписала, ссылаясь на вопросы национальной безопасности. Вероятно, порт Дарвин может стать один из ключевых пунктов в реализации инициативы Китая, ведь доступ к порту обеспечивает КНР доступ в Океанию, Индонезию, а также в Индийский океан.

Примечательно, что в 2014 г. незамеченной прошла аренда порта Ньюкасл (Port of Newcastle) — первого торгового экспортного порта в Австралии и крупнейшего в мире угольного экспортного терминала, — австралийской компанией «Hastings Funds Management» и китайской «China Merchants Group». Из-за жесткой конкуренции за австралийские инфраструктурные активы итоговая сумма аренды порта выросла более чем в два раза (до 1,75 млрд. долл.). Срок аренды порта Ньюкасл составил 98 лет²³⁰.

²²⁹ Jennings, P., Darwin: storm in a port, November 2015 // Australian Strategic Policy Institute (ASPI). [Электронный ресурс]: URL: <https://www.aspistrategist.org.au/darwin-storm-in-a-port/> (дата обращения: 10.04.2020).

²³⁰ UPDATE 1-Hastings, China Merchants to pay \$US1.6 bln for Australia's Port of Newcastle // Reuters URL: <https://www.reuters.com/article/australia-portnewcastle-hastings-idUSL3N0NM1A020140430>

Несомненно, подобный опыт отразился и на внутренней политике Австралии. В декабре 2020 г. Канберрой был принят Закон о международных отношениях Австралии («Australia's Foreign Relations Bill»), предоставляющий министру иностранных дел полномочия по приостановке действия новых или подписанных ранее соглашений между штатами и территориями Австралии с иностранными государствами²³¹. Одной из первых целей нового законопроекта стало соглашение австралийского штата Виктория и КНР о его присоединении к инициативе «Пояс и путь» в 2018 г., реализации которого австралийские власти попытаются помешать. Важно подчеркнуть, что низкая заинтересованность Австралии в присоединении к китайской инициативе может объясняться не сугубо политическими факторами, а также с позиции австралийского экономического веса. Как известно, Австралия является экономически развитой и благополучной страной, которая не нуждается в заимствованиях у КНР для развития стратегической инфраструктуры, в отличие от целого ряда государств Юго-Восточной Азии или южной части Тихого океана. С другой стороны, фактически, порты Дарвин и Ньюкасл являются частью проекта «Пояса и пути», как бы это не отрицала австралийская сторона.

Говоря о других вероятных последствиях аренды портов Дарвин и Ньюкасл китайской стороной, стоит выделить тот факт, что обладание столь стратегически ценным объектом может сказаться на торговом обороте Австралии с КНР и странами, присоединившимся к китайской инициативе. С другой стороны, Китай может использовать порты для возможного давления на Австралию, в том числе и в ограничении доступа австралийских и американских ВМФ в порт Дарвин через 25 лет. В любом случае, Австралии слишком поздно что-либо предпринимать по данному вопросу: ведь, чтобы расторгнуть договор аренды, Австралийскому Союзу придется выплатить огромную сумму компенсации компании Landbrige Group.

²³¹ New Australia Law Can Scrap China Belt and Road Accords // Bloomberg URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-12-08/australia-passes-law-that-can-scrap-china-belt-and-road-accords>

Таким образом, дискуссии вокруг прямых инвестиций в Австралию из Китая носят довольно поляризованный характер. С одной стороны, приход китайских инвесторов в Австралию способствует росту конкуренции и развитию различных отраслей, в то время как негативное восприятие роста ПИИ из КНР в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности может повлечь за собой негативную реакцию не только с австралийской, но и с китайской стороны.

Что касается торговых связей Австралии и КНР, то доступ к торговым путям Индо-Тихоокеанского региона, помимо стратегического преимущества, одновременно является и ахиллесовой пятой Австралии. С одной стороны, Австралия извлекла множество выгод от тесных торговых связей с КНР, но, в то же время, из-за тесного характера торговых отношений возникли опасения о её экспортной зависимости от КНР. Безусловно, взаимодополняемость экономик Австралии к КНР, подкреплённая соглашением о свободной торговле, придает импульс к росту экспорта Австралийского Союза в Китай. Вместе с тем, говорить об односторонней зависимости Австралии от торговли с КНР не совсем корректно, так как Китай также обладает умеренной степенью зависимости от поставок сырья и энергоносителей из Австралии. К примеру, сталелитейная промышленность КНР не смогла бы полноценно функционировать без австралийской железной руды и металлургического угля, уровень качества которых практически не имеет аналогов в мире. К тому же, Китай является одним из крупнейших экспортеров природного газа в ИТР. За последние годы Китай стал вторым по величине импортером СПГ²³² после Японии, а политика КНР по сокращению выбросов CO₂ оказала положительный эффект на экспорт австралийского СПГ. Однако, как отмечают австралийские эксперты, комментируя последствия торговой войны между двумя странами, приостановка Австралией экспорта руды может обернуться

²³² Австралийский СПГ как драйвер развития Азиатско-Тихоокеанского региона // Журнал Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/22508> (дата обращения: 25.01.2021).

более серьезными последствиями для Канберры.²³³ С одной стороны, если Австралия перестанет экспортировать в Китай железную руду, это может нарушить работу многих крупных сталелитейных заводов КНР.²³⁴ С другой – предприняв подобный шаг, Австралия, вероятно, потеряет рынок стоимостью в десятки миллиардов долларов²³⁵. Пусть у Канберры и есть рычаги влияния, но у Китая их гораздо больше²³⁶. К примеру, вероятные шаги КНР по ограничению экономического сотрудничества с Австралией в области образования и туризма действительно могут принести свои плоды. В Австралии в 2019 г. обучалось свыше 200 тыс. студентов из КНР, т.е. 38% иностранных студентов в стране. Более того, треть доходов крупнейших университетов Австралии (Сидней и Мельбурн) поступают от китайских абитуриентов. В данном случае на руку Австралийскому Союзу играет факт престижа англоязычного образования для представителей китайского среднего класса, что придает спросу на австралийские образовательные услуги бóльшую устойчивость. Говоря о туристической отрасли, в 2018 г. Австралию посетили свыше 1,3 млн. туристов из Китая, сокращение потока которых также может негативно сказаться на австралийской экономике.

Вместе с тем последствия вспышки COVID-19 в 2020 г. придают исследованиям австралийской зависимости от тесных торгово-экономических связей с КНР большую практическую направленность. Экономике Австралия и Китая на протяжении почти трех десятков лет демонстрировали довольно устойчивый характер, но кризис, в данном случае, оказал прямое влияние на китайский спрос главных экспортных товаров Австралии — природных ресурсов, а также обострил политические противоречия между двумя государствами. В данном случае примечательны рассуждения Кевина

²³³ Everything you want to know about Australia-China trade war but were too afraid to ask // ABC News URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-12-10/china-australia-trade-war-your-questions-answered/12971434>

²³⁴ Там же.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же.

Хассета²³⁷, экс-советника по экономике при администрации Д. Трампа. По мнению эксперта, уровень роста торгово-экономических связей Австралии и КНР станет одним из ключевых маркеров восстановления мировой экономики. Стоит лишь добавить, что состояние австралийско-китайских отношений в краткосрочной и среднесрочной перспективе также станет маркером дальнейшего обострения или снижения напряженности на Индо-Тихоокеанском пространстве.

2.2. Фактор КНР в отношениях Австралийского Союза и США

При анализе внешней политики Австралии следует учитывать, что её экономические (с Китаем) и стратегические (с США) связи развиваются в противоположных направлениях. Крайне распространена точка зрения, что КНР стремится ослабить американо-австралийский альянс путем укрепления торговых связей с Канберрой. Вместе с тем, столкновение экономических и стратегических интересов Австралии между растущей взаимозависимостью с КНР и сохранением стратегически важного альянса с Соединенными Штатами остается одним из важнейших вызовов для Австралии в хронологических рамках, рассматриваемых в данной диссертации.

Как только Дональд Трамп вступил в должность Президента США в начале 2017 г., Вашингтон изменил характер своей политики в отношении КНР в сторону бóльшей конфронтации во многих областях. Данная тенденция является прямым выражением обострившегося соперничества великих держав и их борьбы за гегемонию в Индо-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем не вызывает сомнений тот факт, что Австралия является важным стратегическим партнером США в ИТР, в том числе и в попытках сдерживания роста влияния КНР. Американо-австралийские отношения строятся на множестве разного рода соглашений, но главным из них является АНЗЮС (ANZUS Security Treaty — Australia, New Zealand, United States), подписанный в годы премьерства в

²³⁷ Economic diplomacy: Rising risks and missing links in a pandemic // The Interpreter [Электронный ресурс]: URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/economic-diplomacy-rising-risks-and-missing-links-pandemic> (дата обращения 16.02.2021)

Австралии Роберта Мензиса (1939-1941, 1949-1966 гг.). Согласно положениям данного договора, США, Австралия и Новая Зеландия должны были совместно работать над укреплением своего военного потенциала, проводить консультации по угрозам в Тихом океане и противостоять общим угрозам. Необходимо отметить, что австралийский премьер-министр Р. Мензис был упомянут автором данного исследования неслучайно. Этот факт обусловлен опорой на выработанные австралийским ученым Эндрю Карром модели взаимодействия США и Австралии – «модель Мензиса» и «модель Макартура»²³⁸. Согласно положениям, разработанным Э. Карром, договор АНЗЮС выступает ярким примером «модели Мензиса», так как данная модель основана «на функциональном распределении задач»²³⁹.

События Второй мировой войны, разразившейся в том числе и в Тихом океане, придали импульс к формализации сотрудничества Австралии и США. С одной стороны, Вашингтон преследовал цель не допустить подобной враждебности со стороны тихоокеанских государств, в то время как Австралия осознавала преимущества будущих союзнических отношений с США взамен терпевшей крах Британской империи. Кроме того, стоит предположить, что благодаря Соединенным Штатам Австралийский Союз планировал расширить свое влияние на как на региональном, так и на глобальном уровне.

С годами австралийская сторона стала ясно осознавать, что характер отношений в рамках АНЗЮС носит менее обязывающий характер и не предоставляет ожидаемой степени гарантий от Соединенных Штатов. В особенности это выразилось во времена напряженных отношений между Австралией и Индонезией в 1960-е гг. Стоит предположить, что именно в те годы у австралийских политиков начало формироваться мировоззрение, что Австралийскому Союзу в рамках пакта АНЗЮС стоит опираться на собственные силы при решении региональных проблем, при этом с

²³⁸ Carr, A., Re-Examining the Australia – U.S. Alliance: The Menzies and MacArthur Models, February, 2020 // Australian Strategic Policy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.aspistrategist.org.au/re-examining-the-australia-us-alliance-part-2-the-menzies-and-macarthur-models/> (дата обращения: 25.01.2021).

²³⁹ Там же.

извлечением выгод из военно-технического и разведывательного сотрудничества с США.

Вместе с тем, на фоне более независимого внешнеполитического курса Австралии, укрепления её торгово-экономических связей с КНР, а также роста степени конфронтации Пекина и Вашингтона, американское руководство снова предприняло попытку формализовать отношения с Австралией и нивелировать некоторые недостатки в рамках АНЗЮС, включая предоставление более осязаемых гарантий безопасности Пятому континенту. В данном случае, устремления Соединенных Штатов выразились в Сиднейском заявлении 1996 г. в рамках встречи министров иностранных дел и обороны Австралии и США. Именно с этого момента сотрудничество в рамках АНЗЮС приобрело более практический характер, ввиду договоренностей о базировании американских вооруженных сил на австралийской территории. Так или иначе, в 2010-е гг. австралийско-американское сотрудничество в рамках АНЗЮС выражалось в участии Австралии в борьбе с Исламским государством (организация запрещена в РФ), мероприятиях по защите судов в Ормузском проливе, а также сотрудничестве со странами Юго-Восточной Азии.

Кроме того, взаимодействие Соединенных Штатов и Австралии в рамках АНЗЮС не лишено изъянов и требует определённых реформ, что, в первую очередь, обусловлено новыми геостратегическими реалиями в ИТР, где приоритеты Австралии и Соединенных Штатов имеют некоторые различия и уже не столь схожи, как в 1950-е гг. С одной стороны, Австралийский Союз извлек ряд преимуществ от тесного взаимодействия и доминирования США в регионе, что обеспечило ему некоторую степень уверенности в своей безопасности, доступ к военным технологиям и азиатским рынкам. Вместе с тем, на современном этапе благополучие Австралии по-прежнему зависит от торгово-экономических связей с КНР. Из-за этого вплоть до 2020 г. Австралия «сглаживала углы» в отношениях с Китаем, что наиболее ярко проявилось в её первоначально нейтральной позиции касательно поддержки свободы судоходства в Южно-Китайском море (ЮКМ) во избежание ответных мер со

стороны Пекина. Например, в 2017 г. Соединенные Штаты рассматривали Австралию как наиболее вероятного кандидата на ведение совместного патрулирования в рамках обеспечения свободы навигации в ЮКМ (Freedom of Navigation Patrols, FONOPs), но Австралия не присоединилась к данной инициативе, а только поддержала право США на патрулирование в рамках международного права. По словам министра иностранных дел Австралии Джули Бишоп (2013–2018 гг.), Австралия не присоединилась к FONOPs, так как это привело бы к эскалации напряженности в ЮКМ. Стоит предположить, что попытки австралийского руководства лавировать между США и КНР в данном вопросе наверняка ставят под сомнение доверие к Канберре со стороны Вашингтона в качестве стратегического союзника. К тому же, как отметил австралийский адмирал в отставке Джеймс Голдрик, австралийско-американское патрулирование в ЮКМ стоит проводить не только с целью «поддержать союз с США, а, чтобы продемонстрировать нашу [прим. австралийскую — А.Г.] приверженность основанному на правилах мировому порядку»²⁴⁰.

Усиление конкуренции между двумя гегемонами – США и КНР в ИТР в 2019–2020 гг. повлияло на ряд внешнеполитических решений Канберры, в результате которых американо-австралийский альянс довольно сильно окреп, а отношения Австралии и КНР достигли низшей точки за последние полвека. В 2019 г. Австралия провела довольно крупные учения «Indo-Pacific Endeavour», во время которых австралийский военно-морской флот посетил 13 портов в семи странах ИТР и прошел около 16 тыс. морских миль²⁴¹. Военно-морская флотилия, на борту которой находились военнослужащие ВВС и сухопутных войск, а также вертолеты Seahawk, MH-60R, MRH-90 и Tiger, прошла из Шри-

²⁴⁰ Taylor, B., Tow, W.T., Muhibat, S., Tjhin, C.S., et. al., The South China Sea: middle power perspectives, P. 3 // Australian National University, Strategic & Defence Studies Centre ANU College of Asia & the Pacific URL: http://sdsc.bellschool.anu.edu.au/sites/default/files/publications/attachments/2016-10/cog_27_web_v3.pdf

²⁴¹ Permitting aggressive tactics in the South China Sea is in no one's interests (2019) // Australian Strategic Policy Institute (ASPI) URL: <https://www.aspistrategist.org.au/permitting-aggressive-tactics-in-the-south-china-sea-is-in-no-ones-interests/>

Ланки через Юго-Восточную Азию в Южно-Китайское море, побывав в портах Индии, Малайзии, Сингапура и Индонезии. Несомненно, эти учения принесли пользу австралийской стороне в деле углубления её отношений со странами региона. Затем в июле того же года министр обороны Австралии Линда Рейнольдс выразила готовность более тесно сотрудничать со «странами, разделяющими наши [прим. австралийские/западные] ценности», против «стран, готовых пренебречь порядком, основанным на правилах»²⁴². Летом 2020 г. позиция Австралии стала еще более ясной – Канберра направила в ООН письмо, которое выступает одним из редких источников конкретных взглядов австралийских властей на проблему Южно-Китайского моря. В письме от Министерства иностранных дел и торговли Австралии к Генеральному секретарю ООН от 23 июля 2020 г. оспаривается ряд претензий Китая на морскую юрисдикцию в ЮКМ, которые несовместимы с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. В частности, Канберра отвергла притязания Китая на «исторические права» в Южно-Китайском море, а также поддержала решение Международного трибунала в Гааге по Южно-Китайскому морю от 2016 г., который признал требования КНР несовместимыми с ЮНКЛОС. В своем послании к Генеральному секретарю ООН Австралия также отвергла любые претензии КНР на внутренние воды, территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф, «соединяющих самые отдаленные точки морских объектов или "островных групп" в Южно-Китайском море»²⁴³. Вместе с тем, Австралия также использовала дипломатическую уловку, преимущественно акцентируя внимание на искусственных островах, не отвергая при этом претензии Китая на Парасельские о-ва и о-ва Спратли.

В любом случае, АНЗЮС уже не так сильно обнадеживает Австралию, как 70 лет назад, поэтому для дальнейшего сотрудничества Австралия и США

²⁴² Из архива автора.

²⁴³ Australian Mission to the United Nations (2020) // The United Nations. [Электронный ресурс]: URL: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/mys_12_12_2019/2020_07_23_AUS_NV_UN_001_OLA-2020-00373.pdf (дата обращения 14.02.2021)

пытаются поставить альянс на новую и прочную основу. К 2020 г. в качестве данной основы может выступить стратегия Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона (Free and Open Indo-Pacific, FOIP), провозглашенная в 2016 г. Японией и Соединенными Штатами. Именно стратегия FOIP, которую в разных интерпретациях поддерживают Австралия, Япония, Индия и США, обеспечивает концептуальную основу на фоне растущего экономического и военного влияния Китая, который бросает вызов американскому доминированию в регионе в наши дни. В том же 2016-м г. тогдашний вице-президент (с 2021 г. – президент) США Джозеф Байден также нанес официальный визит в Австралию. Во время своего выступления в Сиднее будущий 46-й президент США заявил, что партнерство между Австралией и США лежит в основе американского «видения будущего региона», а Соединенные Штаты разместят более 60% своего флота и «передовых военных возможностей» в Тихом океане к 2020 г.²⁴⁴. Неслучайно в 2021 г. администрация Джо Байдена учредила специальную должность координатора политики США в Индо-Тихоокеанском регионе при Совете национальной безопасности, на которую был назначен экс-заместитель госсекретаря США Курт Кэмпбелл (2009–2013 гг)²⁴⁵. Фигура К. Кэмпбелла интересна благодаря целому ряду любопытных моментов его биографии. С момента его назначения на новую должность пресса уже успела не только окрестить его «царем Индо-Пацифики»²⁴⁶, «другом Австралии», но и припомнить его призывы к КНР поддерживать отношения со старыми друзьями или расширить свой «круг друзей» в Соединенных Штатах. Всё же одним из наиболее известных моментов биографии К. Кэмпбелла выступает его центральная роль в

²⁴⁴ Office of the Vice President // The White House, President Barack Obama. [Электронный ресурс]: URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/07/20/remarks-vice-president-joe-biden-future-us-australian-relationship-asia> (дата обращения 14.02.2021)

²⁴⁵ 'Friend of Australia' to be Biden's new Indo-Pacific policy chief // Financial Review. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.afr.com/politics/federal/friend-of-australia-to-be-biden-s-new-indo-pacific-policy-chief-20210114-p56u1h> (дата обращения 14.02.2021)

²⁴⁶ 'Indo-Pacific czar' Kurt Campbell calls for spreading out US forces // Asia Nikkei. [Электронный ресурс]: URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Biden-s-Asia-policy/Indo-Pacific-czar-Kurt-Campbell-calls-for-spreading-out-US-forces> (дата обращения 14.02.2021)

разработке и реализации политики «Pivot to Asia» (Поворот к Азии) времен президентства Барака Обамы. «Поворот» был нацелен на переориентацию дипломатических, экономических и военных ресурсов США от Ближнего Востока («дуга нестабильности» по Кэмпбеллу) к Азиатско-Тихоокеанскому региону – «дуге восхождения». Более того, по мнению Кэмпбелла, отношения между Австралией и США – это «золотой стандарт сотрудничества», а выгодное географическое положение, длинная береговая линия и высокоразвитая инфраструктура Пятого континента «может сыграть важную роль в расширении американского присутствия в Азии». Как результат, впервые о новом геостратегическом видении Азиатско-Тихоокеанского региона Б. Обама объявил во время обращения к австралийскому парламенту в 2011 г. Однако в годы президентства Б. Обамы его сильно критиковали за мягкий подход к Китаю, но, в то же время, именно тогда Австралия и США объявили о размещении более чем 2 тыс. морских пехотинцев ВС США и использовании военно-воздушными силами США военных объектов в австралийском Дарвине (Северная территория).

В 2018 г. США объединили Тихоокеанское и Африканское командования своих вооруженных сил в Индо-Тихоокеанское командование – унифицированное боевое командование, действующие на сопряженном пространстве Индийского и Тихого океанов. Более того, летом 2019 г. Пентагоном был опубликован первый доклад по Индо-Тихоокеанской стратегии, в котором не только содержался целый подраздел о Китае как «ревизионистской державе», но и упоминалось о необходимости поддержания более тесного сотрудничества США с такими союзниками, как Австралия²⁴⁷.

Вероятно, в будущем сотрудничество стран ИТР в рамках Quad сможет привести к созданию более устойчивых коалиций, но пока данная инициатива не обладает такой степенью стабильности и выстроенной структурой, как

²⁴⁷ The US Department of Defense Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, And Promoting A Networked Region, 2019 // U.S. Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (дата обращения: 25.01.2021).

АНЗЮС. Так как оборонные документы Соединенных Штатов гласят, что из-за подъема КНР Вашингтон ответит укреплением традиционных альянсов и созданием новых партнерств в ИТР, США, таким образом, косвенно признают свою ослабленную мощь и свою неспособность в одиночку противостоять вызову Китая²⁴⁸. Вероятно, будущее сотрудничество стран ИТР в рамках Quad сможет привести к созданию более устойчивых коалиций, но вплоть до 2020 г. данная инициатива не обладала такой степенью стабильности и системобразования, как АНЗЮС.

В случае разведывательного альянса «Пять глаз» (Five Eyes, FVEY) складывается иная ситуация. Альянс состоит из пяти государств: Австралии, Канады, Новой Зеландии, Великобритании и США, связанных Соглашением о радиотехнической разведывательной деятельности Великобритания – США, а также системами радиолокационной разведки, включая систему «Эшелон». Важно отметить, что с трансформацией региональной и глобальной архитектуры, Пять глаз приобретает всё большее значение, в том числе и во взаимодействии Австралийского Союза и Соединенных Штатов. Однако в случае ближайшего соседа и партнера Австралии в лице Новой Зеландии всё складывается иначе. Веллингтон, который гораздо спокойнее относится к так называемой «китайской угрозе», нежели Канберра, даже в постпандемийную эпоху сохранения баланс в своей внешней политике и развивая взаимовыгодные экономические отношения с Китаем. В свою очередь, тесный характер отношений двух стран подрывает позиции Новой Зеландии в разведывательном альянсе «Пять глаз», участники которого могут считать ее «слабым звеном», наиболее подверженным китайскому влиянию.

Так или иначе, учитывая растущее внимание к возникновению напряженности в Индо-Тихоокеанском регионе, Австралии и США важно опираться и на оборонные аспекты сотрудничества. Именно в данном контексте важно рассмотреть «модель Макауртура», выработанную Э. Карром. Данная

²⁴⁸ Американо-китайское противостояние: Индия и QUAD // Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29650> (дата обращения: 07.04.2021).

модель получила свое название из-за опоры Соединенных Штатов на Австралию в годы Второй мировой войны для проецирования военной мощи в Тихом океане. Учитывая современную геостратегическую обстановку в ИТР, даже 70 лет спустя данный подход по-прежнему всерьез рассматривается обеими сторонами. Наиболее яркое выражение данная идея обрела с объявлением о размещении американских морских пехотинцев на базе в Дарвине, Австралия, в ноябре 2011 г. с последующим увеличением ротационного контингента войск до 2,5 тыс. чел. Более того, уже в ноябре 2015 г. помощник министра обороны США сообщил Конгрессу, что на территории Австралии также будут базироваться американские бомбардировщики В-1. Стоит заметить, что присутствие ротационных войск США в Северной территории Австралии поможет дополнить военные контингенты США на Гуаме, Гавайских островах, а также на о-ве Диего-Гарсия. Вместе с тем, австралийская сторона поддерживает инициативы Соединенных Штатов. К примеру, в 2018 г. премьер-министр Австралии Скотт Моррисон объявил об инвестициях в размере 1,6 млрд долл. в базу RAAF Tindal, которая располагается на севере Пятого континента, играет важную роль в превентивном предупреждении угрозы безопасности австралийским территориям, а также включает в себя эскадрилью истребителей F/A-18 Hornet и самолетов раннего предупреждения E-71A, используемых для обнаружения кораблей и самолетов на больших расстояниях²⁴⁹. Стоит предположить, что подобная стратегия Австралии и Соединенных Штатов позволит ускорить достижение Индо-Тихоокеанской стратегии Д. Трампа за счет роста мобильности вооруженных сил США в регионе, а также увеличения военной мощи Австралии.

Помимо сотрудничества в области ротации военных, обе стороны тесно взаимодействуют в области систем дальнего обнаружения и радиоэлектронной

²⁴⁹ Challenging the Pacific Powers: China's Strategic Inroads in Context, 2018 // Asia Maritime Transparency Initiative, Center for Strategic and International Studies. [Электронный ресурс]: URL: <https://amti.csis.org/challenging-pacific-powers-china-strategic-inroads/> (дата обращения: 25.01.2021).

разведки, реализуя задачи от координации ядерных вооружений и отслеживания ракетных пусков до сбора разведанных. В данном случае особое внимание привлекает австралийско-американский проект Joint Defense Facility Pine Gap (Pine Gap), который представляет собой наземную спутниковую станцию в центре Пятого континента (Элис-Спрингс), среди главных задач которой – сбор разведанных и мониторинг запусков баллистических ракет в ИТР. Pine Gap была введена в эксплуатацию с 1979 г. Всего в Австралии насчитывается не менее девяти подобных систем обнаружения. Более того, две из них – North-East Cape и Kojarena располагаются в Западной Австралии и, вероятно, имеют ключевое значение в обнаружении угроз и разведки Австралии в ИТР.

Также необходимо подчеркнуть, что на австралийской территории США могут разместить не только дальние бомбардировщики, ракеты и радиолокационные системы, но и получить довольно хорошую базу для технического обслуживания, связи и иного материально-технического обеспечения, которое также может предоставить США некоторое стратегическое преимущество перед Китаем.

В то же время, для формирования жизнеспособной стратегии развития Северной территории в контексте австралийско-американского оборонного сотрудничества, обеим сторонам в первую очередь необходимо обратить внимание на вооружения КНР. Согласно данным CSIS, с 2014 г. Китай расширяет свои возможности сдерживания противника (*англ.* Anti-Access/Area Denial, A2/AD) и проецирования военной мощи в Тихом океане, в особенности в Южно-Китайском море. Возможность сдерживания обеспечивают радиолокационные и коммуникационные комплексы, мобильные зенитные и противокорабельные крылатые ракетные комплексы, авиация, а также развитие инфраструктуры в виде взлетно-посадочных полос²⁵⁰. Безусловно, шаги Китая затрудняют США и их союзникам, в том числе и в лице Австралии,

²⁵⁰Chinese Power Projection Capabilities in the South China Sea, 2018 // Asia Maritime Transparency Initiative, Center for Strategic and International Studies. [Электронный ресурс]: URL: <https://amt.csis.org/chinese-power-projection/> (дата обращения: 25.01.2021).

проецирование военной мощи в регионе. Для противодействия возможностям КНР, Пентагоном разрабатываются новые ракеты большой дальности, которые также будут введены в разработку и производство в начале 2020-х гг. Для того, чтобы Индо-Тихоокеанская стратегия воплотилась жизнь, Соединенным Штатам необходимо размещать военную технику в государствах, которые не только обладают развитой военно-морской и авиационной инфраструктурой, но недостижимы для потенциального противника в лице Пекина. Это делает Австралию перспективным местом для безопасного размещения новых американских вооружений. В Австралии уже базируются 20 истребителей F-35 с их последующим расширением до 72 шт. к 2023 г. Ожидается, что на вооружение Австралии также поступит новая тактическая ракета большой дальности JASSM-ER класса «воздух-земля», производство которой начнется в 2021 г.²⁵¹. Военно-воздушные силы Соединенных Штатов намерены интегрировать JASSM-ER и на сверхзвуковом стратегическом бомбардировщике B-1, что позволит нести до 24-х ракет и сделать его одной из ключевых сил в ИТР. Усиление австралийской оборонной мощи при поддержке США также должна стать противокорабельная ракета большой дальности (LRASM), которая также находится в стадии разработки и планируется к размещению в Австралии²⁵². Ожидается, что Австралия приобретет шесть беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) Triton за 7 млрд. долл., которых Соединенные Штаты используют в наблюдении за акваторией Южно-Китайского моря. Более того, Австралия планирует закупить около 30 вооруженных БПЛА Reaper за 3 млрд. долл. Вероятно, эти они могут быть задействованы Канберрой в наблюдательных операциях в Южно-Китайском море, а также в Тихом и Индийском океанах в целом. Усиление австралийской военной мощи при поддержке США также должна стать противокорабельная

²⁵¹ *Everstine, B.*, USAF to Start Buying 'Extreme Range' JASSMs in 2021, February 2020 // Air Force Magazine. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.airforcemag.com/usaf-to-start-buying-extreme-range-jassms-in-2021/> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁵² LRASM Missiles: Reaching for a Long-Range Punch// Defense Industry Daily Staff, 05.07.2019. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.defenseindustrydaily.com/lrasm-missiles-reaching-for-a-long-reach-punch-06752/> (дата обращения: 25.01.2021).

ракета большой дальности (LRASM), которая также находится в стадии разработки и планируется к размещению в Австралии²⁵³. В общем и целом, интенсификация связей Австралии и США в рамках «модели Мензиса» отвечает опасениям австралийского руководства, которые прослеживаются еще со времен Белой книги по оборонной политике 2009 г., где Австралия выражала беспокойство касательно «масштабов, темпов и структуры военной модернизации Китая»²⁵⁴.

Необходимо подчеркнуть, что в условиях стратегического сотрудничества Австралии и Соединенных Штатов крайне важным является аспект приобретения опыта ведения совместных боевых действий. В данном случае особое место занимают совместные боевые маневры. Ключевыми в австралийско-американских отношениях выступают учения «Talisman Sabre», которые проводятся раз в два года и включают в себя десантные, логистические, воздушные и наземные операции. В 2019 г. учения были впервые расширены и включили в себя японскую десантную бригаду быстрого развертывания (Japanese Amphibious Rapid Deployment Brigade). Кроме того, Австралийский Союз и Соединенные Штаты также участвуют в многосторонних военных учениях «Pitch Black», куда также входят Индия, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Германия и Канада. Данный формат учений позволяет Австралии использовать территории на севере страны для воздушной подготовки для дальнейшего повышения региональной координации²⁵⁵. Между тем, нельзя не отметить и некоторые трудности на пути реализации «модели Макауртура» в построении австралийско-американских отношений. Во-первых, данная модель, при всех своих преимуществах, может

²⁵³ LRASM Missiles: Reaching for a Long-Range Punch// Defense Industry Daily Staff, 20.10.2019. URL: <https://www.defenseindustrydaily.com/lrasm-missiles-reaching-for-a-long-reach-punch-06752/>

²⁵⁴ Defence White Paper, 2009, p. 34. [Электронный ресурс]: URL: https://www.defence.gov.au/whitepaper/2009/docs/defence_white_paper_2009.pdf (дата обращения: 25.01.2021).

²⁵⁵ Participating aircraft, 2019 // Royal Australian Air Force Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.airforce.gov.au/exercises/Pitch-Black/participating-aircraft> (дата обращения: 25.01.2021).

быть активно реализована только при наличии явной угрозы, так как открытая подготовка Австралии к военным действиям может негативно отразиться на ее отношениях с КНР. Во-вторых, Австралия в то же время достаточно удалена от конфликтов в Восточной Азии, поэтому она остается важным, но не главенствующим плацдармом для распространения своего влияния в регионе, особенно при активизации действий США в Микронезии. Наконец, необходимо учитывать негативное отношение некоторых австралийцев к иностранным базам на территории страны. Подобные антимилиитаристские настроения особенно распространены среди молодежи, а также могут повлечь за собой негативную реакцию китайской диаспоры.

График №4

Источник: составлено автором на основе данных торговой статистики ООН²⁵⁶

Несмотря на озабоченность в области обеспечения региональной безопасности, Австралия и Соединенные Штаты обладают своими экономическими интересами в Индо-Тихоокеанском регионе. Ввиду данного факта видится необходимым рассмотреть торгово-экономические аспекты сотрудничества Австралии и США. Говоря о торговом сотрудничестве обоих

²⁵⁶ UN Comtrade Database. [Электронный ресурс]: URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения 01.05.2021)

государств, необходимо отметить сравнительно небольшой объем их двусторонней торговли.

По данным торговой статистики ООН, в 2019 г. объем торговли товарами Австралии и США составил 38,13 млрд долл., что в 4,2 раза меньше торгового оборота Австралии и КНР (160 млрд долл.). Так или иначе, по состоянию на 2019 г., Соединенные Штаты удерживают статус третьего по величине торгового партнера Австралии. Кроме того, учитывая культурную близость, США остаются крупнейшим двусторонним торговым партнером Австралии в сфере услуг — 27,2 млрд долл. (14% двусторонней торговли в сфере услуг)²⁵⁷.

1 января 2005 г. вступило в силу Соглашение о свободной торговле между Австралией и Соединенными Штатами (Australia – United States Free Trade Agreement, AUSFTA). Примечательно, что данное ССТ стало вторым соглашением о преференциальной торговле, подписанным Австралией после ее соглашения с Сингапуром (2003 г.). Согласно австралийско-американским договоренностям, ССТ отменяет 97% торговых пошлин в несельскохозяйственном экспорте Австралии в США (за исключением текстильных изделий и одежды). В то же время, ликвидировались тарифные барьеры на 99% промышленного экспорта из США в Австралию, инвестиции из Соединенных Штатов стали пользоваться преференциальным режимом на Пятом континенте. Соединенные Штаты – это крупнейший инвестор в австралийскую экономику, на долю которого приходится 27% (939 млрд долл.) от общего объема иностранных инвестиций Австралии по состоянию на декабрь 2018 г.²⁵⁸. В то же время, США являются главным направлением для инвестиций из Австралии, на долю которых приходится 28% (719 млрд долл.) от общего объема зарубежных инвестиций Австралии по состоянию на декабрь 2018 г.²⁵⁹. По данным Министерства иностранных дел и торговли Австралии, объем двусторонних инвестиций почти утроился с момента вступления

²⁵⁷ Australia-United States FTA // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/trade/agreements/in-force/ausfta/Pages/australia-united-states-fta> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁵⁸ Там же.

²⁵⁹ Там же.

AUSFTA в силу. В подтверждение тезиса о том, что средние державы стремятся уравновесить отношения с помощью ССТ, стоит предположить, что Австралия начала работу над ССТ с КНР, чтобы не выбирать между торговым и стратегическим партнером. Говоря о преференциальной торговле, стоит отметить, что интересы Австралии и США не всегда совпадали, в особенности в период президентства Д. Трампа. В частности, об этом свидетельствует выход США из переговоров о Транстихоокеанском партнерстве (Trans-Pacific Partnership, TPP), целью которого была попытка придать бóльшую согласованность в сети двусторонних ССТ, распространенных в ИТР. Учитывая факт отсутствия Китая в TPP, это могло бы укрепить торговые связи между Австралией и США, но, как результат, Соединенные Штаты, наоборот, оставили за собой торговый вакуум, которым пользуется КНР.

Главным риском для Австралии в её отношениях с США также был решительный настрой администрации Д. Трампа на конфронтацию по отношению к Китаю, который, в то же время, не был подкреплён всеобъемлющей долгосрочной стратегией этой конфронтации, чей непредсказуемый характер больше беспокоит американских союзников в ИТР, чем успокаивает²⁶⁰. К примеру, согласно социологическому опросу Института Лоуи от 2019 г., доверие рядовых австралийцев к Соединенным Штатам после избрания Дональда Трампа упало до самого низкого зарегистрированного уровня – 25%²⁶¹. Более того, среди более двухсот молодых респондентов (в возрасте 18-29 лет) никто (0%) не выразил высокого уровня доверия к Д. Трампу²⁶². В то же время, это практически не отразилось на фактической поддержке австралийцами альянса с Соединенными Штатами, причем 73% респондентов заявили, что альянс с США является естественным

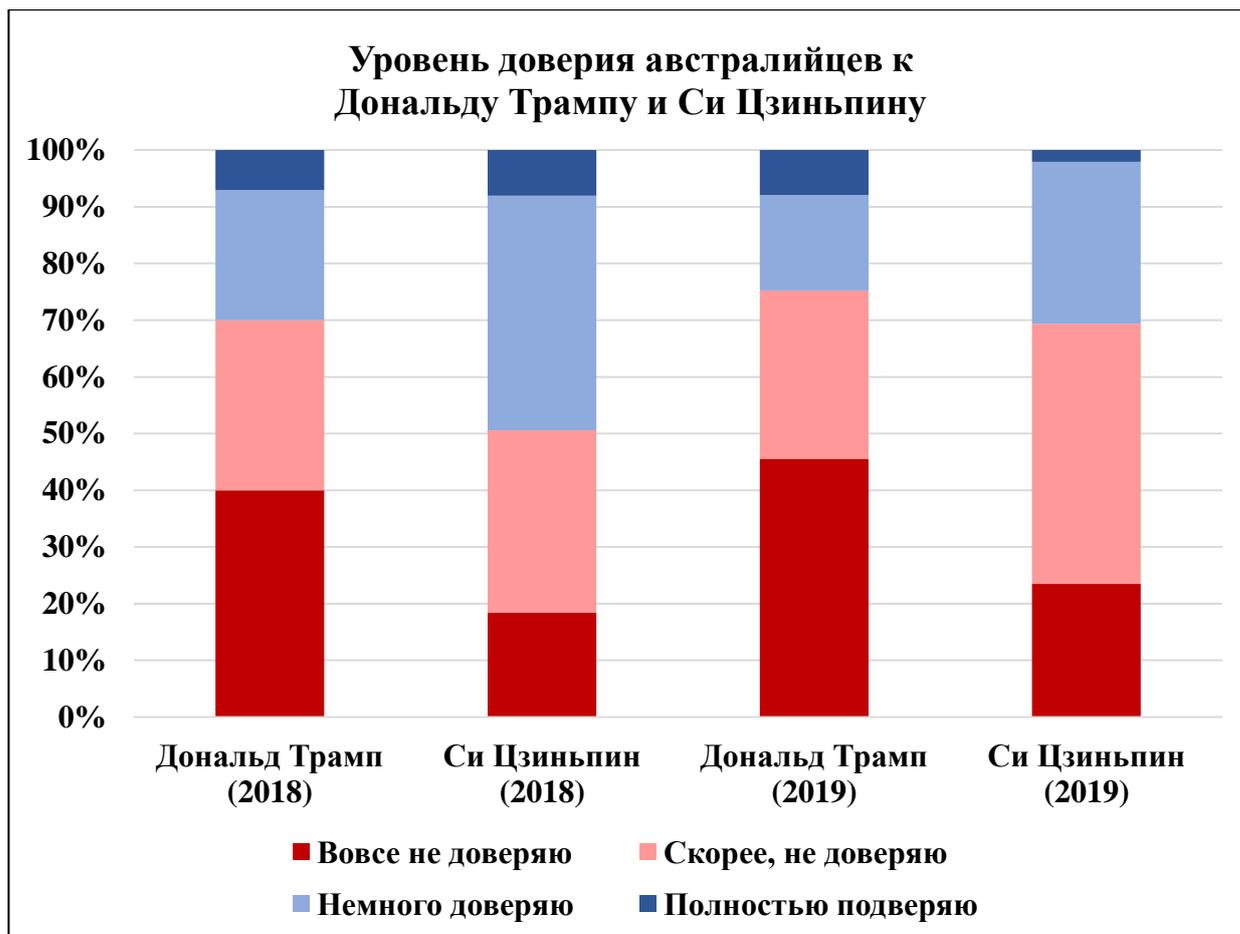
²⁶⁰ *Medcalf, R.*, Toward a Shared Alliance Strategy in a Contested Indo-Pacific: A View from Australia, May 2019 // The National Bureau of Asian Research. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.nbr.org/publication/toward-a-shared-alliance-strategy-in-a-contested-indo-pacific-a-view-from-australia/> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁶¹ *Kassam, N.*, Lowy Institute Pool, June 2019 // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/lowy-institute-poll-2019> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁶² Там же.

продолжением общих ценностей и идеалов двух государств. Примечательно, что столько же респондентов-австралийцев (73%) заявили, что предпочли бы, чтобы Джо Байден стал президентом Соединенных Штатов на ноябрьских выборах 2020 г. Время показало, что ожидания граждан Пятого континента сбылись, а альянс Австралии и США наверняка сохранится в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

График №5

Источник: составлено автором на основе данных Института Лоуи²⁶³

Говоря об интересах Австралии в сотрудничестве с Соединенными Штатами, в том числе и в контексте фактора КНР в отношениях между государствами, необходимо выделить следующие аспекты. Во-первых, ни для кого не секрет, что США считают КНР ключевым соперником в борьбе за глобальное и региональное лидерство, поэтому Австралии, как средней

²⁶³ Там же.

державе, крайне выгодно уравновесить рост влияния КНР в ИТР с помощью Соединенных Штатов. Во-вторых, Австралии, как средней державе, необходима поддержка «старшего партнера» — Соединенных Штатов для реализации своих интересов на уровне международных организаций. Наконец, опять же как средней державе, в чьем регионе происходит борьба за первенство среди великих держав, Австралии потребуются наращивание военной мощи, что требует от нее необходимости укреплять сотрудничество со своим главным стратегическим партнером в ИТР — США.

Опираясь на ранее изложенные факты, стоит заключить, что рост влияния Китая в Индо-Тихоокеанском регионе и одновременно его роль главного торгового партнера Австралии ставит Канберру перед всё более тяжелым выбором. Интересам Пятого континента отвечают как стратегическое партнерство с Соединенными Штатами, так и торговые отношения с КНР. В сфере двусторонней торговли Соединенные Штаты крайне сильно уступают Китаю, но компенсируют огромный разрыв большим потоком инвестиций в австралийскую экономику. ССТ между Австралией и США носит не столько экономический, как в случае с КНР, сколько политический характер. Вероятно, подобные шаги австралийского руководства по инициированию переговоров как с США, так и с КНР в один и тот же период свидетельствуют об использовании Австралией стратегии хеджирования в области ССТ.

Рассматривая геостратегическую ценность Австралии для США, а также более чем 70-летнюю историю оборонного альянса, необходимо подчеркнуть, что её отношения с Вашингтоном по-прежнему имеют важное значение. Более того, изолированное и в то же время близкое расположение Австралийского Союза к Индо-Тихоокеанскому региону позволяет этому государству стать потенциальным плацдармом и логистическим узлом для Соединенных Штатов. При таких условиях Северная территория Австралии будет играть все более важную роль в обеспечении национальной безопасности Австралии, что также подтверждается выработанной Э. Карром «моделью Макаурта». Как указано в Белой книге по оборонной политике Австралии за 2016 г. и Белой книге по

внешней политике за 2017 г., предотвращение китайско-ориентированного регионального порядка и сохранение лидерства США в Индо-Тихоокеанском регионе остаются ключевыми факторами защиты национальных интересов страны²⁶⁴. Несмотря на тесные торговые отношения с КНР, Австралия по сей день заинтересована в своем участии в Индо-Тихоокеанской стратегии коллективной региональной обороны. Безусловно, с приходом Д. Трампа отношения между КНР и США стали носить более конфронтационный характер. Более того, годы президентства Д. Трампа нельзя назвать негативными для австралийско-американского альянса. Напротив, продолжающееся наращивание ротационных сил морской пехоты США в Дарвине и первая в истории письменная расширенная ядерная гарантия США Австралии²⁶⁵ демонстрируют усиление оборонных обязательств Америки, а не ослабление²⁶⁶. Учитывая укрепляющийся в США консенсус в отношении того, что КНР является главным стратегическим противником, Соединенные Штаты, вероятно, продолжают осуществлять поставки вооружения Австралии и другим своим партнерам в качестве противовеса Китаю в регионе. Однако способность Вашингтона в одиночку поддерживать региональный баланс сил сталкивается с растущими вызовами.

Для успешного сдерживания роста влияния КНР и укрепления стабильного стратегического порядка в ИТР Соединенным Штатам потребуется значительная и перманентная поддержка со стороны их региональных союзников и партнеров. Как говорится в докладе Пентагона об Индо-Тихоокеанской стратегии: «проблемы, с которыми мы сталкиваемся в Индо-

²⁶⁴ 2017 Foreign Policy White Paper // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁶⁵ H.R.5515 – John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019., 115th Congress., p. 421 // U.S. Congress. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.congress.gov/115/bills/hr5515/BILLS-115hr5515enr.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁶⁶ *Raymond, G.*, With China-US Tensions on the Rise, Does Australia Need a New Defence Strategy?, November 2018 // The Conversation. [Электронный ресурс]: URL: <https://theconversation.com/with-china-ustensions-on-the-rise-does-australia-need-a-new-defence-strategy-106515> (дата обращения: 25.01.2021).

Тихоокеанском регионе, выходят за рамки того, что любая отдельная страна может решить в одиночку». Вероятно, на современном этапе США нуждается в Пятом континенте даже несколько больше, ввиду чего у Канберры есть возможность сформировать некоторые положения альянса в своих интересах. Кроме того, интенсификация стратегического взаимодействия обоих государств может способствовать укреплению связей Австралии с другими средними державами Индо-Тихоокеанского региона – Индией и Японией, которые также тесно связаны с Соединенными Штатами. Вместе с тем, участие Австралийского Союза в откровенных попытках Соединенных Штатов по сдерживанию Китая негативно сказывается на австралийско-китайских отношениях, что может повлечь за собой серьезные последствия для экономики Пятого континента в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

2.3. Средние державы Индо-Тихоокеанского региона: диверсификация внешних связей Австралийского Союза

В последние два десятилетия интенсивно развиваются не только торговые, но и стратегические связи Австралийского Союза с ведущими средними державами Индо-Тихоокеанского региона — Индией и Японией. Подобный формат сотрудничества на многосторонней основе обещает стать главным трендом в ИТР, что также подтверждается словами Верховного комиссара Австралии Хариндера Сидху, согласно которым «дипломатия малых групп со временем будет иметь большее значение в Индо-Тихоокеанском регионе»²⁶⁷.

Вместе с тем интенсификация двусторонних отношений между государствами может быть обусловлена их попытками сформировать региональный баланс сил на фоне роста влияния КНР и, в то же время, утратой Вашингтоном некоторого влияния в регионе и неспособности США противостоять Китаю в одиночку. Действительно, в научной литературе,

²⁶⁷ India and Australia Eye the World According to Trump // Council on Foreign Relations, 09.03.2017 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.cfr.org/blog/india-and-australia-eye-world-according-trump> (дата обращения: 25.01.2021).

посвященной средним державам, уже давно утверждается о зависимости характера их двустороннего сотрудничества от конфигураций в отношениях великих держав²⁶⁸. Безусловно, эти постулаты нашли отражение в сотрудничестве Австралии, Индии и Японии, а также поддержке концепции Индо-Тихоокеанского региона.

Таблица №3

Упоминания об Индо-Тихоокеанском регионе в Белых книгах по оборонной политике Австралийского Союза в 1976–2016 гг.							
	1976	1987	1994	2000	2009	2013	2016
	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.
Индия	2	0	5	11	15	36	21
Япония	11	3	14	14	18	20	36
Индийский океан	6	9	0	3	15	31	27
Индо-Тихоокеанский регион	1	0	0	0	0	58	69

Источник: составлено автором на основе данных Министерства обороны Австралии²⁶⁹

Данные, приведенные в Таблице №3, являются свидетельством уверенности Австралийского Союза в том, что Индо-Тихоокеанская концепция сыграет одну из ключевых ролей в формировании регионально баланса сил в среднесрочной и долгосрочной перспективе, а также в выстраивании более тесных двусторонних отношений с двумя ведущими средними державами региона.

Вместе с тем, необходимо отметить, что попытки сближения Австралии, Индии и Японии также нацелены на поддержание безопасности морских

²⁶⁸ Higgott, R., Beeson, M., *The changing architecture of politics in the Asia-Pacific: Australia's middle power moment?* // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2013. №14(2). P. 215-237.

²⁶⁹ Defence White Paper, Commonwealth of Australia, 1976 – 2016.

торговых путей, так как экономика Австралии опирается на экспорт природных ресурсов, а Индия с Японией — на их импорт.

Кроме того, попытки сближения Австралии, Индии и Японии также нацелены на поддержание безопасности морских торговых путей, ведь экономика Австралии опирается на экспорт природных ресурсов, а Индия с Японией – на их импорт. В этом случае Южно-Китайское море (ЮКМ), выступающее региональным очагом нестабильности, занимает особое положение в сопряженном пространстве Индийского и Тихого океанов из-за своей геостратегической значимости. Во-первых, ЮКМ выступает своеобразным мостом между двумя океанами и важным торговым маршрутом. К примеру, в 2016 г. сумма торговли товарами через Южно-Китайское море составила 3,37 трлн долл (21% от всей мировой торговли)²⁷⁰. Более того, 42% морской торговли Японии (2016 г.)²⁷¹, а также около 60% (по данным австралийской прессы в 2015 г.)²⁷² или 28% (по данным CSIS в 2016 г.)²⁷³ морской торговли Австралии также пришлось именно на Южно-Китайское море. С торгово-экономической точки зрения, Южно-Китайское море имеет важное значение и для Индии, ведь её товары на сумму около 200 млрд долл также проходят через ЮКМ²⁷⁴. Так как в данном диссертационном исследовании автор анализирует внешнюю политику Австралии, которая выступает ведущим государством Южно-Тихоокеанского региона, стоит выделить еще один интересный факт: в 2016 г. на ЮКМ также пришлась довольно большая доля торговли островных государств южной части Тихого океана, - Маршалловы Острова (81% от всей торговли), Соломоновы Острова

²⁷⁰ How Much Trade Transits the South China Sea? // China Power, Center for Strategic and International Studies URL: <https://www.theage.com.au/opinion/high-stakes-for-australia-in-limiting-chinas-south-china-sea-incursions-20150521-gh6nvw.html>

²⁷¹ How Much Trade Transits the South China Sea...

²⁷² High stakes for Australia in limiting China's South China Sea incursions, 2015 // The Age URL: <https://www.theage.com.au/opinion/high-stakes-for-australia-in-limiting-chinas-south-china-sea-incursions-20150521-gh6nvw.html>

²⁷³ How Much Trade Transits the South China Sea...

²⁷⁴ South China Sea: Beijing has a major natural advantage in the geopolitical power game // Economic Times URL: <https://m.economictimes.com/news/defence/south-china-sea-beijing-has-a-major-natural-advantage-in-the-geopolitical-power-game/articleshow/76423659.cms>

(72%), Тувалу (57%), Вануату (53%), Гуам (44%), Папуа – Новая Гвинея (36%), Фиджи (28%), Новая Каледония (27%), Федеративные Штаты Микронезии (21%), Новая Зеландия (18%)²⁷⁵.

Фактор КНР и австралийско-индийские отношения

Успех Индо-Тихоокеанской концепции зависит от главного актора Индийского океана – Индии. Считается, что с колоссальной численностью населения и большим экономическим потенциалом только Индия может впоследствии оказать сдерживающий эффект на Китай. Вместе с тем, тесное сотрудничество с Индией – это уникальная экономическая возможность для Австралии: ведь это страна с населением свыше 1,2 млрд. человек, средний возраст которых составляет 27 лет, и перспективой стать одним из крупнейших рынков сбыта в глобальном масштабе. Учитывая темпы экономического роста ВВП Индии, которые до пандемии COVID-19 более 18 лет не падали ниже 3,8%, а также возрастающую потребность в природных ресурсах, новой инфраструктуре и секторе услуг, сотрудничество с Индией выступает для Австралии одним из ключевых внешнеполитических приоритетов. Более того, Австралийский Союз обладает большим опытом в налаживании торгового взаимодействия с быстрорастущими государствами региона – Китаем и Японией.

В недавно опубликованном австралийском МИДТ докладе «An India Economic Strategy to 2035» излагаются три основные цели улучшения австралийско-индийских экономических отношений. Ожидается, что к 2035 г. Индия станет одним из трех главных экспортных направлений Австралии, третьим по величине бенефициаром австралийских инвестиций, а также одним из ключевых стратегических партнеров Австралийского Союза в регионе. В данной стратегии также был выработан ряд рекомендаций касательно сфер

²⁷⁵ How Much Trade Transits the South China Sea...

технологий, образования, энергетики, горнодобывающей промышленности, природных ресурсов, сельского хозяйства, туризма, здравоохранения и др.²⁷⁶.

Что касается сферы торговых отношений, то, в случае Индии, необходимо учитывать её торговый дисбаланс в торговле с КНР, ввиду чего Нью-Дели будет также заинтересован в диверсификации своих торговых связей за счет Австралии. По состоянию на 2020 г., товарооборот между двумя странами составлял свыше 10,7 млрд долл. Индия входит в десятку крупнейших торговых партнеров Австралийского Союза, уступая Сингапуру, Новой Зеландии и Великобритании.

В то же время, несмотря на рост торгового оборота между двумя государствами до пандемии COVID-19, их торгово-экономические отношения не лишены «острых углов». Австралия и Индия уже на протяжении девяти лет не могут прийти к компромиссу касательно Австралийско-индийского соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве (Australia–India Comprehensive Economic Cooperation Agreement). Безусловно, двусторонняя торговля между Австралией и Индией стабильно демонстрирует неплохие результаты в течение последнего десятилетия, но по-прежнему ведется на основе стандартных тарифов и правил Всемирной торговой организации (ВТО). Основой экспорта Австралии в Индии по-прежнему выступает уголь, золото и СПГ, в то время как торговля продукцией сельского хозяйства ограничена из-за защитных мер индийской стороны. К тому же, Индия не является участницей многосторонних торговых соглашений региона, в том числе АТЭС, и даже вышла из ВРЭП. Так или иначе, в результате последней встречи министра торговли Австралии Саймона Бирмингема в феврале 2020 г. со своим индийским коллегой Пиюш Гоялом в Нью-Дели, стороны выразили приверженность двустороннему сотрудничеству невзирая на выход Индии из

²⁷⁶Индия-Австралия: основа сближения, 2018 // Журнал Международная Жизнь URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21110> (дата обращения: 25.01.2021).

ВРЭП²⁷⁷, что свидетельствует о вероятном продолжении попыток австралийской стороны заключить двустороннее ССТ с Индией.

График №6

Источник: составлено автором на основе данных торговой статистики ООН²⁷⁸

Как уже упоминалось, Индия опасается роста импорта из Китая, который в буквальном смысле «завалит» её китайскими товарами. Вместе с тем, стоит отметить, что, исходя из Графика №6 выше, индийско-австралийский торговый баланс также сильно перекошен в сторону австралийского экспорта, но, в отличие от Китая, который поставляет в Индию преимущественно технику и продукты химической промышленности, а Австралия – энергоресурсы, что обуславливает ее поставки растущей потребностью индийской стороны в энергоресурсах и несколько нивелирует торговый дефицит. В этом случае также есть два сценария дальнейших действий Канберры по налаживанию отношений с Нью-Дели: в краткосрочной перспективе стороны попытаются извлечь выгоду из инициативы по обеспечению цепочек поставок среди

²⁷⁷ Sen, A., India exploring nuts and bolts of possible FTA with Australia, March 2020 // The Hindu BusinessLine. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thehindubusinessline.com/economy/india-exploring-nuts-and-bolts-of-possible-fta-with-australia/article31042472.ece> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁷⁸ UN Comtrade Database. [Электронный ресурс]: URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения 25.05.2021)

средних держав ИТР, а в среднесрочной перспективе Австралия может лоббировать присоединение Индии к ВРЭП.

Говоря о стратегическом измерении австралийско-индийского сотрудничества, необходимо отметить, что после окончания Холодной войны отношения между двумя государствами не носили столь выраженный характер. Более того, становление военно-морского потенциала Индии в конце 1980-х гг. даже вызывало беспокойство у Австралии и стран АСЕАН. Считалось, что укрепление позиций Индии в Индийском океане, в частности на Андаманских и Никобарских островах, может повлечь за собой угрозу для одной из наиболее важных стратегических позиций Австралии в ИТР – Кокосовых островах и острове Рождества. Более того, в качестве ответных мер Австралия разместила флот на западных рубежах Пятого континента. Вместе с тем, Индия решила ослабить напряженность между странами, в том числе с помощью министерских визитов. При этом участие австралийской компании «Regional Engineering Development Consultants of Australia» (Redecon) в реализации проекта военно-морской базы «Seabird»²⁷⁹ в индийском городе Карвар также увеличило доверие австралийской стороны к Индии.

Стоит отметить, что в развитии австралийско-индийских отношений особую роль сыграли Соединенные Штаты, которые всячески поддерживали более активное участие Индии в региональной системе обеспечения безопасности торговых путей в Индийском океане, а также потенциального сдерживания влияния КНР в регионе. Учитывая факт тесного стратегического партнерства между Австралией и США, идеи американских внешнеполитических стратегов вызвали отклик и у австралийских правящих кругов, ввиду чего началось более глубокое взаимодействие между Индией и Австралийским Союзом. Так, например, в Белой книге по внешней политике Австралии 1997 г. Индия была названа одним из важнейших направлений австралийской внешней политики наряду с США, Японией, Китаем. В марте

²⁷⁹ Hiranandani, G., M., Transition to Eminence: The Indian Navy 1976-1990. Lancer Publishers, 2005 . p. 174.

2006 г. в ходе визита австралийского премьер-министра Д. Говарда в Индию стороны подписали Меморандум о сотрудничестве в области обороны, который был призван укрепить стратегические связи между Австралией и Индией, а также наладить процесс обмена опытом в области обороны и военно-морского сотрудничества²⁸⁰. Вместе с тем, особое значение имели попытки США изменить двусторонний формат Малабарских военно-морских учений в многосторонний, с привлечением Австралии, Японии и Сингапура. Стоит отметить, что данные учения способствовали тесному оборонному сотрудничеству между Индией и Австралией, так как проводились они не в традиционной локации в западной части Индийского океана, а в восточном секторе Бенгальского залива, который КНР воспринимает как ворота в Индийский океан. Однако за последние два десятилетия Китай сумел заполучить гражданские порты в Шри-Ланке, Пакистане, Мьянме и Джибути, что, безусловно, вызвало еще бóльшие опасения у индийской стороны. Перечисленные порты являются так называемой «жемчужной нитью», которая позволит КНР проецировать военно-морскую мощь в Индийский океан, тем самым бросив вызов региональным амбициям Индии и превосходству Соединенных Штатов на море.

Одним из этапов становления австралийско-индийских отношений стала попытка учреждения Четырехстороннего диалога по безопасности, куда в 2008 г. уже входили Австралия, Япония и Соединенные Штаты. Но на предложения о вовлечении Индии в данный формат стратегического сотрудничества тогдашний премьер-министр Австралии Кевин Радд (2007-2010 гг.) ответил отказом из-за опасений спровоцировать негативную реакцию КНР. Данный факт говорит о некоторых ограничениях, которые накладывает фактор Китая в

²⁸⁰Inquiry into Australia's relationship with India as an emerging world power, 2006 // Parliament of Australia, Joint Standing Committee on Foreign Affairs, Defence and Trade Foreign Affairs Subcommittee. [Электронный ресурс]: URL: https://www.aph.gov.au/parliamentary_business/committees/house_of_representatives_committees?url=jfadt/india2006/subs/sub20.pdf (дата обращения: 25.01.2021).

австралийско-индийских отношениях²⁸¹. Несмотря на последующее включение Индии в данную инициативу, она не смогла в полной мере себя реализовать и ограничилась только развитием социо-экономических связей между государствами. Так или иначе, осознавая рост влияния КНР в регионе, Австралия и Индия нашли иные пути сохранения военно-морского сотрудничества. К примеру, особое внимание уделялось треугольнику Австралия – Индия – Япония, а в 2009 г. Канберра и Нью-Дели подписали совместную декларацию о сотрудничестве в области безопасности.

В ноябре 2014 г. премьер-министр Индии Нарендра Моди впервые за 28 лет посетил Австралию, чтобы обсудить возможность проведения двусторонних военно-морских учений, что впоследствии вылилось в учения AUSINDEX, нацеленные на повышение эффективности взаимодействия индийского и австралийского военно-морских флотов для реализации их интересов в Индийском океане. В ходе учений AUSINDEX, которые состоялись в апреле 2019 г., участвовало рекордное количество военнослужащих с обеих сторон (свыше 1 тыс. чел.), а наблюдателями выступили военные из США и Новой Зеландии. Стоит отметить, что в рамках визита г-на Моди также была подписана двусторонняя рамочная программа австралийско-индийского сотрудничества в области безопасности.

Совместные учения также нашли отражение во внешнеполитических и оборонных документах Австралии. Например, в Белой книге по оборонной политике Австралии 2016 г. Индия охарактеризована как «всё более важный экономический и оборонный партнер» Австралии, с которым она разделяет ключевые интересы в области региональной безопасности, стабильности, порядка²⁸². К тому же, уже в 2020 г. стороны планируют подписать соглашение о совместном материально-техническом обеспечении, которое позволит

²⁸¹ *Brewster, D.*, The India-Australia Security and Defence Relationship: Developments, Constraints and Prospects // Security Challenges. 2014. №10(1). P. 65–86.

²⁸² 2016 Defence White Paper, Commonwealth of Australia, 62 p. // Australian Government, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf> (дата обращения: 25.01.2021).

обеспечить взаимный доступ к военным объектам и оперативное техобслуживание²⁸³.

Со становлением Индо-Тихоокеанской стратегии в ответ на активизацию КНР в регионе, отношения Австралийского Союза и Индии получили новый импульс к развитию. С позиции Индии, усиление влияния Китая в Индийском океане, который она считает своей зоной влияния, становится всё более осязаемой стратегической проблемой. Кроме того, особый дискомфорт у Индии вызывают горнодобывающие операции Китая в южной части Индийского океана, присутствие китайских рыболовных судов вблизи территориальных вод Индии и, что самое главное, – рост числа китайских разведывательных судов «Донгдяо» в Индийском океане²⁸⁴. Необходимо отметить, что данный класс кораблей флота КНР также осуществлял наблюдение за кораблями Австралии, Японии и Соединенных штатов²⁸⁵.

В последние годы, с ростом влияния КНР на Индо-Тихоокеанском пространстве, Пятый континент и Индия находят всё больше обоюдных интересов в инклюзивном участии разрешения территориальных противоречий в Южно-Китайском море. Например, согласно морской стратегии Индии от 2007 г., её стратегический интерес охватывает территорию от северной части Аравийского моря как раз до ЮКМ. В свою очередь, Австралия подчеркивает важность акватории ЮКМ с точки зрения торговли, так как через акваторию ЮКМ проходят большие объемы австралийского экспорта, включая уголь, железную руду и СПГ. Учитывая, что Австралия и Индия не имеют ни береговых линий, ни баз в ЮКМ, стороны стремятся обеспечить свое присутствие в его водах с помощью учений с государствами-участниками территориальных споров. Данные шаги помогают сформировать двум

²⁸³ *Peri, D.*, India, Australia to elevate strategic partnership, September 2019 // The Hindu. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.thehindu.com/news/national/india-australia-to-elevate-strategic-partnership/article29424883.ece> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁸⁴ *Singh, A.*, China tightens grip over the South China Sea – should India worry?, April 2020 // Observer Research Foundation. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/china-tightens-grip-over-the-south-china-sea-should-india-worry-65181/> (дата обращения: 25.01.2021).

²⁸⁵ Там же.

«полюсам» ИТР систему оборонных связей со странами АСЕАН, что потенциально усложняет стратегический ландшафт для Китая и удерживает его от более решительных действий. Кроме того, обе стороны настаивают на правовом решении территориального спора, а также выступают против дестабилизации обстановки в регионе и в разной степени привержены свободе судоходства в ЮКМ. К тому же, в рамках виртуального саммита премьер-министров Индии (Нерендры Моди) и Австралии (Скотта Моррисона), который состоялся 4 июня 2020 г., стороны подписали соглашение о взаимной поддержке в сфере логистики, которое предусматривает возможность использования ВМФ и ВМС друг друга для технической поддержки и дозаправки.

Австралия и Индия также активно объединяют свои усилия в противодействии нетрадиционным угрозам в ИТР, таким как терроризм, пиратство, контрабанда наркотиков, изменение климата и др. В ходе своего выступления в 2019 г. министр иностранных дел Австралии Мариз Пэйн (2018 – н.в.) заявила, что «Австралия имеет ряд общих интересов с Индией в плане борьбы с транснациональной преступностью, терроризмом, контрабандой людей и незаконным рыболовством, а также сильную заинтересованность в разрешении гуманитарных и экологических проблем в нашем очень большом Индийском океане»²⁸⁶.

Более того, осенью 2020 г., впервые за 13 лет, Австралию пригласили присоединиться к совместным с США, Индией и Японией военно-морским учениям «Малабар». Ранее Австралия отказывалась участвовать в этих учениях из-за возможной негативной реакции Пекина, да и Индия относилась к участию Австралии с должной степенью осторожности по той же причине. Вероятно, шаг Индии навстречу Австралии свидетельствует о тенденции к более тесному оборонному сотрудничеству стран Четырехстороннего диалога по вопросам

²⁸⁶ Address to the Raisina Dialogue Speech, 09 January 2019 // Minister for Foreign Affairs, Minister for Women, Senator the Hon. Marise Payne. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.foreignminister.gov.au/minister/marise-payne/speech/address-raisina-dialogue> (дата обращения: 25.02.2020).

безопасности: ведь всё это произошло на фоне обострения отношений стран Quad и КНР, включая приграничные конфликты Индии и КНР в Ладакхе. В августе 2020 г., спустя несколько месяцев после столкновения в Восточном Ладакхе, в результате которого погибли 20 индийских солдат, военно-морской флот Индии направил один из своих фронтовых военных кораблей в Южно-Китайское море, а также развернул военные корабли по всему району Индийского океана, в том числе и в Малаккском проливе, недвусмысленно дав понять, что Нью-Дели готов к более решительным действиям²⁸⁷. Безусловно, эти шаги индийской стороны вызвали негативную реакцию Пекина. В ходе одного из раундов индийско-китайских переговоров КНР также обратила внимание на присутствие военного корабля Индии в ЮКМ²⁸⁸.

Вне зависимости от исхода индийско-китайского приграничного противостояния, оно знаменует собой изменение характера их соперничества, при этом провоцируя еще бóльший дефицит доверия. Всё это говорит о том, что региональные интересы Индии наверняка будут проецироваться на более масштабное стратегическое видение Нью-Дели.

Таким образом, несмотря на тот факт, что австралийско-индийское торгово-экономическое сотрудничество по-прежнему рассматривается через призму ожиданий, оборонное и стратегическое взаимодействие между двумя странами за последние десятилетия продемонстрировало заметный скачок. Фактор Китая в индийско-австралийских отношениях выражается в стремлении обеих стран сбалансировать рост его влияния в ИТР. Такие инициативы, как учения AUSINDEX, демонстрируют формирующиеся оборонные связи между двумя государствами в ИТР, но в тоже время стороны избегают расширения масштабов оборонного сотрудничества из-за вероятной негативной реакции КНР. Индия является одним из ключевых игроков в регионе, который может способствовать поддержанию баланса сил, ввиду чего укрепление оборонного

²⁸⁷ Indian Navy deploys warship in South China Sea 2 months after Galwan clash, 2020 // India Today URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/indian-navy-deploys-warship-in-south-china-sea-2-months-after-galwan-clash-1716779-2020-08-30>

²⁸⁸ Там же.

сотрудничества отвечает интересам Австралийского Союза по обеспечению стабильности в ИТР. Ведь чем сильнее становится Индия, тем у Китая больше стимулов избегать прямой конфронтации и соперничества в Индийском океане и прилегающих к нему субрегионах.

Фактор КНР и австралийско-японские отношения

Еще одной средней державой, которая в последние десятилетия активно проявляет себя на дипломатической и стратегической арене Индо-Тихоокеанского региона, стала Япония. Рассматривая ее связи с Австралией, необходимо отметить давний характер партнерских отношений между двумя государствами. В 1960-х гг. Япония стала крупнейшим торговым партнером Австралии в Азии, ввиду чего опасения австралийских правящих кругов о возрождении милитаризма в Японии после Второй мировой войны сменились на приверженность потенциальному сотрудничеству между двумя государствами²⁸⁹. Именно с тех времен торговля стала основой австралийско-японских отношений. По мнению Рикки Керстена – австралийского ученого, специализирующегося на отношениях с Японией, Австралия в глазах японских правящих кругов потенциально является «добрым, надежным и доброжелательным партнером, который перешел от воспоминаний о зверствах Второй мировой войны к ориентированной на будущее дружбе»²⁹⁰. Кроме того, наглядным подтверждением торгового приоритета в двусторонних отношениях служит совместная инициатива по созданию регионального блока – Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в 1980-е гг. На современном этапе Китай потеснил Японию с позиции главного торгового партнера Австралии, но Токио по-прежнему уверенно занимает вторую строчку. По состоянию на 2020 г. объем двусторонней торговли товарами Австралийского Союза и Японии составил 43 млрд долл.

²⁸⁹ *Patience, A.*, Australian Foreign Policy in Asia: Middle Power or Awkward Partner?. Melbourne: Palgrave Macmillan, 2017. p. 162.

²⁹⁰ *Kersten, R.*, Abbott's submarine about-face is bad news for Shinzo Abe, February 2015 // The Interpreter URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/abbotts-submarine-about-face-bad-news-shinzo-abe> (дата обращения: 25.01.2021).

Источник: составлено автором на основе данных торговой статистики ООН²⁹¹

Основой австралийского экспорта в Японию по-прежнему выступают природные ресурсы: СПГ, уголь и железная руда. В то же время, обе стороны привержены интенсификации торговых процессов в ИТР. В 2017 г., когда Соединенные Штаты вышли из инициативы Транс-Тихоокеанского партнерства, именно Австралия и Япония взяли на себя усилия по поддержанию её деятельности. Более того, обе стороны активно поддерживают инициативу Регионального всеобъемлющего экономического партнерства, которая также включает в себя Китай, страны АСЕАН, Республику Корея и Новую Зеландию.

При этом на фоне роста экономического и военного влияния КНР в ИТР укрепление двусторонних отношений между Австралией и Японией приобретает бóльшую ценность для поддержания стабильности в регионе и отстаивания своих национальных интересов. С годами политические лидеры обеих стран выходят за рамки торговых отношений и уделяют всё больше внимания оборонным аспектам сотрудничества. Если в 1990-х – нач. 2000-х гг.

²⁹¹ UN Comtrade Database. [Электронный ресурс]: URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения 01.05.2021)

австралийско-японское сотрудничество в области обеспечения безопасности было обусловлено угрозой со стороны КНДР и ростом терроризма, то в дальнейшем рост военной мощи КНР заставил страны прибегнуть к интенсификации двусторонних отношений, «чтобы подстраховаться от будущего появления ревизионистского Китая»²⁹². Как отмечает австралийский ученый Х. Уайт, по мере того как сближение австралийских и японских стратегических интересов в Азии становилось все более очевидным, в Австралии почти неизбежно возникла идея трехстороннего обмена стратегическими идеями с Соединенными Штатами и Японией. Уже в 2005 г. был учрежден Трехсторонний стратегический диалог между Австралией, Японией и США, который был призван сбалансировать стратегический ландшафт региона и предотвратить дестабилизацию обстановки из-за роста регионального влияния Китая²⁹³.

Затем, в 2007 г., австралийский премьер-министр Дж. Говард и его японский коллега С. Абэ подписали совместную декларацию о сотрудничестве в области безопасности, которая позволила проводить ежегодные встречи министров иностранных дел и обороны в формате «2+2»²⁹⁴. Необходимо отметить, что именно Австралия стала первой страной, с которой Япония начала переговоры о более тесных отношениях в области обороны, помимо Соединенных Штатов. Кроме того, в годы премьерства Д. Говарда в оборонных документах Австралии говорилось, что у неё «нет более близкого и более ценного партнера» в региональном масштабе, чем Япония²⁹⁵. Вместе с тем, несмотря на критику со стороны австралийского премьер-министра К. Радда (2007-2010 гг.) в отношении укрепления связей между Австралией и Японией,

²⁹² *Wilkins, T., S., From Strategic Partnership to Strategic Alliance? Australia-Japan Security Ties and the Asia Pacific // Asia Policy. 2015. №20. P. 83-111.*

²⁹³ *Wilkins, T., S., Towards a "Trilateral Alliance?" Understanding the Role of Expediency and Values in American–Japanese–Australian Relations // Asia Policy. 2007. №3(3). P. 251-278.*

²⁹⁴ *Пузыня Н.Н. Проблемы безопасности в АТР и японо-австралийское сотрудничество // Журнал Иркутского государственного университета. – 2017. Т. 20. С. 39.*

²⁹⁵ *Australia's National Security: a Defence Update, 2007 // Parliament of Australia, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/trp/rp1516/DefendAust/NationalSecurity#_Точ427841294 (дата обращения: 25.01.2021).*

на деле двустороннее сотрудничество продолжало развиваться. В мае 2010 г. оба государства подписали Соглашение о закупках и перекрестном обслуживании (Acquisition and Cross-Servicing Agreement, ACSA), которое также стало второй в истории Японии договоренностью об оборонной логистике после США²⁹⁶. В 2012 г. правительство Дж. Гиллард (2010-2013 гг.) подписало с Японией двустороннее Соглашение о безопасности информации (*англ.* Information Protection Agreement, IPA), нацеленное на обмен секретными разведывательными данными, что еще больше углубило стратегические отношения между государствами.

Наиболее противоречивым периодом двусторонних отношений Австралии и Японии стали годы премьерства Энтони Эбботта (2013-2016 гг.), совершившего попытку вывести отношения между странами на качественно новый уровень: сначала Австралия и Япония подписали Соглашение о свободной торговле, а затем Соглашение о передаче военной техники и технологий (*англ.* Agreement Concerning the Transfer of Defence Equipment and Technology), которое открыло новые возможности для сотрудничества в области высоких военных технологий. Более того, свой первый зарубежный визит г-н Эбботт нанес именно в Японию, в ходе которого назвал её «лучшим другом Австралии в Азии»²⁹⁷. Вероятно, Э. Эбботт разделял опасения С. Абэ касательно последствий роста Китая для региональной безопасности, поэтому в ходе совместной речи с г-ном Абэ в австралийском парламенте австралийский премьер заявил, что его страна приветствует «решение Японии стать более значимым стратегическим партнером в нашем регионе»²⁹⁸. Стоит отметить, что оптимизм г-на Эбботта разделяли и японские чиновники, которые заявили, что

²⁹⁶ Kersten, R., Tow, W., *Bilateral Perspectives on Regional Security: Australia, Japan and the Asia-Pacific Region*. Palgrave Macmillan, 2012. p. 152.

²⁹⁷ Kenny, M., Tony Abbott says Japan is Australia's 'closest friend in Asia', October 2013 // South China Morning Post. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.smh.com.au/politics/federal/tony-abbott-says-japan-is-australias-closest-friend-in-asia-20131009-2v8ty.html> (дата обращения: 20.05.2020).

²⁹⁸ Wardell, J., Kelly, T., Japan, Australia sign economic partnership pact, July 2014 // Reuters. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.reuters.com/article/uk-japan-abe-australia/japan-australia-sign-economic-partnership-pact-idUKKBN0FD0AS20140708> (дата обращения: 20.05.2020).

военные связи между Австралией и Японией растут так быстро, что они составляют «квази-альянс»²⁹⁹. Однако поворотным пунктом в годы премьерства Э. Эбботта стали попытки австралийского руководства закупить японские подлодки взамен устаревших подлодок класса «Коллинз». С одной стороны, более осязаемый характер оборонного сотрудничества мог бы еще сильнее сблизить оба государства в стратегическом отношении, а также продемонстрировать австралийскую поддержку стремлениям Японии к усилению ее веса в ИТР, но перспектива дальнейшего укрепления оборонных отношений между Австралией и Японией вызвала критику со стороны экспертного сообщества, а также австралийских политиков.

Учитывая тот факт, что Австралия и Япония вели переговоры о ССТ на протяжении почти девяти лет, а с приходом Т. Эббота всё-таки успешно завершились, были высказаны предположения, что подписание соглашения основывалось на взаимной уступке по покупке японских подлодок. Более того, представители ЛПА из Южной Австралии также критически отнеслись к данной сделке, поскольку она могла повлечь за собой потерю рабочих мест в Australian Submarine Corporation – государственной корпорации Австралии, занимающейся строительством подводных лодок, базирующейся в Аделаиде.

Кроме того, на негативные последствия «квази-альянса» Австралийского Союза и Японии также указывал австралийский ученый Х. Уайт, по мнению которого более тесное оборонное сотрудничество между Японией и Австралией могло бы не только нанести урон австралийско-китайским связям³⁰⁰, но и втянуть Австралию в китайско-японский конфликт из-за территориального спора Дяоюйдао/Сенкаку, если не физически, то австралийской стороне как

²⁹⁹ *Garnaut, J.*, Australia-Japan military ties are a 'quasi-alliance', say officials, October 2016 // South China Morning Post. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.smh.com.au/national/australiajapan-military-ties-are-a-quasi-alliance-say-officials-20141026-11c4bi.html> (дата обращения: 20.05.2020).

³⁰⁰ *White, H.*, Abbott should think twice before becoming friendly with Japan, July 2014 // South China Morning Post. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.smh.com.au/opinion/abbott-should-think-twice-before-becoming-friendly-with-japan-20140707-zsynj.html> (дата обращения: 20.05.2020).

минимум нужно будет более активно реагировать на территориальные споры обоих государств³⁰¹.

В любом случае, несмотря на разразившуюся критику, в ходе встречи министров в формате «2+2» между Австралией и Соединенными Штатами в 2014 г. обе стороны подтвердили готовность взять на себя обязательства по поддержке прочных отношений в области безопасности с Японией и укреплять трехстороннее сотрудничество в сфере обороны, в том числе посредством Трехстороннего стратегического диалога и дальнейшего участия в совместных учениях. Уже в июле 2015 г. Япония приняла участие в австралийско-американских учениях Talisman Sabre, одной из задач которых было укрепление оборонного сотрудничества между тремя государствами в ответ на растущую активность Китая в ЮКМ³⁰².

Активизация двусторонних стратегических отношений между Австралией и Японией, безусловно, нашла отклик со стороны КНР. В 2016 г. министр иностранных дел Австралии Дж. Бишоп посетила Токио, где отметила растущий акцент на сотрудничестве в области обороны между двумя странами. На следующий день г-жа Бишоп уже нанесла визит в КНР, где, как сообщалось, ее ждал холодный прием³⁰³, что в первую очередь свидетельствует о негативной реакции Китая на стратегическое сближение Австралии и Японии. Стоит подчеркнуть, что 2020-й год стал во многом пограничной чертой во многих отношениях, в том числе и в подходе Канберры к геостратегическому сотрудничеству с Токио. Уже 19 октября 2020 г. Австралия, Япония и Соединенные Штаты провели совместные трехсторонние военно-морские учения в Южно-Китайском море. Основной целью учений стало проведение

³⁰¹ Там же.

³⁰² За несколько недель до этого события Китай опубликовал Белую книгу по оборонной политике, где указывалось, что он не откажется от своих притязаний на острова в Южно-Китайском море. Рауль Хейнрихс предположил, что «Белая книга раскрывает план создания военного потенциала, который впервые может представлять прямую угрозу для Австралии и ее жизненно важных интересов»

³⁰³ China cautions Australia over defense cooperation with Japan, February 2016 // Reuters URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-australia-japan-idUSKCN0VQ0JX> (дата обращения: 20.05.2020).

операций, «призванных повысить коллективную способность союзников [*прим. Австралии, Японии и США — А.Г.]* поддерживать морскую безопасность и готовность реагировать на чрезвычайные ситуации в регионе»³⁰⁴. Безусловно, эти октябрьские трехсторонние учения также стоит рассматривать сквозь призму «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», где основным фактором является растущее влияние Пекина в ЮКМ и в регионе в целом.

Таким образом, как и в случае с Индией, укрепление австралийско-японского оборонного сотрудничества обусловлено растущей неопределенностью в отношении активизации Китая в Индо-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем, впервые за долгие годы одним из ключевых направлений в отношениях между Австралией и Японией стала не только торговля, но и оборона. Стоит предположить, что заявление Т. Эббота об австралийско-японской дружбе отражало не столько его видение обстановки в ИТР, которое впоследствии вошло в историю, сколько сигнализировало в необходимости более тесного сотрудничества обоих государств для поддержания стабильности в регионе. В то же время, необходимо отметить одну важную деталь в представлениях Австралии, Индии и Японии об угрозе со стороны КНР: Австралия не имеет территориальных споров с КНР, ввиду чего не воспринимает Пекин как явную угрозу своей территориальной целостности, в отличие от Индии и Японии. Хотя озабоченность по поводу Китая не является единственным фактором, определяющим оборонное сотрудничество рассмотренных средних держав, активные действия Пекина в последние годы ускорили их стратегическое сближение.

В заключение хотелось бы отметить, что стремление Австралии к диверсификации торговых и оборонных связей с ведущими средними державами Индо-Тихоокеанского региона – Индией и Японией является

³⁰⁴ U.S., Japan, Australia Conduct Trilateral Naval Exercises in South China Sea, 2020 // America's Navy [Электронный ресурс]: URL: <https://www.navy.mil/Press-Office/News-Stories/Article/2387159/us-japan-australia-conduct-trilateral-naval-exercises-in-south-china-sea/> (дата обращения 05.06.2021)

реакцией на рост экономической и военной мощи Китая в ИТР. Несмотря на тесные торговые отношения, австралийское видение региональной архитектуры безопасности по-прежнему определяется подозрениями относительно мотивов Китая в ИТР. В условиях соперничества Китая и США, а также роста опасений о дестабилизации региональной обстановки, средние державы мотивированы искать сотрудничества друг с другом в качестве превентивной меры и стратегии регионального баланса средних держав. Более того, экономика Австралии обладает сильной взаимодополняемостью с экономиками Индии и Японии, что позволит укрепить схожие стратегические интересы. Также стоит отметить, что рассмотренные в данном пункте средние державы избегают принимать в полной мере чью-либо сторону в отношениях между Соединенными Штатами и Китаем, одновременно развивая и улучшая отношения друг с другом для поддержания стабильности в регионе³⁰⁵.

Соперничество Соединенных Штатов и Китая за лидирующие позиции в Индо-Тихоокеанском регионе несет в себе как выгоды, так и является существенной внешнеполитической проблемой для Австралии. С одной стороны, экономическое благополучие Канберры тесно связано с Китаем. Благодаря тесным торговым отношениям с крупнейшей экономикой мира Австралия стала одним из ведущих экспортеров природных ресурсов, а также популярным туристическим и образовательным направлением. В то же время, сильная взаимозависимость между Австралийским Союзом и КНР уже служит инструментом политического давления на Канберру со стороны Пекина. Однако, вопреки ожиданиям экспертов, первый шаг для обострения двусторонних торгово-экономических отношений сделала Австралия. Также необходимо учитывать, что враждебные действия Австралии и КНР в отношении друг друга на сегодняшний день носят более политический характер, который создает ажиотаж вокруг австралийско-китайских

³⁰⁵ *Cronin, P., Fontaine, R., Hosford, et. al., The Emerging Asia Power Web: The Rise of Bilateral Intra-Asian Security Ties, 2013 // Center for a New American Security URL: https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS_AsiaPowerWeb.pdf?mtime=20160906080503 (дата обращения: 25.01.2021).*

противоречий. В любом случае, сторонам важно не увлечься «сжиганием мостов», выстраиваемых десятилетиями, а также рационально взвесить все преимущества и недостатки дальнейшего обострения отношений.

Обострение противоречий между Австралией и КНР зависит от интенсивности конфронтации Соединенных Штатов и КНР. Резкое ухудшение австралийско-китайских отношений, перевооружение и попытки Канберры наладить отношения с Индией и Японией говорят о приверженности премьер-министра Австралии Скотта Моррисона видению Соединенных Штатов места Китая в регионе. Австралийско-американский альянс по сей день является основой поддержки австралийского суверенитета и в значительной степени проведения смелой внешней политики. Более того, для противостояния потенциальной угрозе и реализации оборонной стратегии Австралии, как яркого представителя «дилеммы безопасности», ей необходимо наращивать военный потенциал, улучшить инфраструктуру и логистику, в том числе в Северной территории, что невозможно без помощи Вашингтона. Кроме того, Соединенные Штаты оказывают поддержку ведущим средним державам Индо-Тихоокеанского региона в интенсификации не только трехсторонних, но и двухсторонних контактов.

Как показали события 2019-2020 гг., восстановить прежние отношения с Китаем или вернуться к стратегии хеджирования у Австралии просто так не получится, поэтому Канберре предстоит долгая работа по формированию нового подхода к Пекину в новых геостратегических реалиях, в том числе с учетом объективной оценки своих возможностей и постепенной утраты Соединенными Штатами своего влияния в Тихом и Индийском океанах. На этом фоне средние державы ИТР, включая Австралию, Индию и Японию, продолжают налаживать многосторонние контакты друг с другом, чтобы приспособиться к меняющимся реалиям в регионе, а также к соперничеству КНР и Соединенных Штатов за региональное лидерство.

ГЛАВА 3.

ФАКТОР КНР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ АВСТРАЛИЙСКОГО СОЮЗА В ЮЖНО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

3.1. Значение Южно-Тихоокеанского региона для Австралийского Союза

Австралийский Союз является ведущей страной Южно-Тихоокеанского региона (ЮТР) и рассматривает его как часть естественной сферы влияния. Более того, данный факт был подтвержденным многими поколениями исследователей, которые выделили одну из ключевых особенностей внешней политики Австралии, охватывающую полуторавековой период, – это преобладание в восприятии австралийскими правящими кругами ключевой роли ЮТР в обеспечении собственной безопасности и процветания.

Интерес Австралии к данному региону в исторической ретроспективе был обусловлен по крайней мере двумя аспектами. Во-первых, ЮТР рассматривался Австралией сквозь призму обороны в качестве буферной зоны, защищающей от потенциальных агрессоров. Во-вторых, амбициозные планы по развитию внешней торговли способствовали стремлению Австралии закрепиться на островных территориях Океании. Так, в 1875 г. австралийское руководство предоставило Великобритании рекомендации о необходимости включения в состав Британской империи о-вов Новая Гвинея, Новая Британия, Новая Ирландия, Бугенвиль, Соломоновых островов, Новых Гебрид, Маршалловых островов и др. Рекомендации были обусловлены обеспечением безопасности морских путей из Сиднея, а также будущему «спокойствию и миру австралийских колоний»³⁰⁶.

Первые попытки австралийских правящих кругов привлечь внимание Великобритании к океанийскому региону окончились неудачей ввиду затратного содержания этих земель, но факт объявления Германской империей протектората над северо-восточной частью Новой Гвинеи, а также над о-вом Новая Британия в августе 1884 г. изменил ситуацию коренным образом и

³⁰⁶ *Vandenbosch, A., Belle, M., Australia Faces Southeast Asia: The Emergence of a Foreign Policy.* University Press of Kentucky, 2014. p. 19.

повлек за собой более решительные действия со стороны британского правительства, которое установило протекторат над юго-восточной частью Новой Гвинеи уже в ноябре 1884 г. В дальнейшем, вступившая в силу в 1901 г. Конституция Австралии возлагала на правительство ответственность не только за внешние связи, но и за «отношения Содружества с островами Тихого океана». Затем австралийское влияние в ЮТР усилил «Меморандум об обороне Австралийского континента», принятый в 1903 г. Данный документ способствовал началу военного строительства Австралии, а также основанию австралийского военно-морского флота в 1907-1908 гг.

Спустя менее десятка лет, в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Австралия совместно с Новой Зеландией стремились утвердить свою исключительную роль в Южно-Тихоокеанском регионе. Осенью 1914 г. австралийские войска успешно оккупировали северо-восточную часть о-ва Новая Гвинея и о-в Науру, после чего оказали помощь Новой Зеландии в боях на немецком Самоа. В дальнейшем Австралия закрепила свое присутствие в Океании в годы премьерства Уильяма Мориса Хьюза (1915–1923 гг.) и управляла Новой Гвинеей как подмандатной территорией Лиги Наций. Вместе с тем, в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) в Тихом океане Австралия рассматривала Новую Гвинею, прилегающий к ней архипелаг Бисмарка и Соломоновы острова как последний рубеж для интервенции Японии в южную часть Тихого океана для последующего вторжения в Австралию. Более того, в ходе Второй мировой войны Новая Гвинея стала местом одних из наиболее жестоких и решающих сражений, где по разным оценкам служили от 114 до 300 тыс. австралийских военнослужащих³⁰⁷.

После двух мировых войн Австралийский Союз был преимущественно сосредоточен на Папуа – Новой Гвинее, в политике и экономике которой он и

³⁰⁷ *Nelson, H.*, Report on historical sources on Australia and Japan at war in Papua and New Guinea, 1942-45 // Australian Government, Australia - Japan Research Project. [Электронный ресурс]: URL: <http://ajrp.awm.gov.au/ajrp/ajrp2.nsf/437f72f8ac2c07238525661a00063aa6/2f3b86921669c57e852565b000499e78?OpenDocument> (дата обращения: 25.05.2021).

по сей день играет ключевую роль³⁰⁸. Так, например, в 1970-е гг. в Папуа – Новой Гвинее проживало около 30 тыс. австралийцев, 2,5 тыс. из которых были государственными служащими. Вместе с тем, австралийские компании активно разрабатывали проекты в области добычи природных ископаемых, например, медный рудник Пангуна на о-ве Бугенвиль, а также золотой рудник Ок-Теди, находящийся в самом сердце о-ва Новая Гвинея – на границе ПНГ и Индонезии.

Период 90-х годов XX столетия по праву можно назвать периодом крайней нестабильности в Южно-Тихоокеанском регионе, который пришелся на годы премьерства в Австралии Джона Говарда. Например, в 1988–1997 гг. на о-ве Бугенвиль разразилась настоящая гражданская война, в ходе которой Бугенвильская революционная армия (БРА) боролась за независимость острова от Папуа – Новой Гвинеей³⁰⁹. Причиной стали споры о распределении доходов от добычи полезных ископаемых, полученных с рудника Пангуна, а также недовольство местных жителей загрязнением окружающей среды, что вынуждало их покидать свои дома целыми семьями. Впоследствии эти земли занимали так называемые скваттеры, промышленявшие добычей золота и меди. Это месторождение разрабатывала компания Bougainville Copper Ltd (BCL), контрольный пакет акций которой принадлежал австралийской компании Rio Tinto. Более того, даже существовали опасения, что горные работы могут уничтожить весь о-в Бугенвиль. Как результат, начали формироваться движения, выступавшие против добычи полезных ископаемых на острове. Впоследствии дело дошло до образования БРА и использования взрывчатки для

³⁰⁸ В 1975 г., в момент обретения Папуа–Новой Гвинеей независимости, ее население насчитывало около трёх миллионов человек, что делало ПНГ крупнейшей иностранной территорией, которой владела Австралия. До независимости все жители ПНГ признавались гражданами Австралии и подданными Великобритании, хотя и не имели вида на жительство в Австралии. Территорией ПНГ управлял администратор, подотчётный австралийскому Министру по делам территорий. При этом австралийская валюта была единственным законным платежным средством. Необходимо отметить, что более 270 актов австралийского парламента являются частью внутреннего законодательства территории.

³⁰⁹ *Подробнее см.* Бугенвиль: продолжение дискуссий о независимости // Журнал Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27620> (дата обращения 20.04.2021)

приостановки операций на Пангуне. Целью БРА было заставить компанию BCL и власти ПНГ пересмотреть соглашение о добыче полезных ископаемых и обеспечить должные условия для самих бугенвильцев. Как результат, в ответ на действия БРА папуа-новогвинейские власти задействовали силы полиции и Силы обороны Папуа – Новой Гвинеи. В 1996 г. на остров был введен контингент Сил обороны Австралии, который оказал содействие в урегулировании конфликта, а Бугенвиль остался в составе Папуа – Новой Гвинеи, получив статус автономного региона. В ходе гражданской войны на Бугенвиле погибло около 15 тыс. человек. Инфраструктура в некогда перспективной провинции была практически уничтожена. После множества попыток прийти к соглашению 30 августа 2001 г. всё же было подписано Бугенвильское мирное соглашение, которое было ратифицировано Национальным парламентом Папуа – Новой Гвинеи в 2002 г. В свою очередь, на рубеже веков, в начале 2000-х гг. на Фиджи произошел путч, в ходе которого была принята новая Конституция страны, а также распущено правительство. События на Фиджи в очередной раз всколыхнули Океанию, эхом отозвавшись на Соломоновых Островах, где летом 2000 г. также произошел государственный переворот, вызванный межэтническими противоречиями³¹⁰.

В тот же период возник еще один очаг нестабильности, который привел в Южно-Тихоокеанский регион двух амбициозных акторов: Китай и Тайвань. В конце XX – начале XXI вв. Китай столкнулся с жесткой дипломатической конкуренцией со стороны Китайской республики (Тайвань), в результате которой Океания стала одним из ключевых регионов их противостояния. Для вовлечения океанийских государств в свою орбиту, Китай и Тайвань выдвигали различные инициативы, а также оказывали помощь в целях развития как океанийским государствам, так и региональным организациям. Например, в феврале 2005 г. КНР объявила о создании Ассоциации дружбы Китай-Океания (China-Oceania Friendship Association, COFA), после чего в 2006 г. премьер

³¹⁰ Пале С.Е. Постколониальные конфликты в странах Океании // [Отв. редактор Николаев В.П.], М.: ИВ РАН, 2012., С. 87

Госсовета Китая Вэнь Цзябао нанес визиты в Австралию, Новую Зеландию и Фиджи, а Министр иностранных дел Китая Ли Чжаосин посетил семь океанийских государств, признавших КНР, – Острова Кука, Федеративные Штаты Микронезии, Ниуэ, Фиджи, Папуа – Новую Гвинею, Самоа, Тонга, Вануату. В том же году на Фиджи был учрежден Форум экономического развития и сотрудничества Китай – островные государства Тихого океана (China-Pacific Island Countries Economic Development and Cooperation Forum), в рамках которого Вэнь Цзябао заявил о готовности Пекина предоставить 3 млрд. юаней (прим. 371 млн долл.) льготных кредитов в последующие три года для развития китайско-океанийского сотрудничества в области освоения ресурсов, сельского хозяйства, лесного хозяйства, рыболовства, туризма, текстильной промышленности, производства потребительских товаров, телекоммуникаций, авиации и морских перевозок. Тогда же китайским премьером было впервые объявлено, что связи Китая со странами Океании – это не дипломатическая целесообразность, а «стратегическое решение» КНР³¹¹.

Равным счетом, инициативы Тайваня также были сосредоточены на предоставлении помощи океанийским государствам. В 2006 г. по инициативе президента Тайваня Чэнь Шуйбяня состоялся саммит «Тайваньско-Тихоокеанских союзников» (Taiwan-Pacific Allies Summit) в Республике Палау. По результатам встречи тайваньский лидер объявил, что его страна будет оказывать помощь своим океанийским союзникам в области туризма, здравоохранения, охраны природных ресурсов, развития возобновляемых источников энергии, а также сосредоточится на экономическом сотрудничестве, особенно в области сельского хозяйства и рыболовства. В 2007 г. Тайвань оказал помощь Форуму тихоокеанских островов (ФТО) в размере

³¹¹ Aid package announced for South Pacific states, April 2006 // China Daily URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2006-04/06/content_561163.htm (дата обращения: 25.05.2021).

735 тыс долл. и поддержал 32 проекта в области развития государств Южно-Тихоокеанского региона³¹².

Рассматривая китайско-тайваньское соперничество в океанийском регионе, стоит выделить одну из уникальных особенностей Океании, которая в том числе обеспечила частый характер визитов китайских делегаций в этот регион: это возможность транзитных остановок в странах Океании на пути в Южную Америку, которые китайские лидеры совершали, чтобы не делать пересадку в Соединенных Штатах.

Активная фаза соперничества КНР и Тайваня в южной части Тихого океана продлилась вплоть до 2008 г., когда случился глобальный финансовый кризис, подкосивший экономику Тайваня, а к власти в это время пришел президент Ма Инцзю. Окончание противоборства ознаменовалось предложением тайваньского президента о заключении с КНР «дипломатического перемирия» вместо развития соперничества за дипломатическое признание со стороны третьих стран³¹³.

В 2020 г. КНР была признана в десяти государствах Океании, в то время как Тайвань – в четырех. Более того, КНР – это единственная страна Восточной Азии, которая выступает полноправным членом региональных организаций южной части Тихого океана. В то же время, в 2016 г. Тайвань провозгласил новый внешнеполитический курс, нацеленный на диверсификацию связей на южном направлении, включая страны АСЕАН, Южной Азии, Австралию, Новую Зеландию и ряд государств океанийского региона, что отражает подход к «мягкой силе», объявленный Ма Инцзю³¹⁴.

Несмотря на тот факт, что Австралия, как страна западного мира, стремится поддерживать связи с Тайванем³¹⁵, факт китайско-тайваньского

³¹² *Brady, A-M.*, Looking North, Looking South: China, Taiwan, And The South Pacific, Series on Contemporary China (Book 26). World Scientific Publishing Company, 2010. P. 122-126.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Там же.

³¹⁵ Совместное коммюнике Австралии и КНР признает правительство КНР единственным законным правительством Китая и принимает позицию Пекина касательно того, что Тайвань является провинцией КНР. Отношения между австралийскими правительственными чиновниками и Тайванем носят неофициальный характер, а представительство Австралии на

противостояния был негативно воспринят в австралийских правящих кругах. Во-первых, данное противоборство обеих сторон стало дестабилизирующим фактором в ЮТР, который способствовал возникновению/обострению локальных конфликтов. Только за период 2006–2009 гг. антикитайские волнения прокатились по Соломоновым Островам, Тонге, Фиджи, Вануату, Французской Полинезии и Папуа – Новой Гвинее. Во-вторых, из-за китайско-тайваньского соперничества у океанийских государств появился инструмент давления на австралийское руководство для извлечения личной выгоды. Еще в 1993 г. Австралия пресекла попытки сближения Папуа – Новой Гвинее с Тайванем³¹⁶, а в 2004 г. вновь применила подобную практику, но уже в отношении Вануату. Примечательно, что в обоих случаях лидеры государств – Билл Скейт (Папуа – Новая Гвинея) и Серж Вохор (Вануату) были вынуждены уйти в отставку. В-третьих, соперничество между Китаем и Тайванем спровоцировало ряд коррупционных скандалов в странах Океании с участием местных элит, которые подрывали эффективность предоставленной Австралией помощи для стабилизации внутривластной обстановки, а также развития органов государственной власти. Наконец, одним из наиболее важных аспектов данного соперничества стало вовлечение Китая и Тайваня в зону влияния Австралии в качестве других иностранных игроков, стремящихся реализовать

Тайване не имеет дипломатического статуса, как и представительства Тайваня в Австралии, которые имеют название «Taipei Economic and Cultural Office» (ТЕСО). В 2018 г. Тайвань стал шестым по величине экспортным рынком Австралии и 16-м по величине источником импорта товаров. Экспорт австралийских товаров на Тайвань в 2018 г. составил \$10,6 млрд. (+19%). Основными экспортными товарами на Тайвань были уголь, железная руда, природный газ, медь, сельскохозяйственная продукция, причем наиболее важными товарами являются мясо, пшеница и молочные продукты. Импорт товаров из Тайваня в 2018 г. составил 5 млрд долл. Основные импортные товары включают телекоммуникационное оборудование и запчасти, нефтепродукты, компьютеры, мотоциклы и велосипеды. Важное место Австралии в поставках ресурсов и первичной продукции Тайваню, а также значительная стоимость высокотехнологичного экспорта Тайваня в Австралию лежат в основе взаимодополняющего характера торговых отношений между двумя странами. В 2018 г. инвестиции Тайваня в Австралию составили 9,6 млрд долл. и были направлены в австралийские ресурсные проекты и банковский сектор. (Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/taiwan/Pages/australia-taiwan-relationship.aspx> (дата обращения: 25.05.2021)).

³¹⁶ Van Fossen, A., The Struggle for Recognition: Diplomatic Competition Between China and Taiwan in Oceania // Journal of Chinese Political Science. 2007. №12(2). p. 134.

свои национальные интересы. Впоследствии данное противостояние приведет к росту влияния КНР в южной части Тихого океана и выразится в поддержке Фиджи, которое после государственного переворота 2006 г. находилось под экономическими санкциями со стороны традиционных доноров – Австралии, Новой Зеландии и США³¹⁷.

На современном этапе Австралия является главным инициатором интеграционных процессов в ЮТР, играет роль ключевого донора, а также ведущего партнера по вопросам обороны и ликвидации последствий стихийных бедствий. Более того, особое внимание к ЮТР закреплено в Белой книге по внешней политике Австралии 2017 г., разработанной в годы премьерства Малкольма Тернбулла. Белая книга предлагает интеграцию экономик Австралии и стран Океании, а также уделяет большое внимание аспектам безопасности в регионе: «Правительство [*прим.* Австралии – *А.Г.*] осуществляет поэтапное изменение взаимодействия с островными государствами Тихого океана. Данный новый подход признает, что более масштабное участие Австралии, включая содействие интеграции Тихоокеанских стран в экономику Австралии и Новой Зеландии, а также наши органы безопасности, имеют важнейшее значение для долгосрочной стабильности и экономических перспектив в Тихом океане»³¹⁸.

Вероятно, стремление Австралии к интеграции среди стран ЮТР является попыткой качественно переосмыслить уровень взаимодействия государств не как соседей по региону, а как единый взаимосвязанный механизм, построенный на общих интересах. Именно эту стратегию решил реализовать М. Тернбулл, будучи премьер-министром Австралии с 2015 по 2018 гг. Вместе с тем, данная идея была озвучена в августе 2017 г. министром иностранных дел Австралии Джули Бишоп в рамках ежегодного заседания Форума тихоокеанских островов

³¹⁷ *Подробнее см.:* Пале С.Е. Постколониальные конфликты в странах Океании, М.: Институт востоковедения РАН, 2012, 180 с.

³¹⁸ Australia's Pacific engagement // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/pacific/engagement/Pages/strengthening-our-pacific-partnerships> (дата обращения: 25.05.2021).

(главной региональной организации в ЮТР, объединяющей все независимые государства Океании, включая зависимые территории – на особых условиях, а также партнеров по диалогу).

Вместе с тем, именно годы премьерства М. Тернбулла австралийское руководство фактически признало масштабы региональных амбиций Китая. В ходе своей речи в рамках 16-го Азиатского саммита по безопасности «Диалог Шангри-Ла» (IISS Asia Security Summit, Shangri-La Dialogue) М. Тернбулл поднял вопрос о попытке Китая установить свою гегемонию в регионе, изолируя тех, кто «находится в оппозиции или не соответствует его интересам, используя свою экономическую щедрость, чтобы вознаградить тех, кто придерживается [*прим. его – А.Г.*] линии»³¹⁹. Тот факт, что г-н Тернбулл поднял вопрос о региональном доминировании Китая, свидетельствовал об ожиданиях Канберры, связанных с интенсификацией соперничества с Пекином в ЮТР. Кроме того, 14 июня 2017 г., спустя более десятка лет переговоров между Австралией, Новой Зеландией и восемью океанийскими государствами (Вануату, Острова Кука, Кирибати, Науру, Ниуэ, Самоа, Соломоновы Острова, Тонга, Тувалу) было подписано Тихоокеанское соглашение о более тесных экономических отношениях (The Pacific Agreement on Closer Economic Relations Plus, PACER Plus). По данным Министерства иностранных дел и торговли Австралии, данное соглашение призвано интенсифицировать торговые и инвестиционные связи внутри ЮТР с целью получения дальнейших экономических и социальных выгод, а также улучшения условий жизни всех океанийских народов³²⁰. Необходимо отметить, что одни из самых населенных и экономически крепких стран Океании – Фиджи и Папуа – Новая Гвинея, обладающие довольно крупным по меркам Океании внутренним

³¹⁹ Keynote address at the 16th IISS Asia Security Summit, Shangri-La Dialogue, June 2017 // Malcolm Turnbull 29th Prime Minister of Australia 2015-2018. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.malcolmturnbull.com.au/media/keynote-address-at-the-16th-iiss-asia-security-summit-shangri-la-dialogue> (дата обращения: 25.05.2021).

³²⁰ PACER Plus Preamble // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/pacer-plus-preamble.pdf> (дата обращения: 25.05.2021).

производственным сектором, отказались подписывать данное соглашение в связи его негативным влиянием на местную промышленность и на возможность руководства стран регулировать потоки иностранных инвестиций³²¹. Трудно не согласиться с научным сотрудником Университета Сиднея, доктором Патрицией Рэйналд, что без Фиджи и ПНГ соглашение PACER-Plus действительно представляет собой «PACER-Minus»³²². Подобное решение крупнейших экономических акторов среди островных государств южной части Тихого океана стало маркером необходимости более глубокого и многостороннего подхода к развитию отношений Австралийского Союза со странами ЮТР.

Далее внешнеполитический вектор М. Тернбулла на укрепление австралийско-океанийского сотрудничества усовершенствовал действующий премьер-министр Австралии Скотт Моррисон (2019 – н.в.). В своих заявлениях австралийский премьер часто использует фиджийское слово «vuvale» (дословно означает «родственное, семейное партнерство», а в переносном значении – «мой дом – это твой дом»), в основу которого легли понятия о тесном партнерстве между Австралией и государствами Океании, которые должны доверять друг другу и вести себя подобно членам одной большой семьи, в том числе, касательно стратегического партнерства, нацеленного на обеспечение экономического процветания и безопасности в ЮТР. Необходимо отметить, что именно С. Моррисон активизировал аспект формирующейся океанийской идентичности в отношениях Австралии и стран ЮТР³²³. Первыми главами иностранных государств, которых в 2018 г. принял С. Моррисон в качестве новоиспеченного премьер-министра Австралии, стали лидеры Папуа – Новой Гвинеи, Фиджи, Вануату и Соломоновых Островов. Вместе с тем, С. Моррисон

³²¹ *Ranald, P.*, Pacific trade deal PACER-Plus is PACER-minus without PNG and Fiji: AFTINET JSCOT submission, November 2017 // Australian Fair Trade and Investment Network Ltd. [Электронный ресурс]: URL: <https://aftinet.org.au/cms/node/1514> (дата обращения: 25.05.2021).

³²² Там же.

³²³ Подробнее см. *Гулевич, В.А.* Австралия конструирует «тихоокеанскую» идентичность // Журнал Международная жизнь. 17.12.2019. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/24849> (дата обращения: 25.05.2021).

стал первым австралийским премьер-министром за последние 20 лет, кто нанес двусторонние визиты в Вануату и Фиджи. Также в годы премьерства г-на Моррисона была выделена рекордная сумма для австралийской официальной помощи в целях развития в размере 1,4 млрд долл. и подписаны двусторонние соглашения о безопасности с Соломоновыми Островами, Науру и Тувалу. Можно смело утверждать, что С. Моррисон сделал ЮТР приоритетным направлением внешней политики Австралии в рамках своего премьерского срока.

Учитывая активизацию внешней политики Австралийского Союза в ЮТР, стоит предположить, что усилия Канберры непосредственно связаны с ростом влияния КНР в Океании и подтверждают факт существования «дилеммы безопасности» во внешней политике страны на современном этапе. Данный факт также подтверждается рядом аналитических работ, где ЮТР был охарактеризован в качестве «геополитической шахматной доски»³²⁴, «поля битвы»³²⁵, в то время как южноафриканский аналитик Джеффри Йорк назвал «северный щит» Австралии – Папуа – Новую Гвинею «последним форпостом новой Китайской империи»³²⁶.

Для дальнейшего анализа фактора КНР во внешней политике Австралии в ЮТР необходимо выделить ряд преимуществ, которыми обладают океанийские государства, и выявить причины интереса к региону с позиций КНР:

1. Обширные исключительные экономические зоны (ИЭЗ);
2. Богатство природными ресурсами;
3. Выгодное положение для международной торговли;
4. Выгодное геостратегическое положение для базирования вооруженных сил;

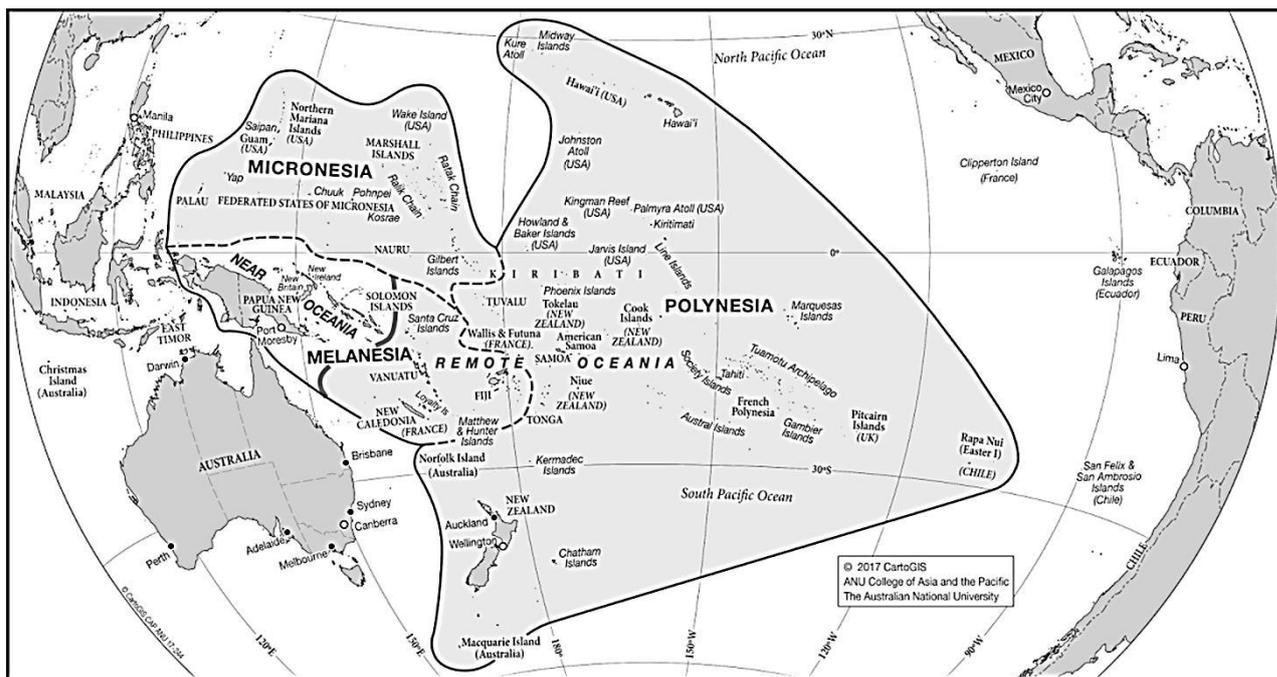
³²⁴ Hill, M., Chessboard or “political bazaar”? revisiting Beijing, Canberra and Wellington’s engagement with the South Pacific. // Security Challenges. 2010. №6(3). P. 41–58.

³²⁵ Wyeth, G., What to make of China in the South Pacific?, 2016 // The Diplomat. [Электронный ресурс]: URL: <https://thediplomat.com/2016/09/what-to-make-of-china-in-the-south-pacific/> (дата обращения: 23.05.2020).

³²⁶ York, G., Papua New Guinea and China’s new empire, 2017 // The Globe and Mail. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/papua-new-guinea-and-chinas-new-empire/article25582256/> (дата обращения: 23.05.2020).

5. Одни из ведущих стран Океании (Папуа – Новая Гвинея, Фиджи и Вануату) являются участниками «Движения неприсоединения», лидером которого традиционно считается Индия;
6. Рост степени внутривнутриполитической стабильности в последние годы.

Карта Южно-Тихоокеанского региона

Источник: Австралийский Национальный Университет³²⁷.

Все эти преимущества предоставляют целому ряду ведущих держав ИТР возможности для налаживания более тесных политических, экономических, и, что немаловажно, геостратегических связей с государствами Южно-Тихоокеанского региона. КНР в данном случае – не исключение. Согласно заявлениям официальных лиц Китая, суть отношений Пекина и стран Океании заключается в стремлении к «подлинной дружбе, осуществлению практического сотрудничества и достижения взаимовыгодных результатов», о чем заявил Председатель КНР Си Цзиньпин в ходе встречи с лидерами стран-

³²⁷ Skirgård, H., Cartogis. Map of Subregions of Oceania / College of Asia-Pacific. The Australian National University, 2019. URL: <https://sites.google.com/site/hedvigskirgard/pacific-maps>

участниц ФТО в 2020 г.³²⁸. В официальных документах КНР также говорится о стремлении «интегрировать интересы китайского народа с интересами других стран» в рамках сотрудничества Юг-Юг³²⁹. Вероятно, продвигая подобную риторику, Пекин хочет представить себя в качестве развивающегося государства и партнера для стран Океании, готового к равноправному партнерству. Безусловно, одним из ключевых стимулов для Китая в сотрудничестве со странами ЮТР выступают коммерческие интересы, в том числе и доступ к ресурсам, которыми обладают государства Океании, – газ, нефть, никель, золото, медь, тунец, а также обширными исключительными экономическими зонами в Тихом океане, что позволяет более активно участвовать в местном рыбном промысле (Кирибати, Соломоновы Острова, Самоа, Науру и др.)³³⁰. Китайские компании принимают активное участие в процессах лесозаготовки на Фиджи и Соломоновых Островах, а также в ресурсных проектах Папуа – Новой Гвинеи. Примечательно, что инвестиции китайской государственной CMG Corp в проект Ramu Nickel) в размере 843 млн долл. являются самыми крупными за всю истории Океании³³¹. К тому же, в

³²⁸ Си Цзиньпин проводит многостороннюю встречу с лидерами островных государств южной части Тихого океана и выступает с программной речью о выстраивании стратегического партнерства на основе взаимного уважения и общего развития, а также совместной реализации мечты о развитии, процветании и гармонии (习近平同太平洋岛国领导人举行集体会晤并发表主旨讲话: 构建相互尊重、共同发展的战略伙伴关系 共圆发展繁荣和谐之梦) // [Электронный ресурс] Посольство КНР в Португалии (中华人民共和国驻葡萄牙大使馆). [Электронный ресурс]: URL: <http://pt.china-embassy.org/chn/zgyw/t1213755.htm> (дата обращения 18.03.2020).

³²⁹ Белая книга по внешней помощи Китая 2014 г. (中国的对外援助) // Информационное бюро Государственного совета КНР (國務院新聞辦公室). [Электронный ресурс]: URL: http://www.gov.cn/zhengce/2014-07/10/content_2715467.htm (дата обращения 15.05.2020). Также *подробнее см.* Zhang, Y., China and the emerging regional order in the South Pacific. *Australian Journal of International Affairs*, 61(3), pp. 367–381.

³³⁰ Pacific Islands Region Marine fisheries, 2009 // Fisheries and Resources Monitoring System URL: <http://firms.fao.org/firms/fishery/815/en> (дата обращения: 23.05.2020).

³³¹ Помимо дипломатической целесообразности, Тайвань ведет поиск океанских и рыбопромысловых ресурсов в южной части Тихого океана. Например, тайваньский бизнесмен Ку Кван Мин сотрудничал с управлением морских ресурсов Маршалловых Островов в разработке морских и рыболовных ресурсов. Тайваньская судостроительная компания Ching Fu Shipbuilding Company инвестировала 20 млн долл. в строительство плавучего сухого дока на Маршалловых Островах для оказания ремонтных услуг судам,

ЮТР пролегают важные транспортные морские маршруты, которые проходят вдоль северо-восточного побережья Папуа – Новой Гвинеи, через Соломоновы Острова и Французскую Полинезию. Наконец, с помощью реализации коммерческих интересов Китай, вероятно, может попытаться закрепиться в ЮТР, разместив военные базы и военный контингент для охраны инфраструктурных объектов Китая в Океании в долгосрочной перспективе.

На современном этапе в Океании проживают около 80 тыс. этнических китайцев: 20 тыс. – в Папуа–Новой Гвинее и Фиджи, 15 тыс. – на Северных Марианских Островах и 14 тыс. – во Французской Полинезии³³². Также необходимо отметить, что некоторые лидеры океанийских государств имеют китайское происхождение. Например, премьер-министр Папуа – Новой Гвинеи в 1980–1982 и 1994–1997 гг. сэр Джулиус Чэнь, а также экс-президент Кирибати Аноте Тонг (2003–2016 гг.) и др. Вместе с тем, китайское происхождение не сказалось на внешнеполитическом векторе приведенных в пример политиков. Более того, А. Тонг, будучи президентом Кирибати, больше ориентировался на Тайвань, нежели на КНР.

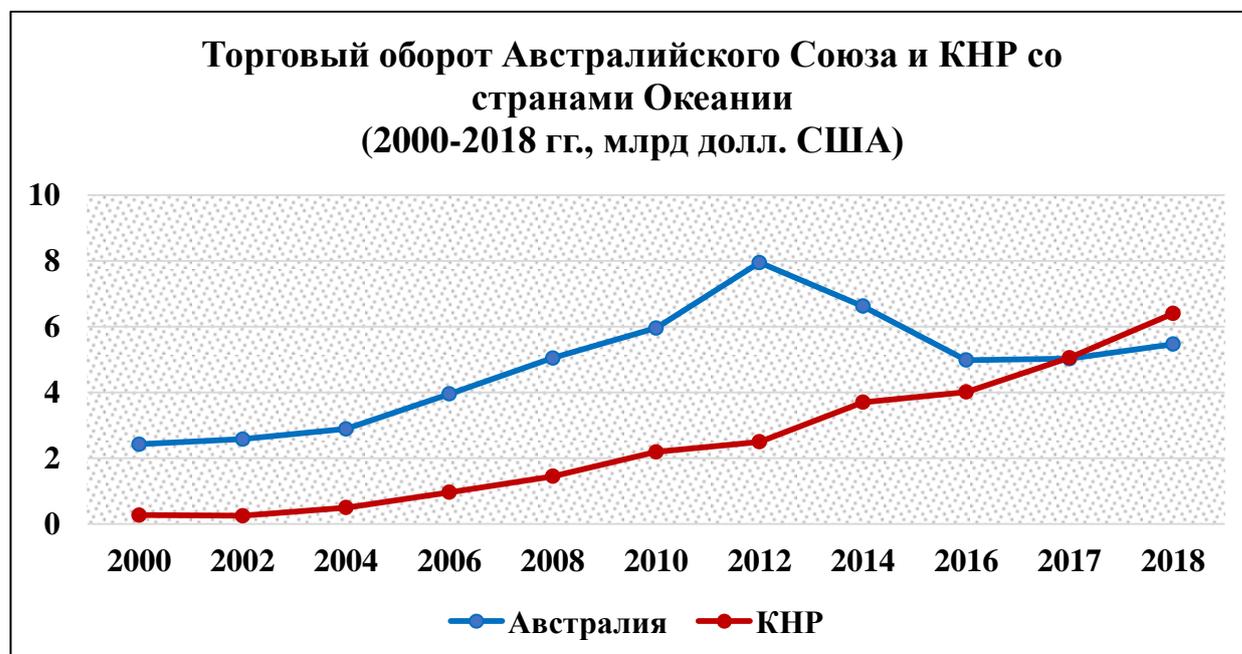
За последние два десятилетия Китай добился определенных успехов в выстраивании отношений с государствами ЮТР. Рассматривая торговую динамику, важно отметить, что торговый оборот Китая с океанийскими государствами с 2000 г. вырос в 23 раза (с 270 млн долл. до 6,39 млрд долл.). Более того, в период 2017–2018 гг. Китай опередил Австралию в качестве главного торгового партнера для стран Океании (см. График №8). На современном этапе в Океании действуют тысячи китайских компаний в различных отраслях: от добывающих предприятий до ресторанов и продуктовых магазинов.

работающим в северной части Тихого океана, и создала сотни рабочих мест для Маршалловых Островов. Тайвань строит солнечные энергетические системы в Науру и на Маршалловых Островах и помогает улучшить качество и технологию телекоммуникаций Палау.

³³² *Brady, A-M.*, Looking North, Looking South: China, Taiwan, And The South Pacific, Series on Contemporary China (Book 26). World Scientific Publishing Company, 2010. p. 209.

КНР также является ключевым партнером региональных организаций и объединений, таких как Форум тихоокеанских островов (ФТО), с которым она активно взаимодействует с конца XX в. За более чем два десятка лет Пекин выделил ФТО свыше 5 млн долл. через Фонд сотрудничества Китай – Форум тихоокеанских островов (China – Pacific Islands Forum Cooperation Fund)³³³. В то же время, несмотря на заявления о тесном сотрудничестве КНР и того же ФТО, стоит отметить, что Китай совершает попытки демонстрации своего влияния в регионе. Например, в рамках саммита ФТО 2019 г. разгорелся спор между делегациями Науру и КНР из-за попытки китайской делегации выступить вне очереди, первыми, перед президентом Тувалу³³⁴.

График №8

Источник: составлено автором на основе данных торговой статистики ООН³³⁵

³³³ China hands over US\$650,000 for regional assistance // Pacific Islands Forum Secretariat. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.forumsec.org/china-hands-over-us650000-for-regional-assistance/> (дата обращения: 23.05.2020).

³³⁴ Nauru blasts 'insolent' China for speaking out of turn at meeting, September 2018 // Reuters. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.reuters.com/article/us-pacific-forum-china/nauru-blasts-insolent-china-for-speaking-out-of-turn-at-meeting-idUSKCN1LL0AC> (дата обращения: 23.05.2020).

³³⁵ UN Comtrade Database. [Электронный ресурс]: URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения 25.05.2021). В графике автор учел ряд государств Океании: Папуа – Новая Гвинея, Фиджи, Соломоновы Острова, Вануату, Палау, Науру, Кирибати, Федеративные Штаты Микронезии, Французская Полинезия, Острова Кука, Новая Каледония, Самоа

Рост влияния Китая в Океании привлек к себе особое внимание, когда китайская частная телекоммуникационная компания «Huawei» предложила проложить подводные волоконно-оптические кабели по дну Тихого океана между Вануату, Соломоновыми Островами, Папуа – Новой Гвинеей и австралийским Сиднеем. По мнению австралийских властей, эта инициатива представляла угрозу информационной безопасности Пятого континента, так как ей потребовался бы доступ к сиднейским серверам, откуда берут начало все подводные кабели в ЮТР. В 2018 г. Канберре удалось исключить «Huawei» из проекта, взяв на себя расходы в размере 200 млн долл.

На этом фоне важно отметить еще одну интересную деталь: на фоне отпора австралийской стороны и невозможности оказать влияние на процессы принятия решений Пятого континента, Китай налаживает тесные экономические отношения с островными государствами Океании. В этом случае Пекин использует тактику, схожую с настольной игрой «вэйци» (围棋), где игроки также стремятся отгородить на игровой доске камнями своего цвета большую территорию, чем противник. КНР захватывать страны Океании не собирается, но из года в год укрепляет контакты с малыми государствами, как бы окружая Австралию более лояльными себе актерами.

Так или иначе, на современном этапе в австралийско-китайских отношениях на ключевые позиции выходит аспект соперничества за влияние в южной части Тихого океана. Впервые за период более чем в полвека Австралия действительно сталкивается с осязаемым соперником, который в то же время является не только самой влиятельной страной Индо-Тихоокеанского региона, но и претендентом на глобальное лидерство.

В условиях разворачивающегося соперничества Австралия принимает ряд мер, нацеленных на удержание своей лидирующей роли в южной части Тихого океана. Во-первых, в 2016 г. австралийской стороной был разработан внешнеполитический подход по выстраиванию отношений с государствами Океании под названием «Pacific Step-Up», который был модернизирован в

ноябре 2018 г. Данный подход также закреплен в Белых книгах по внешней и оборонной политике Австралии от 2016 и 2017 гг. Главным приоритетом «Pacific Step-Up» стало построение более крепких отношений Австралии с государствами Океании в области экономики, безопасности, а также гуманитарных связей. Данная стратегия Австралии ставит в приоритетное положение «вызовы региона, определенным самими лидерами тихоокеанских государств», которые включают в себя бóльшее внимание к изменению климата и стихийным бедствиям, устойчивому экономическому росту, а также инклюзивной поддержке населения в области здравоохранения и образования. На эти цели Австралийский Союз выделил 1,4 млрд долл. официальной помощи в целях развития, а также учредил Фонд финансирования инфраструктуры Тихоокеанского региона (Australian Infrastructure Financing Facility for the Pacific, AIFFP) объемом 2 млрд долл³³⁶.

Во-вторых, Канберра пытается развить институциональное сотрудничество с государствами Океании для мобилизации оппозиции среди океанийских партнеров растущему влиянию Пекина и укреплению своих позиций в ЮТР. Так, например, в 2018–2019 гг. было объявлено об учреждении поста Высшего уполномоченного представителя в Тувалу, а также об открытии новых дипломатических миссий в Палау, Маршалловых Островах, Французской Полинезии, Ниуэ и Островах Кука³³⁷. Ожидается, что в результате этих шагов Канберра наконец-то будет представлена в каждой стране-участнице ФТО.

Наконец, Австралия рассчитывает на помощь со стороны своих партнеров, которые также пытаются сдержать рост влияния КНР в ЮТР. Так, например, заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Новой

³³⁶ Stepping-up Australia's engagement with our Pacific family // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/pacific/engagement/Pages/stepping-up-australias-pacific-engagement> (дата обращения: 23.05.2020).

³³⁷ Zhou, C., Walsh, M., Australia pledged to 'step up' in the Pacific amid growing Chinese influence, but are we on track? January 2020 // ABC News. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-01-18/australia-pacific-step-up-in-review/11863150> (дата обращения: 23.05.2020).

Зеландии Уинстон Питерс в 2018 г. ходе своей речи в австралийском Сиднее заявил, что «с 1945 года еще не было момента, когда Австралии и Новой Зеландии было бы необходимо более тесно сотрудничать в Тихом океане», как на современном этапе³³⁸. Более того, У. Питерс назвал Южно-Тихоокеанский регион «все более спорным стратегическим пространством, которым больше не пренебрегают амбиции великих держав»³³⁹. В то же время, в ходе визита Госсекретаря Соединенных Штатов Майка Помпео на о-в Гуам в 2019 г. американский дипломат заявил о начале переговоров по Соглашению о национальной безопасности с Федеративными Штатами Микронезии, Маршалловыми Островами и Палау, которое поможет Вашингтону противостоять растущему влиянию Китая в регионе³⁴⁰. Стоит отметить, что помощь микронезийским государствам оказывает и Япония. Таким образом, Австралия, Новая Зеландия, Япония, Соединенные Штаты и ряд других государств заинтересованы в сдерживании Китая в реализации его амбиций в ЮТР, что, безусловно, отвечает интересам Канберры.

Однако при реализации своих внешнеполитических целей по сближению с государствами южной части Тихого океана, Австралия сталкивается с рядом трудностей. Безусловно, некоторые океанийские государства также обеспокоены растущей мощностью Китая, но, в то же время, они не хотят становиться разменной монетой в австралийско-китайском соперничестве. Примером данного факта послужил отказ государств Океании следовать в фарватере «Индо-Тихоокеанского» видения Австралии, США, Японии и Индии, чтобы не входить в группу государств, потенциально участвующих в противостоянии Пекину. Вместо этого лидеры океанийских государств предпочли сосредоточиться на вопросах, характерных именно для южной части

³³⁸ Fry, G., *Framing the Islands: Power and Diplomatic Agency in Pacific Regionalism*. ANU University Press, 2019. p. 268, <http://doi.org/10.22459/FI.2019>

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Packham, C., Barrett, J., *U.S. seeks to renew Pacific islands security pact to foil China*, August 2019 // Reuters. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.reuters.com/article/us-micronesia-usa-pompeo/u-s-seeks-to-renew-pacific-islands-security-pact-to-foil-china-idUSKCN1UV0UV> (дата обращения: 23.05.2020).

Тихого океана, включающих в себя развитие систем государственного управления, здравоохранения, образования, улучшение инфраструктуры и т.д. Подобная позиция стран ЮТР свидетельствует о том, что формирующийся новый порядок в Океании будет связан в среднесрочной перспективе не только с Австралией, Соединенными Штатами или КНР, но и с островными государствами Тихого океана.

Таким образом, в построении связей с океанийскими государствами, Австралийский Союз опирается на более чем полуторавековую историю влияния в рассматриваемом регионе, а также свою лидирующую роль в ЮТР. В то же время, с ростом влияния Китая, его обширными экономическими и дипломатическими ресурсами, Пекин, вероятно, будет уделять больше внимания региону. Стоит отметить, что реакция Канберры на укрепление позиций Китая в собственной зоне влияния является защитной реакцией, связанной с вопросами обеспечения безопасности Пятого континента, недопущения дестабилизации обстановки в регионе, а также превращения Океании в плацдарм для проецирования силы и влияния Китая в Тихом океане.

3.2. Официальная помощь в целях развития как аспект австралийско-китайского соперничества в Южно-Тихоокеанском регионе

В связи со всё более активным вовлечением Китая в дела ЮТР, наблюдается рост интереса со стороны средних и великих держав в предоставлении островным государствам Тихого океана всё бóльших объемов материальной помощи. Ввиду данного факта, одним из наиболее важных аспектов экономического и социально-политического развития стран Океании стала официальная помощь в целях развития (ОПР). Ни для кого не секрет, что внешняя помощь странам южной части Тихого океана имеет для них приоритетное значение ввиду слаборазвитой инфраструктуры, низкого уровня жизни, качества здравоохранения, профессиональных кадров, а также высокой уязвимости перед стихийными бедствиями.

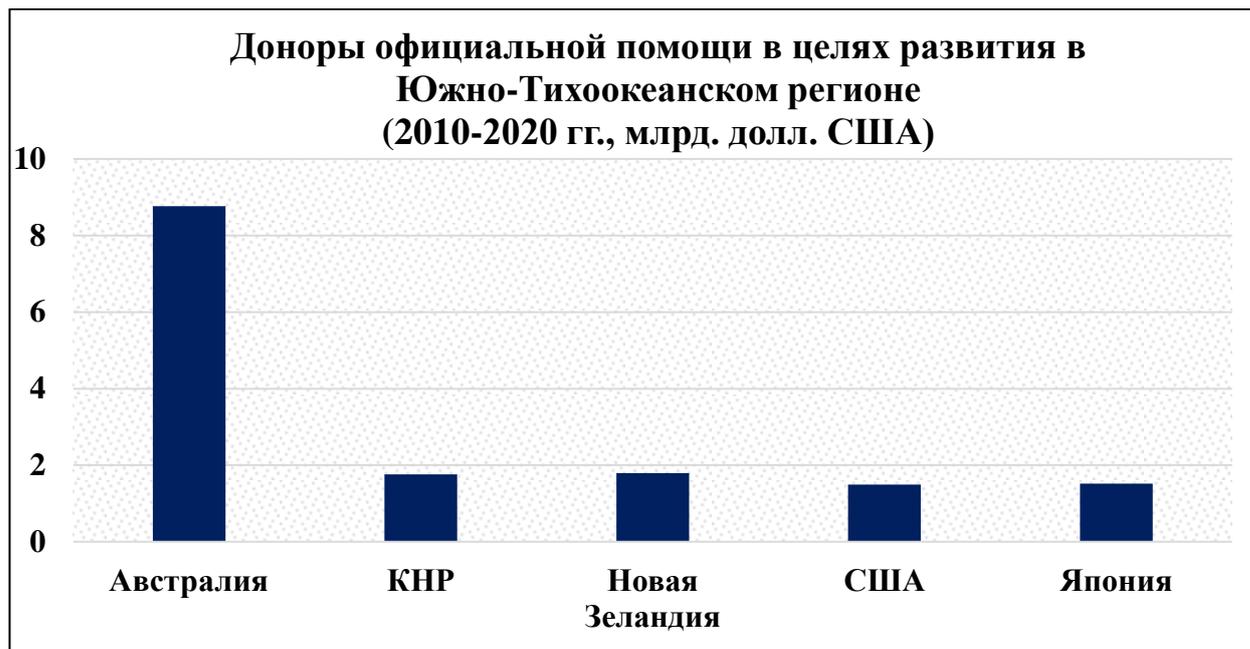
Согласно данным Института Лоуи, за период 2010–2020 гг. государствам Океании было предоставлено свыше 20,4 млрд долл. на реализацию почти 29 тысяч проектов в области развития инфраструктуры, энергетики, систем образования, здравоохранения и государственного управления. Вместе с тем главной особенностью предоставления ОПР в Океании становится разворачивающееся соперничество Австралии и Китая в рассматриваемом регионе.

Благодаря своему уникальному географическому положению, а также ряду инициатив в гуманитарной, торгово-экономической и оборонной сферах, Австралия оказывает сильное влияние на государства Океании. Более того, австралийское влияние подкрепляется статусом Австралии как крупнейшего донора ОПР в Океании, а с 1996 г. страна предоставляет помощь государствам южной части Тихого океана преимущественно в форме грантов³⁴¹. Исключениями выступают лишь австралийские кредиты для развития высококачественной инфраструктуры в Океании (1,5 млрд долл.)³⁴² и точечное финансирование океанийских экономик, столкнувшихся с серьезным дефицитом бюджета.

В период 2010–2020 г. Австралийский Союз выделил 8,77 млрд долл. грантовой помощи на реализацию свыше 14 тыс. гуманитарных проектов в области развития стран ЮТР, что делает его абсолютным лидером в данной области. Особенно примечательно, что в 2013 году австралийское государственное агентство «AusAID», отвечающее за распределение экономической помощи малым государствам, перешло под управление австралийского МИДа, а в период 2019-2020 гг. Канберра выделила рекордные 1,4 млрд долл. в качестве ОПР океанийским государствам.

³⁴¹ Australian Aid: Promoting Growth and Stability, A White Paper on the Australian Government's Overseas Aid Program, 2006 // Australian Agency for International Development. [Электронный ресурс]: URL: <https://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/whitepaper.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).

³⁴² Pacific Regional—Australian Infrastructure Financing Facility for the Pacific // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/pacific/development-assistance/australian-infrastructure-financing-facility-for-the-pacific> (дата обращения: 21.05.2020).

Источник: составлено автором на основе данных

Lowy Institute Pacific Aid Map³⁴³

Стоит отметить, что грантовый характер австралийской ОПР в Океании в первую очередь обусловлен стремлением Австралийского Союза обеспечить стабильность, безопасность и экономическое процветание океанийского региона. Согласно Стратегии национальной безопасности Австралии от 2013 г., главными угрозами в Океании были названы не военные, а экономические, гендерные и социальные угрозы, которые препятствуют устойчивому развитию и могут подрвать стабильность внутри региона. Вместе с тем, помимо обеспечения стабильности в Океании, помощь в целях развития выступает полезным инструментом торгово-экономической стратегии средних держав («стратегия ухаживания»), с помощью которой Австралия может оказывать сильное влияние на океанийский регион, в том числе на внутривнутриполитическую и внешнеполитическую повестку островных государств.

В то же время, несмотря на явное преимущество Австралии в сфере предоставления ОПР южнотихоокеанским государствам, в рассматриваемый

³⁴³ Pacific Aid Map // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://pacificaidmap.lowyinstitute.org/> (дата обращения: 25.05.2021).

регион вовлекается всё большее число игроков³⁴⁴, нацеленных на предоставление помощи странам ЮТР, среди которых особое место, как уже было не раз сказано выше, занимает Китай. За последние два десятилетия Пекин добился масштабного финансового присутствия в Океании. За период 2010–2020 гг. КНР предоставила океанийским государствам ОПР на сумму 1,76 млрд долл. и стала одним из трёх ключевых доноров в южной части Тихого океана. Более того, объемы помощи, предоставленной Китаем в рассматриваемом регионе, уже превысили объемы помощи Японии и Соединенных Штатов (1,9 млрд долл.). В общей совокупности с 2013 по 2018 гг. Китай потратил свыше 270 млрд. юаней (42,3 млрд долл.) на иностранную помощь, которую предоставляет в виде грантов, беспроцентных и льготных кредитов (управляемых через китайский Эксимбанк). Необходимо отметить, что это крайне сильно отличается от механизма предоставления ОПР Австралийским Союзом.

В 2011 и 2014 гг. китайской стороной были выпущены две Белые книги по внешней политике, ставшие основной для анализа механизмов предоставления внешней помощи. Однако среди зарубежных экспертных и политических кругов ОПР со стороны Китая островным государствам Океании встретила целый ряд критических замечаний, в том числе обвинений в намеренном вовлечении стран региона в так называемые «долговые ловушки». Причиной тому стала высокая доля кредитования в сравнении с грантовой помощью. За последние десять лет Китай выделил островным государствам ЮТР кредитов на сумму свыше 1,17 млрд долл. (66,5% ОПР), в то время как гранты составили лишь 588,46 млн. (33,5% ОПР). Для сравнения, доли грантовой помощи в ОПР Японии и США составляют 85% и 100% соответственно.

В ответ на критику, Пекин разработал новую Белую книгу по внешней политике «*China's International Development Cooperation in the New Era*», опубликованную в 2021 г. Согласно положениям документа, КНР будет уделять

³⁴⁴ Индия, Россия, Южная Корея, Индия, Объединенные Арабские Эмираты, Кувейт и Катар.

более пристальное внимание процессу реализации проектов в рамках внешней помощи, принимать активное участие в оценке проектов с целью надзора за их качеством, поддерживать должный уровень доверия к своим проектам Китаю, а также проводить двусторонние консультации, чтобы выявить трудности с погашением долга и убедиться, чтобы партнеры не попали в «долговую ловушку»³⁴⁵. Особенно примечательно, что сам термин «иностранная помощь» из Белых книг 2011 и 2014 гг. был переключен в «международное сотрудничество в целях развития», что говорит о более амбициозном характере документа 2021 г., рассчитанного, в том числе, на реализацию инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Стоит отметить, что ЮТР имеет важное значение для Китая в видении ОПОП. Неслучайно, китайский ученый Юй Чансэн назвал Океанию «важным стратегическим звеном в дипломатии большой периферии Китая»³⁴⁶.

Ввиду того факта, что ОПР государствам Океании долгое время предоставлялась согласно белым книгам 2011 и 2014 гг., автор сосредоточил свое внимание на внешней помощи КНР согласно этим внешнеполитическим документам. В частности, было уделено особое внимание описанию китайских грантов, беспроцентных и льготных кредитов (управляемых через китайский Эксимбанк).

Гранты в рамках китайской помощи предназначены для «малых и средних» проектов, нацеленных на улучшение «социального благосостояния» или для оказания гуманитарной помощи, в том числе и для предотвращения последствий стихийных бедствий³⁴⁷. Гранты предоставляются в размере 10 или

³⁴⁵ China's International Development Cooperation in the New Era // XinhuaNet [Electronic Resource]: URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/10/c_139655400.htm (дата обращения 21.05.2021)

³⁴⁶ Changsen, Y., China's economic relations with Pacific Island countries (China Working Paper), New Zealand Contemporary China Research Centre, 2014 // Victoria University of Wellington. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.victoria.ac.nz/chinaresearchcentre/publications/papers/YU-Changsen-Chinas-Economic-Relations-with-Pacific-Island-Countries.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).

³⁴⁷ Белая книга по внешней помощи Китая 2011 г. (中国的对外援助) // Информационное бюро Государственного совета КНР (國務院新聞辦公室). [Электронный ресурс]: URL:

20 млн. юаней (1,5 млн или 3 млн долл.). Беспроцентные кредиты, в свою очередь, предоставляются на 20 лет (5 лет использования, 5 лет льготный период и 10 лет погашения). Данный тип кредитов используется «в строительстве общественных объектов и запуске проектов по улучшению условий жизни населения»³⁴⁸. Более того, сроки данных кредитов могут быть пересмотрены, а также они впоследствии могут быть преобразованы в гранты. Наконец, льготные кредиты предоставляются с целью оказания помощи «в осуществлении производственных проектов и крупных и средних инфраструктурных проектов с экономическими и социальными выгодами, а также для поставок комплектных заводов, машин и электронных изделий» с минимальным кредитом в размере 20 млн юаней (3 млн долл.) и годовой процентной ставкой в размере 2-3% с погашением в течение 15-20 лет³⁴⁹ после первоначального льготного периода в 3-7 лет³⁵⁰. Как отметила американский политолог Дебора Бройтигам, в отличие от беспроцентных кредитов, льготные кредиты практически невозможно аннулировать или отсрочить³⁵¹. Вместе с тем, необходимо отметить, что один из принципов предоставления данного рода кредитов заключается в прочных дипломатических отношениях между КНР и бенефициаром³⁵².

Одним из важных аспектов китайской ОПР как в Океании, так и в мире выступает участие китайских компаний в качестве подрядчиков для проектов, финансируемых за счет грантов, беспроцентных или льготных кредитов. Активные действия Китая по предоставлению кредитов и грантов океанийским государствам нашли отклик и в заявлениях австралийских чиновников.

<http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/896983/896983.htm> (дата обращения 15.05.2020).

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ *Davies, M.*, How China is influencing Africa's development, 2010 // OECD Development Centre. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.oecd.org/development/pgd/45068325.pdf> (дата обращения: 21.05.2020).

³⁵¹ *Brautigam, D.*, The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa. Oxford: Oxford University Press, 2009. p. 117.

³⁵² *Hanson, F.*, China In The Pacific: The New Banker In Town, April 2011 // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/china-pacific-new-banker-town> (дата обращения: 21.05.2020).

Например, в 2018 г. министр международного развития Австралии, комментируя китайские проекты в Океании, обвинил Пекин в строительстве «бесполезных зданий» и «дорог в никуда»³⁵³, что, безусловно, негативно сказалось на характере австралийско-китайских отношений. Данное заявление также свидетельствует о пристальном внимании и опасении Австралии касательно роста влияния Китая в Океании, а также его попыткам расширить «Пояс и путь» новыми участниками.

Диаграмма №1

Источник: составлено автором на основе данных Белой книги по внешней помощи Китая 2011 г.³⁵⁴

Вместе с тем, на фоне потенциальных выгод для стран Океании от предоставленной иностранной помощи, одной из наиболее обсуждаемых проблем в контексте роста влияния Китая в ЮТР стала задолженность островных государств, которая несет в себе угрозу не только их

³⁵³ Federal Minister Concetta Fierravanti-Wells accuses China of funding 'roads that go nowhere' in Pacific // ABCNews [Electronic resource]: URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-01-10/australia-hits-out-at-chinese-aid-to-pacific/9316732> (дата обращения: 01.03.2021)

³⁵⁴ Белая книга по внешней помощи Китая 2011 г. (中国的对外援助) // Информационное бюро Государственного совета КНР (國務院新聞辦公室). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/896983/896983.htm> (дата обращения 15.05.2020).

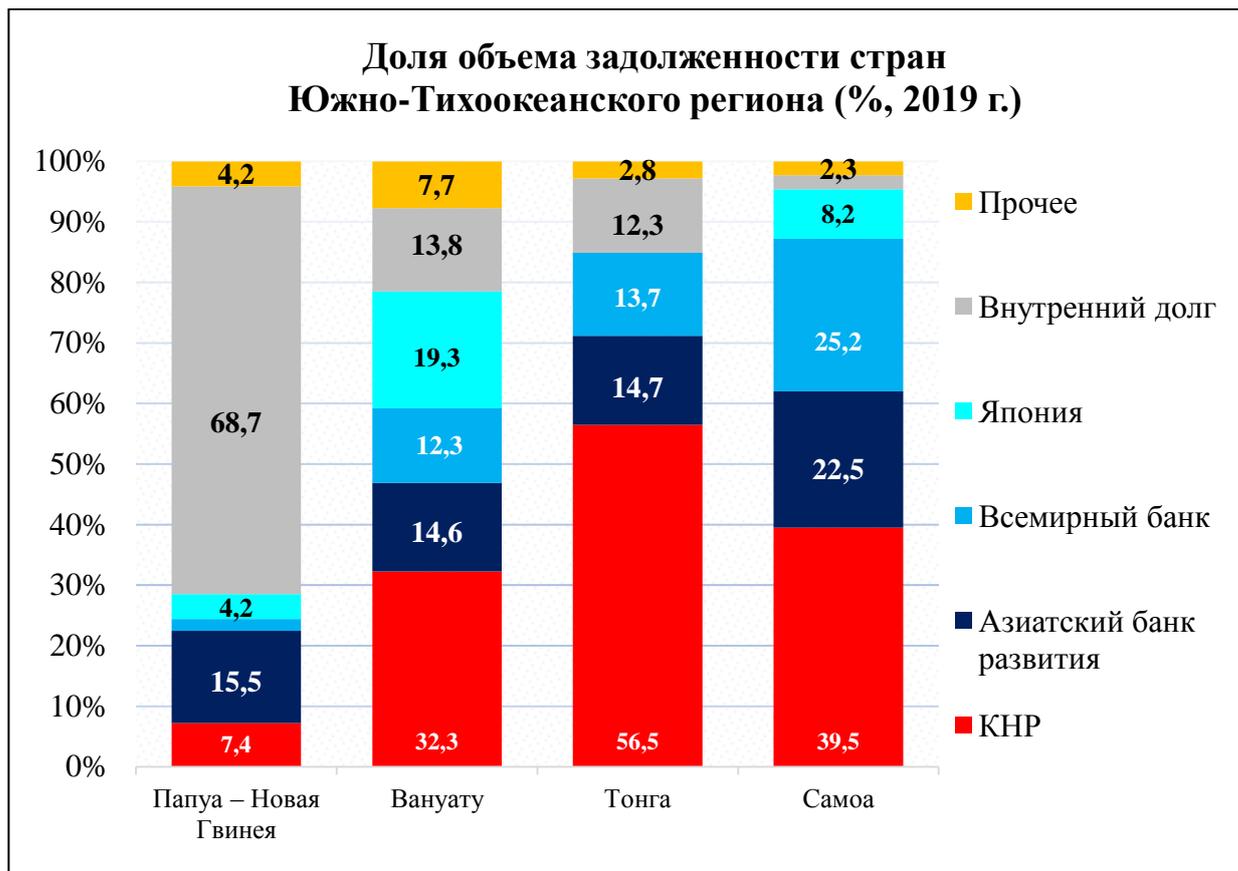
экономическому благополучию, но и вероятную смену внешнеполитического вектора в сторону КНР под давлением кредитных обязательств. В Белой книге по внешней политике Австралии 2017 г. содержится буквально следующее утверждение: «Австралия признает, что усиление конкуренции за влияние и экономические возможности в Папуа – Новой Гвинее, других странах Южно-Тихоокеанского региона, Тиморе-Лешти, а также увеличение внешней помощи и займов из других источников означают, что они могут обращаться за консультациями и помощью в другие места. Во многих случаях это открывает новые возможности, но также может привести к перегрузке потенциала стран по освоению помощи и управлению уровнем их задолженности»³⁵⁵, но в то же время не упоминается о причастности к этому КНР. Более того, в рамках 50-го ежегодного саммита ФТО в 2019 г. на повестке дня отдельно стоял вопрос экономических последствий китайских инфраструктурных кредитов³⁵⁶. Учитывая данный факт, автором были отобраны государства, которые имеют наибольший процент долга перед КНР среди стран Океании: Самоа, Тонга, Вануату, а также Папуа – Новая Гвинея в качестве ведущей страны океанийского региона и крупнейшего бенефициара внешней помощи в южной части Тихого океана³⁵⁷.

Согласно продемонстрированному ниже Графику №9, задолженность перед КНР свыше 50% есть только у Тонги, но, в то же время, Китай является ведущим кредитором в трех из четырех странах выборки. Следует напомнить, что Австралия отсутствует в приведенном графике, так как вся ее ОПР предоставляется в виде грантов, а не льготных кредитов, хотя она также вносит вклад в международные фонды, которые предоставляют кредиты региону (например, Всемирный банк).

³⁵⁵ 2017 Foreign Policy White Paper, P. 100 // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Electronic resource]: URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).

³⁵⁶ Koch, A., Xi Jinping in Russia for talks with Putin with cooperation against US expected // Foreign Brief. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.foreignbrief.com/daily-news/tensions-over-chinese-influence-loom-large-at-pacific-island-forum/x> (дата обращения: 21.05.2020).

³⁵⁷ Остальные государства Океании преимущественно получают кредиты от международных организаций.

Источник: составлено автором на основе данных Института Лоуи³⁵⁸

Официальная помощь в целях развития Независимому Государству Папуа – Новая Гвинея

В последние годы многие исследования ОПР в Океании были сосредоточены на Фиджи, Вануату, Соломоновых Островах, Островах Кука, Тонге и Самоа³⁵⁹, в то время как помощи Папуа – Новой Гвинее (ПНГ) уделялось относительно мало внимания. Папуа – Новая Гвинея является крупнейшим государством Океании как по площади, так и по численности населения, и, в то же время, крупнейшим бенефициаром ОПР в регионе (6,91 млрд долл. в 2010–2020 гг.). Более того, ПНГ стала первым государством

³⁵⁸ Rajah, R., Dayant, A., Pryke, J., *Ocean of Debt? Belt and Road and Debt Diplomacy in the Pacific*, October 2019 // Lowy Institute URL: <https://www.lowyinstitute.org/publications/ocean-debt-belt-and-road-and-debt-diplomacy-pacific> (дата обращения: 13.02.2020).

³⁵⁹ Например, Tarte, S., 'Fiji's "Look North" strategy and the role of China' in Wesley-Smith, T., Porter, E., *China in Oceania: Reshaping the Pacific?*. New York: Berghahn Books, 2010. P. 118–132 или Dornan, M., Brant, P., *Chinese assistance in the Pacific: agency, effectiveness and the role of Pacific Island governments* // *Asia & the Pacific Policy Studies*. 2014. № 1(2). P. 349–363.

Океании, которое подписало Меморандум о взаимопонимании по совместному строительству инициативы ОПОП с Китаем в 2018 г., что также придает исследованию характера ОПР в данном государстве особую актуальность.

Вместе с тем, Папуа – Новая Гвинея является ближайшим к Австралии океанийским государством: расстояние между двумя странами в ближайшей точке составляет около 4 км. Необходимо отметить, что в документах Министерства иностранных дел и торговли Австралии признается факт высокого ресурсного потенциала ПНГ и её выгодного расположения с точки зрения логистики, но основное внимание австралийской стороной уделяется гуманитарным, экономическим и внутривластным проблемам папуа-новогвинейской стороны. За период 2010-2020 гг. Австралия предоставила ПНГ помощь в размере 4,01 млрд долл. и реализует ряд программ, нацеленных на содействие эффективной работе государственного управления, развитию умений и навыков молодого поколения, а также борьбе с изменением климата. Кроме того, в Белой книге по внешней политике Австралии 2017 г. стабильная и процветающая Папуа – Новая Гвинея с растущей экономикой признается одним из самых высоких внешнеполитических приоритетов Австралийского Союза.

Говоря об эффективном государственном управлении, данный аспект выступает одним из ключевых направлений австралийской помощи ПНГ, ввиду его влияния на большинство факторов развития страны. В данном случае наиболее показательным примером выступает австралийское сотрудничество с ПНГ под названием «The Papua New Guinea – Australia Governance Partnership» (2016–2022 гг.), которая сочетает в себе сотрудничество двух государств в политической, социальной и экономических сферах, а также позволяет обеспечить бóльшую согласованность и координацию органов управления между ними. Австралия и ПНГ сотрудничают на уровне министерств и иных государственных учреждений в области обучения новогвинейских чиновников, кадрового обмена между ведомствами Австралии и ПНГ, а также в области подготовки судебных кадров. Необходимо отметить, что глава казначейства

ПНГ Ян Линг-Стаки; министр транспорта и инфраструктуры Уильям Самб; парламентарий и экс-министр по делам высшего образования, исследований, науки и технологий Ник Куман; министр спорта Джастин Ткаченко, а также экс-министр по делам Бугенвиля сэр Пука Тему обучались в высших образовательных учреждениях Австралии. Более того, действующий премьер-министр ПНГ Джеймс Марапе, а также 11 министров закончили Университет Папуа–Новой Гвинеи (University of Papua New Guinea), который был основан австралийской администрацией в 1965 г. Вместе с тем, сторонами реализуется инициатива «The Pacific Leadership and Governance Precinct», направленная на обучение нового поколения папуа-новогвинейских лидеров, которые продолжают работу в государственном аппарате ПНГ. В тоже время, в рамках программы Supporting Electoral Processes in PNG Австралия сотрудничает с Избирательной комиссией ПНГ (PNG Electoral Commission) в целях повышения честности выборов в ПНГ, а также для обмена своим опытом в области выборов в целом ряде областей, таких как улучшение списка избирателей и осуществление программ подготовки по выборам для должностных лиц ПНГ.

Говоря о гуманитарных аспектах австралийской помощи, необходимо выделить инициативу Кокода (Kokoda Initiative, 2016–2020 гг., до 25 млн долл.), нацеленную на улучшение качества жизни населения, проживающего в округе тропы Кокода и окружающих ее хребтов Оуэн-Стэнли, защиту окружающей среды, культурных ценностей, а также поддержание должного уровня безопасности в данном районе. В 2015 г. между Австралией и ПНГ была подписана совместная декларация, в которой признавалось непреходящее значение региона тропы Кокода для обеих стран. Более того, в целях улучшения качества жизни местных жителей, с 2010 г. Австралия профинансировала строительство/реконструкцию свыше 70-ти объектов, включающих в себя школы, медицинские пункты, а также объекты водоснабжения³⁶⁰. Австралийская сторона подготовила свыше 180

³⁶⁰ Development assistance in Papua New Guinea, Promoting effective governance in Papua New Guinea // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный

специалистов для местных школ и медицинских работников непосредственно для работы в данном районе.

В то же время, одни из самых масштабных программ Австралии в Папуа – Новой Гвинее реализуются в областях, здравоохранения (PNG Health Program, 276,90 млн долл., 2015–2018 гг.) и образования (PNG Education Program, 264,4 млн долл., 2015–2018 гг.). По данным DFAT, Австралия является крупнейшим донором в области здравоохранения и образования ПНГ. Более того, на долю Австралии приходится 20% бюджета ПНГ в области здравоохранения³⁶¹.

Например, PNG Health Program направлена на борьбу с туберкулезом, малярией и ВИЧ/СПИДом, а также на улучшение доступа населения к основным медицинским услугам. Австралия добилась больших успехов в области выявления, диагностики и лечения туберкулеза, особенно в Национальном столичном округе (юго-восточная часть ПНГ) и приграничной с Индонезией Западной провинцией. Если в 2014 г. от туберкулеза успешно излечилось 65% населения о-ва Дару (НСО) и деревень округа Саус Флай (South Fly) в Западной провинции, то в 2017 г. процент излечившихся вырос до 99%. В то же время, Австралия сыграла ключевую роль в оказании помощи в вакцинации более 3,3 млн. новогвинейских детей от полиомиелита и предотвращении дальнейшего распространения этой болезни на территории страны.

В области начального и среднего образования Австралия сотрудничает с Министерством образования ПНГ, оказывая содействие подготовке педагогических кадров и развитию образовательной инфраструктуры, что позволяет облегчить доступ населения к образованию. Кроме того, австралийские гранты получают школы не только из Национального столичного округа (г. Порт-Морсби), но из более отдаленных провинций, таких

ресурс]; URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/papua-new-guinea/development-assistance/Pages/governance-assistance-png> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁶¹ How Australian Aid Is Helping Papua New Guinea Address Infectious Diseases Like Polio // GlobalCitizen [Электронный ресурс]: URL: <https://www.globalcitizen.org/en/content/australian-aid-is-helping-papua-new-guinea-polio> (дата обращения: 24.02.2021)

как Восточный Сепик, Западное нагорье, Симбу, а также Милн-Бей³⁶². В области высшего и профессионально-технического образования Австралия сотрудничает с Министерством высшего образования, исследований, науки и техники, а также рядом образовательных учреждений. Более того, особое место в развитии австралийско-новогвинейских образовательных связей занимает программа стипендий Australia Awards для обучения в университетах Австралии. Согласно отчету «PNG Aid Portfolio Performance Report», в рамках программы Australia Awards ежегодно оказывается поддержка более чем 1 тыс. студентам из Папуа – Новой Гвинеи³⁶³.

Рассматривая помощь Австралии в области развития инфраструктуры, стоит выделить ряд инициатив, нацеленных на диверсификацию экономики путем развития логистических и коммуникационных путей, а также доступа населения ПНГ к электричеству. Например, австралийской стороной была реализована программа поддержки транспортного сектора страны (Transport Sector Support Program, TSSP, до 400 млн долл., 2014–2019 гг.)³⁶⁴, целью которой стало «создание безопасной и надежной транспортной системы, обеспечивающей экономическое и социальное развитие ПНГ»³⁶⁵. В рамках сотрудничества с Министерством общественных работ ПНГ, Австралия также оказала содействие в ремонте более 1,7 тыс. км дорог в 12 провинциях, что составляет примерно четверть дорог и почти половину наиболее ценных

³⁶² Australian supported PNG schools among the best in the country, January 2019 // Incentive Fund. [Электронный ресурс]: URL: <http://incentivefund.org/news/australian-supported-png-schools-among-the-best-in-the-country> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁶³ Sherrell, H., Howes, S., First in class: PNG student migration to Australia, January 2017 // DevPolicy Blog [Электронный ресурс]: URL: <https://devpolicy.org/first-class-png-student-migration-australia-20170119/> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁶⁴ Transport Sector Support Program реализуется с 2007 г.

³⁶⁵ Memorandum of Understanding between the Government of Australia and Government of Papua New Guinea on Cooperation in the Transport Sector // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/signed-transport-mou.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

логистических направлений островного государства³⁶⁶. Вместе с тем, финансирование в рамках TSSP также нацелено на авиа- и морской транспорт.

Особое место в австралийско-папуа-новогвинейском сотрудничестве в рамках ОПР занимает проект «Coral Sea Cable Project», в рамках которого Австралия осуществила прокладку подводного волоконно-оптического кабеля связи протяженностью 4,7 тыс. км в Папуа – Новую Гвинею и Соломоновы Острова. Проект нацелен на развитие коммуникационной инфраструктуры между странами, а также на извлечение последующих выгод в области здравоохранения, образования, туризма, добычи ископаемых, рыбного промысла и сельского хозяйства. Основная часть финансирования осуществляется Австралией, в то время как ПНГ и Соломоновы Острова совместно внесут до одной трети расходов по проекту³⁶⁷. В то же время, Австралия нацелена оказать весомую помощь Папуа – Новой Гвинее в реализации её амбициозной инициативы – обеспечить электроэнергией 70% населения ПНГ к 2030 г³⁶⁸. На сегодняшний день доступом к электричеству обладает свыше половины населения островного государства.

Между тем, ПНГ является главным направлением китайской официальной помощи в целях развития в океанийском регионе. В период с 2010–2020 гг. сумма помощи КНР, предоставленной ПНГ, составила 691,13 млн долл., а в 2009 г. – 58% от общего объема всей помощи странам Океании³⁶⁹.

³⁶⁶ Road Management in Papua New Guinea: An Evaluation Of A Decade Of Australian Support 2007–2017, February 2018 // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/ode-evaluation-road-management-in-papua-new-guinea.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁶⁷ About the Project // Coral Sea Cable System. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.coralseacablesystem.com.au/about/> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁶⁸ Australia to offer Pacific funds to PNG for ambitious plan to get power to the people, February 2020 // ABC News. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-02-17/australia-reveals-first-project-for-big-new-pacific-fund/11965290> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁶⁹ Smith, G., et. al., The Development Needs of Pacific Island Countries // United Nations Development Programme. [Электронный ресурс]: URL: https://www.undp.org/content/dam/china/docs/Publications/UNDP_CH_SS_Publication_The%20development%20Needs%20of%20Pacific%20Island%20Countries%20REPORT.pdf (дата обращения: 22.05.2020).

Считается, что первым масштабным проектом Китая в ПНГ стало строительство стадиона сэра Джона Гиза для XIX Южнотихоокеанских игр в 1991 г., средства на который были предоставлены китайской стороной в формате беспроцентного кредита. На современном этапе в ПНГ также реализуется ряд масштабных инфраструктурных и гуманитарных проектов в рамках китайской ОПР. Стоит отметить, что наиболее масштабные проекты Китая в Папуа – Новой Гвинее были реализованы в рамках подготовки к саммиту АТЭС, который прошел в г. Порт-Морсби осенью 2018 г. Так, китайскими компаниями China Jiangxi International и China Harbour Engineering Company Ltd³⁷⁰ были построены Waigani Conventional Centre, на реализацию которого Китай выделил 6,10 млн долл., и шоссе Порепорена (Poreporena Freeway) в г. Порт-Морсби протяженностью 8,5 км. Следует отметить, что оба проекта были реализованы с помощью грантовой помощи КНР. Вместе с тем, в ходе подготовки к саммиту АТЭС Китай оказал содействие в строительстве шестиполосной дороги под названием «Бульвар независимости», ведущей к зданию Парламента Папуа – Новой Гвинеи, но уже в рамках кредита в размере 12 млн долл.³⁷¹

Говоря о грантовых проектах, касательно гуманитарных программ КНР в ПНГ важно упомянуть «China's Peace Ark», в рамках которого китайское госпитальное судно в сентябре 2014 г. прибыло в г. Порт-Морсби, а китайские специалисты оказали медицинскую помощь свыше 7 тыс. человек, 47-ми из которых успешно провели операции. Особое значение для продовольственной безопасности ПНГ также имеет проект «Mt Hagen Rice Project» (провинции Нагорий, Highlands), учрежденный в 2009 г. Проект реализуется Министерством сельского хозяйства и продовольствия ПНГ совместно с Департаментом сельского хозяйства провинции Хубэй (КНР) и нацелен на

³⁷⁰ Poreporena Freeway opens to traffic, October 2018 // The National. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.thenational.com.pg/poreporena-freeway-opens-to-traffic/> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁷¹ Lyons, K., 'The China show': Xi Jinping arrives in PNG for start of Apec summit, 2018 // The Guardian. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/nov/16/the-china-show-xi-jinping-arrives-in-png-for-start-of-apec-summit> (дата обращения: 22.05.2020).

обучение местных фермеров методам выращивания риса. Более того, в рамках проекта была предоставлена сельскохозяйственная техника, а провинции Нагорий посетили специалисты из КНР³⁷².

В то же время, необходимо рассмотреть многочисленные проекты, которые реализуются в ПНГ в рамках льготных кредитов Китая. В данном случае особое внимание привлекает инициатива создания особой экономической зоны (ОЭЗ) Тихоокеанской морской промышленной зоны (Pacific Marine Industrial Zone, PMIZ) в провинции Маданг (северо-западная Папуа – Новой Гвинеи). Проект PMIZ стал первой попыткой Китая создать ОЭЗ в Океании, а также первой ОЭЗ в истории Папуа–Новой Гвинеи. Изначально в проект входило строительство десяти перерабатывающих предприятий и портовых сооружений. Согласно заявлению Министерства торговли, коммерции и промышленности ПНГ, проект позволил бы стране получить экономические выгоды от экспорта переработанного тунца. Ожидается, что проект создаст 30 тыс. рабочих мест³⁷³, что, безусловно, является весомым аргументом для провинции с населением свыше 300 тыс. человек. Уже в 2013 г. власти ПНГ подписали контракт с китайской компанией China Shenyang International Economic Corporation Limited (CSYIEC) на проектирование, строительство и поставку оборудования и материалов для реализации масштабного проекта. Вместе с тем, проекты должны были проходить с использованием рабочей силы из КНР. Кроме того, на реализацию работ предусматривался льготный кредит от китайского Эксимбанка в размере 95 млн долл., но затем из-за разногласий с местными землевладельцами и их иска об их праве собственности на землю ОЭЗ, Эксимбанк удержал дальнейшие выплаты по кредиту. В 2017 г., тогдашний премьер-министр Папуа – Новой Гвинеи

³⁷² Dreher, A., Fuchs, A., Parks, B.C., Strange, A. M., & Tierney, M. J., Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset. AidData Working Paper #46, 2017 // China Aid Data. [Электронный ресурс]: URL: <https://china.aiddata.org/projects/39344> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁷³ Marine industrial zone crucial to local economic growth, September 2017 // The National. [Электронный ресурс] URL: <https://www.thenational.com.pg/marine-industrial-zone-crucial-local-economic-growth/> (дата обращения: 22.05.2020).

Питер О'Нил заявил, что Эксимбанк продолжит финансировать PMIZ и выделит льготный кредит в размере 156 млн долл. Увеличение объемов кредита объясняется расширением масштаба PMIZ и потребностью в обеспечении электроэнергией. Вместе с тем, предприятия PMIZ планировалось связать с логистической дорожной сетью, которая позволила бы транспортировать товары из Маданга в провинции Нагорий, что также стало бы весомым вкладом в реализации «Пояса и пути» в Океании. В то же время, с этим проектом связано немало инцидентов, включая строительство главных ворот на территории ОЭЗ за 1 млн долл.³⁷⁴, что указывает на недостаточную прозрачность не только расходования, но и контроля за выделенными средствами. Необходимо отметить, что создание ОЭЗ по-прежнему востребовано среди новогвинейских элит. В августе 2019 г. действующий премьер-министр PNG Джеймс Марапе заявил, что создание ОЭЗ будет стимулировать развитие промышленности в провинциях страны³⁷⁵. Более того, провинции Момасе и Восточный Сепик, располагающиеся на северо-востоке PNG, также могут стать ОЭЗ.

Важным проектом КНР в области логистики стал проект «POM City Roads», стоимость которого оценивается в 123 млн долл. Проект был направлен на модернизацию и строительство новых дорог в столице страны – г. Порт-Морсби и был реализован китайским Эксимбанком совместно с правительством Папуа – Новой Гвинеи. В качестве исполнителя двух участков проезжей части выступала китайская компания China Harbor Engineering Company PNG Ltd. Еще одним из наиболее масштабных проектов правительства PNG и Эксимбанка в рамках льготного кредитования КНР стал «Kumul Domestic Submarine Cable Project» (KSCN), нацеленный на улучшение коммуникационной инфраструктуры. KSCN – это интернет-платформа

³⁷⁴ Govt Splurges K4 Million 'Only' on Gate, December 2017 // Post Courier. [Электронный ресурс]: URL: <https://postcourier.com.pg/govt-splurges-k4-million-gate/> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁷⁵ PNG pushes on with plans to create special economic zones, August 2019 // Radio New Zealand URL: <https://www.rnz.co.nz/international/pacific-news/396303/png-pushes-on-with-plans-to-create-special-economic-zones> (дата обращения: 22.05.2020).

протяженностью 5,457 тыс. км, соединяющая 14 провинций и 2 национальных центра обработки данных в г. Порт-Морсби и г. Маданг³⁷⁶. KSCN также соединяется с Джакартой через Национальную магистральную подводную кабельную сеть Индонезии и затем с Азией, образуя новый международный интернет-шлюз³⁷⁷. Стоимость проекта оценивается в 5 млн долл.

В рамках льготного кредитования Китай реализует гуманитарные проекты в г. Копоко (провинция Восточная Новая Британия) и г. Вабаг (провинция Энга). Что касается проекта в Копоко, то его главной целью является реконструкция канализационных сетей для более благоприятной санитарно-эпидемиологической обстановки в регионе на фоне роста популярности г. Копоко как туристического направления. Проект реализуется китайской компанией China Jiangsu International Economic Technical Cooperation Corporation Limited и оценивается в 35,11 млн долл. В то же время, в г. Вабанг (провинция Энга) ведется строительство передовой больницы, которая может вместить в себя до 300 пациентов. В 2019 г. Китай также начал реализацию проекта электрификации Hagen Mendi Tari Grid Development Project, который соединит линиями электропередач провинции Хэла, Южное нагорье и Западное нагорье в центральной части Папуа – Новой Гвинеи³⁷⁸.

Официальная помощь в целях развития Республике Вануату

Меланезийское государство Вануату, располагающееся к востоку от Австралии, также дало немало поводов для оживленных дебатов в австралийских академических и политических кругах. Население островного государства составляет около 281 тыс. чел. (2017 г.), 70% из которого проживает в сельской местности. Примечательно, что с 2003 г. вплоть до пандемии COVID-19 Вануату демонстрировала одни из наиболее высоких

³⁷⁶ Обзор прессы Папуа-Новой Гвинеи, Май 2020 // Фонд им. Миклухо-Маклая. [Электронный ресурс]: URL: <https://mikluho-maclay.ru/ekonomika-13/> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁷⁷ Там же.

³⁷⁸ Electricity deal signed for sub-stations in Mendi, Tari, February 2019 // The National. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.thenational.com.pg/electricity-deal-signed-for-sub-stations-in-mendi-tari/> (дата обращения: 22.05.2020).

темпов экономического роста среди океанийских государств, которые, по состоянию на 2019 г., составили 3,265%³⁷⁹. Более того, одной из наиболее характерных черт Вануату является сильная подверженность стихийным бедствиям, что также сказывается на инфраструктуре и гуманитарной ситуации в стране. Вместе с тем, в ноябре 2018 г. правительство Вануату заявило о присоединении к китайской инициативе «Пояс и путь».

Согласно данным австралийского Института Лоуи, Австралия является крупнейшим донором ОПР для Вануату, обеспечив в 2010–2020 гг. 42,1% (560,09 млн долл.) от общего объема иностранной помощи (1,33 млрд долл.). Вместе с тем, Австралия является крупнейшим источником туристов и крупнейшим инвестором в экономику Вануату. Равно как и в случае с Папуа – Новой Гвинеей, австралийская ОПР в Вануату официально нацелена на поддержание экономической и социальной стабильности в стране для обеспечения её дальнейшего экономического роста.

Австралийская сторона тесно сотрудничает с властями Вануату в области государственного управления и реализует программу «Governance for Growth» (до 20 млн долл., 2017—2021 гг.), нацеленную на сотрудничество с администрацией премьер-министра Вануату, Министерством финансов и экономического управления и Министерством по вопросам изменения климата Вануату для повышения навыков местных чиновников в области управления государственными финансами, а также среднесрочного и долгосрочного экономического планирования³⁸⁰. Учитывая довольно ощутимый уровень задолженности Вануату перед Китаем, стоит отметить, что данная программа могла быть разработана специально для предотвращения ситуаций, из-за которых Вануату может по-настоящему попасть в «долговую ловушку», в том

³⁷⁹ GDP growth (annual %) - Vanuatu // The World Bank. [Электронный ресурс]: URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=VU> дата обращения: 22.05.2020).

³⁸⁰ Governance for growth in Vanuatu: review of a decade of thinking and working politically, July 2017 // Overseas Development Institute (ODI). [Электронный ресурс]: URL: <https://www.odi.org/publications/10864-governance-growth-vanuatu-review-decade-thinking-and-working-politically> (дата обращения: 22.05.2020).

числе и перед КНР. Также немаловажен тот факт, что «устойчивое управление государственным долгом» было включено в «Vanuatu Vision 2030» в качестве одной из приоритетных задач Вануату³⁸¹. Вместе с тем, для нивелирования последствий предоставленных кредитов, в 2015–2018 гг. Австралия взяла на себя обязательство выделить 35 млн долл. на долгосрочный пакет мер по поддержке экономики Вануату³⁸².

Одним из важнейших факторов развития экономики Вануату выступает подготовка квалифицированных кадров, ввиду чего австралийская сторона реализует программу «Skills for Economic Growth», очередная фаза которой действует в настоящий момент с 2016–2020 гг. и оценивается в 16,4 млн долл. Программа реализуется совместно с Министерством образования и профессиональной подготовки Вануату, а также руководством провинций и нацелена на более широкий доступ населения к образованию. Важной частью программы выступает создание центров технико-профессиональной подготовки в большинстве провинций Вануату (Санма, Малампа, Торба и Тафеа), что подчеркивает широкий охват сельского населения. Более того, австралийская сторона принимала участие в разработке школьных программ и выделила гранты в размере около 14 млн долл. для студентов из Вануату на образовательную программу «Australia Awards».

В то же время, климатическая повестка остается одной из ключевых для властей Вануату, учитывая ее уязвимость перед стихийными бедствиями и глобальным изменением климата. Австралийский Союз продолжает выделять крупные средства для предотвращения последствий стихийных бедствий. Так, например, в марте 2015 г. на Вануату обрушился циклон «Пэм», от которого пострадали почти 2 млн. человек, а также был нанесен серьезный ущерб

³⁸¹ Vanuatu National Sustainable Development Plan 2016 to 2030 // Government of Vanuatu. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.gov.vu/attachments/article/26/Vanuatu2030-EN-FINAL-sf.pdf> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁸² Australian support to Vanuatu following Tropical Cyclone Pam – Fact Sheet, February 2018 // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2018/04/26/Vanuatu-2018-Article-IV-Consultation-Press-Release-and-Staff-Report-45821> (дата обращения: 22.05.2020).

инфраструктуре, включая школы и больницы. На предотвращение последствий стихийного бедствия и восстановление инфраструктуры Австралия выделила около 50 млн долл., проведя предварительные консультации с правительством Вануату. Помощь способствовала постройке 71 медицинского учреждения, 95 классов, 51 общественного здания, 80 систем водоснабжения, 27 туристических бунгало и 6 животноводческих центров³⁸³. В 2017 г. Австралия выделила грант в размере 5,5 млн долл. на эвакуацию и переселение более десятка тысяч человек от извержения вулкана на острове Амбаэ³⁸⁴. Кроме того, в период 2010–2018 гг. Австралия оказала ОПР Министерству здравоохранения Вануату на сумму 41,5 млн долл. в рамках которой, по данным австралийской стороны, качество медицинских услуг в стране выросло на 70%³⁸⁵.

В свою очередь, основной задачей австралийской ОПР в сфере инфраструктуры является её улучшение в столице страны, — г. Порт-Вила, — а также состояния сельских дорог на боольшей части территории Вануату. Для этого была разработана программа «Roads for Development» (24,8 млн долл., 2013—2018 гг.), которая нацелена на извлечение экономических выгод от развитой транспортной сети³⁸⁶. Говоря об инфраструктуре в г. Порт-Вила, то помимо дорожной сети, Австралия работала над улучшением общей санитарной обстановки. Необходимо отметить, что данная инициатива реализуется совместно с Азиатским банком развития (АБР), который со своей

³⁸³ Development assistance in Vanuatu, Overview of Australia's aid program to Vanuatu // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/vanuatu/development-assistance/Pages/development-assistance-in-vanuatu> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁸⁴ Development assistance in Vanuatu, Supporting cyclone recovery and reconstruction in Vanuatu // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/vanuatu/development-assistance/Pages/supporting-cyclone-recovery-reconstruction-vanuatu> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁸⁵ Development assistance in Vanuatu, Improving early education and essential health services in Vanuatu // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/vanuatu/development-assistance/Pages/improving-early-education-essential-health-services-vanuatu> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁸⁶ Vanuatu Roads for Development Program - Independent Evaluation Final Report and Management Response // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/Pages/independent-evaluation-of-vanuatu-roads-for-development-r4d-program> (дата обращения: 22.05.2020).

стороны предоставил правительству Вануату кредит в размере 8 млн долл., в то время как австралийская сторона предоставила грант на 31 млн долл.

За последние два десятилетия отношения КНР и Вануату значительно окрепли. На протяжении 2015–2019 гг. Китай был главным источником импорта в Вануату с перспективой дальнейшего увеличения его объемов. Кроме того, в конце 2018 г. Вануату присоединилась к инициативе «Пояса и пути», а в рамках визита в КНР в 2019 г. премьер-министр страны Шарлот Салвай заявил, что Вануату будет добиваться бóльшей финансовой поддержки от Китая для развития инфраструктуры в рамках этой инициативы³⁸⁷.

В период 2010 —2020 гг. КНР предоставила Вануату помощь на сумму свыше 200 млн долл. и является вторым по значимости донором ОПР для меланезийского островного государства, опережая Новую Зеландию и Японию. Среди первых проектов Китая и Вануату в рамках ОПР в виде беспроцентных кредитов стало строительство здания парламента страны в 1992 г., а также кампуса Университета Южной части Тихого океана в г. Порт-Вила в 1980 г. Учитывая характер беспроцентных кредитов КНР, оба из них в последствии были преобразованы в гранты, в качестве жеста доброй воли со стороны Пекина.

Вместе с тем, рассматривая проекты КНР в рамках грантовой помощи, необходимо отметить строительство здания Секретариата Melanesia Spearhead Group, которое было открыто в 2007 г.³⁸⁸, а также National Conventional Centre, стоимость которого оценивается в 28,5 млн долл. В августе 2017 г. между двумя странами было подписано соглашение о предоставлении Вануату гранта в размере 27 млн долл. на строительство и реконструкцию зданий

³⁸⁷ *Greenfield, C.*, Vanuatu to seek more Belt and Road assistance from Beijing: PM, May 2019 // Reuters. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.reuters.com/article/us-pacific-china-vanuatu/vanuatu-to-seek-more-belt-and-road-assistance-from-beijing-pm-idUSKCN1SS0R7> (дата обращения: 22.05.2020).

³⁸⁸ China funds the construction of MSG Secretariat Building in Vanuatu, *Dreher, A., Fuchs, A., Parks, B.C., Strange, A. M., & Tierney, M. J.*, Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset. AidData Working Paper #46, 2017. // China Aid Data. [Электронный ресурс]: URL: <https://china.aiddata.org/projects/39210> (дата обращения: 21.05.2020).

Министерства финансов и Министерства иностранных дел Вануату, а также строительство новой резиденции президента. Важно отметить, что перечисленные выше проекты были реализованы в рамках помощи по восстановлению страны после циклона «Пэм», поэтому в данном случае наиболее наглядно прослеживается одна из ключевых особенностей ОПР Китая в океанийском регионе – её бóльшая ориентация на государственные элиты.

Одним из наиболее масштабных кредитных проектов КНР в Вануату стала реконструкция причала Espiritu Santo в порту Луганвилль, которую китайская компания Shanghai Construction Group завершила в 2017 г. С точки зрения экономического обоснования, самый длинный причал в Океании, которым в наши дни обладает Вануату, мог привлечь бóльшее число иностранных круизных судов, развивая главную отрасль экономики страны – туризм, – а также интенсифицировать торговые связи с другими странами-участницами «Пояса и пути». С другой стороны, среди австралийских и американских чиновников возникли опасения, что Китай будет использовать порт не только в гражданских, но и военных целях. Причиной данным предположениям стала высокочрезмерность и вероятная некупаемость данного порта, что могло свидетельствовать не об экономических, а стратегических интересах КНР в океанийском регионе.

Вместе с тем, в рамках инициативы «Пояса и пути» китайской компанией «China Civil Engineering Construction Corporation» (CCECC) реализуется программа строительства дорог на островах Танна и Малекула. Как и в случае с австралийским аналогом, проект нацелен на возведение дорожной сети в труднодоступных частях острова, которая связана с бухтой Порт-Резолюшн на о-ве Танна.

Считается, что приверженность Вануату льготным кредитам Эксимбанка Китая была обусловлена низким уровнем задолженности страны, который составлял около 23% от общего объема задолженности страны, но за последние годы совокупный внешний долг островного государства вырос до 220 млн долл.

Официальная помощь в целях развития Королевству Тонга и Независимому Государству Самоа

В дальнейшем автором будут рассмотрены два полинезийских государства, которых объединяет не только удаленное географическое положение, узкая производственная и экспортная база и уязвимость перед стихийными бедствиями, но и самая высокая задолженность среди океанийских государств перед Китаем: это Тонга и Самоа. Для обоих государств КНР выступает вторым по величине донором, уступая лишь Австралийскому Союзу. В период 2010 —2020 гг. Китай оказал помощь обоим государствам на сумму свыше 400 млн долл. — 167,08 млн долл. для Тонги и 316,12 млн долл. — для Самоа.

Учитывая реализацию Китаем множества грантовых проектов на территории Тонги в начале 2000-х гг., включая строительство здания King George Tupou V. Office Palace, где расположились офис премьер-министра, Министерство иностранных дел, Министерство финансов и национального планирования и другие учреждения Республики Тонга (11 млн долл.), реконструкцию 120-метрового моста Ваипуа в тонганской группе о-вов Вавау, который соединил западную часть о-вом Вавау с главным городом островной группы — г. Нейафу, — а также ряда грантовых проектов в области спорта, образования и сельского хозяйства, особое внимание привлекают именно льготные кредиты Эксимбанка Китая, которые были выделены Тонге в 2008 и 2010 гг.

Так, средства от первого кредита (63,31 млн долл.) были направлены на предотвращение последствий «антикитайских» беспорядков 2006 г., в результате которых была разрушена бóльшая часть центрального делового района столицы Тонга – г. Нукуалофа. Важно отметить, что данный кредит был одобрен парламентом страны и даже включал в себя механизм кредитования частных предприятий, пострадавших от беспорядков. Спустя два года, в 2010 г., китайскими компаниями China Civil Engineering Construction Corporation и Yanjian Group Co. Ltd началась реализация проекта National Road Improvement

по развитию дорожной сети Королевства Тонга. Проект охватил строительство 64 дорог общей протяженностью 130 км на островах Тонгатапу и Эуа, а также группах островов Вавау и Хаапаи³⁸⁹. Стоимость проекта оценивалась в 42,98 млн долл. Оба кредита были выданы на 20 лет с пятилетним льготным периодом и ставкой 2%.

В то же время, реализация предоставленных кредитов на перечисленные проекты не раз вызвала общественный резонанс. Например, 38% кредита в рамках восстановления центра г. Нукуалофа было направлено на строительство причала Вуна и расширение Королевского дворца. Согласно условиям льготных кредитов, выплата по ним должна была начаться в 2013 и 2015 гг. соответственно, но впоследствии выплаты стали крайне отягчающим обстоятельством для экономики полинезийского островного государства и составили 17% государственных доходов Тонги³⁹⁰. В данном случае необходимо отметить, что 26% ВВП полинезийского государства составляют переводы от граждан, работающих за рубежом³⁹¹, поэтому любое экономическое потрясение для Тонги может оказаться фатальным. Как результат, тонганский премьер-министр призвал власти КНР преобразовать льготный кредит Эксимбанка в грант, но, учитывая условия предоставляемых видов ОПР (см. выше), это не представилось возможным. В конечном итоге КНР согласилась отложить погашение кредитов на 5 лет, но при условии присоединения Тонга к инициативе «Пояса и пути». Таким образом, в случае Тонги, есть некоторые основания говорить о вероятном попадании островного государства в «долговую ловушку» Китая. Вероятно, в дальнейшем КНР может извлечь некоторые выгоды из высокой степени зависимости Тонги от льготных

³⁸⁹ Chinese Government hand over Phase 3 of National Road Improvement Project, March 2011 // Government of Tonga, Ministry of Information and Communication [Электронный ресурс]: URL: <http://www.mic.gov.to/ministrydepartment/14-govt-ministries/internal-affairs/2238-chinese-government-hand-over-phase-3-of-national-road-improvement-project> (дата обращения: 21.05.2020).

³⁹⁰ *Dornan, M., Brant, P., Chinese Assistance in the Pacific // Asia and the Pacific Policy Studies . 2014. №1. P. 349-363.*

³⁹¹ Overview of Australia's aid program to Tonga // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/tonga/development-assistance/Pages/development-assistance-in-tonga> (дата обращения: 21.05.2020).

кредитов, в том числе и в виде получения доступа к рыбным ресурсам страны, которые являются одним из наиболее перспективных отраслей тонганской экономики, а также использования нового причала Вуна в качестве потенциальной военной базы в Океании.

В свою очередь, объемы австралийской помощи Тонге в период 2010–2020 гг. составили 239,85 млн долл. Одной из ключевых направлений ОПР Австралии в этом полинезийском государстве выступает программа институциональных реформ (до 12 млн долл., 2016—2018 гг.), сосредоточенных на эффективном управлении расходами и долговым положением страны. По данным DFAT, за годы реализации программы бюджетное и долговое положение Тонги продемонстрировало тенденции к улучшению, а также были проведены реформы, нацеленные на привлечение иностранных инвестиций и развитие частного сектора, который нашел выражение в финансировании австралийской стороной проекта развития ванильной промышленности Тонги.

Учитывая высокую степень зависимость Тонги от импорта топлива и высокую стоимость электроэнергии, Австралия совместно с АБР реализует проект по внедрению возобновляемых источников энергии (2013—2020 гг.), который ориентирован на две внешние островные группы — Вавау и Хаапаи, — а также остров Эуа. Стоимость проекта оценивается в 16,1 млн долл., треть из которой предоставила Австралия³⁹².

При рассмотрении предоставления австралийской помощи Тонге, необходимо учесть опыт совместного сотрудничества Австралии и АБР в рамках проекта Ku'alofa Urban Development Sector Project (9,39 млн долл.), нацеленного на достижение 99,9% доступа к водоснабжению и утилизации 80% твердых бытовых отходов особенно в жилых районах с низким уровнем дохода.

Рассматривая область здравоохранения, следует упомянуть о внимании австралийской стороны к эндемичным сердечно-сосудистым заболеваниям и

³⁹² Outer Island Renewable Energy Project, June 2013 // Asian Development Bank. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.adb.org/projects/documents/outer-island-renewable-energy-project-rrp> (дата обращения: 19.05.2020).

диабету, распространенным в Тонге, где в рамках ОПР, предоставленной Австралией, идет реализация пятилетней стратегии борьбы с неинфекционными заболеваниями, которая совпала с подписанием пятилетнего грантового соглашения с Фондом содействия укреплению здоровья населения Тонги в 2016 г. Профилактика эндемичных заболеваний в Тонге также проводится путем введения налогов на табак и нездоровые продукты питания, что к тому же позволяет обеспечить доход в казну государства³⁹³.

Вместе с тем, условия льготного кредитования Королевства Тонга Эксимбанком были идентичны условиям предоставления кредита Самоа, которое в 1976 г. стало одной из первых стран Океании, установивших дипломатические отношения с КНР. Наиболее яркими примерами реализации инфраструктурных проектов в рамках китайских льготных кредитов выступают строительство правительственного комплекса «TUI Atua Tupua Tamasese Efi», названного в честь премьер-министра Самоа, который подписал совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений с Китаем в ноябре 1975 г., прилегающего к нему конференц-центра Самоа за 52 млн долл., а также международного аэропорта Faleolo (60,34 млн долл.), который призван стать одним из центров авиаперевозок южной части Тихого океана. К тому же, Китай и Самоа реализуют многофазовые совместные проекты в области здравоохранения, включая строительство здания Министерства здравоохранения Самоа, реконструкции Медицинского университета Океании и нового медицинского центра, общей стоимостью в 30 млн долл.

По состоянию на декабрь 2019 г. долг Самоа перед КНР составил 391,4 млн долл.³⁹⁴, но, несмотря на высокий уровень задолженности, Самоа удалось частично нивелировать последствия кредитования путем более тщательного

³⁹³ Independent Evaluation of DFAT's Economic and Public-Sector Reform Program (EPSG III) to the Kingdom of Tonga 2015/16 – 2017/18 Final Report Submitted to DFAT, April 2018 // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/tonga-economic-public-sector-reform-program-independent-evaluation.pdf> (дата обращения: 19.05.2020).

³⁹⁴ Quarterly Public Debt Bulletin, December 2019 // Government of Samoa, Ministry of Finance. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.mof.gov.ws/wp-content/uploads/2020/02/QDB-December-2019.pdf> (дата обращения: 10.05.2020).

контроля за процессом принятия политических решений. Так, например, для согласования проектов ОПР в Самоа был создан специальный Комитет координации официальной помощи в целях развития (Aid Coordination Committee, ACC), возглавляемый премьер-министром страны. Кроме того, консультационную поддержку Комитету оказывает Министерство финансов и Центральный банк Самоа, что включает в себя анализ предполагаемых фискальных последствий, расходов и технико-экономических обоснований, сопровождающих проекты иностранной помощи. Надзор за реализацией проектов, в свою очередь, осуществляется Министерством труда, транспорта и инфраструктуры.

Важно отметить, что со стороны Австралии, которая выделила Самоа 311,49 млн долл. помощи в 2010-2020 гг., также реализуется программа экономической реформы Самоа (Samoa Economic Reform, 8 млн долл., 2013–2018 гг.) по улучшению нормативно-правовой базы, поддержанию макроэкономической стабильности, управлению долгом, а также прозрачности процесса принятия решений, что, стоит предположить, также защитит Самоа от реализации спорных проектов. Кроме того, по данным DFAT, правительство Самоа «продемонстрировало способность эффективно управлять австралийскими фондами помощи и отчитываться за них», что является необходимым условием реализации австралийской ОПР. Вместе с тем, Австралия оказывает помощь в развитии экономической инфраструктуры Самоа, включая строительство моста Леоне между портом, центральным районом и промышленной зоной г. Апия, а также совместный с АБР и Японией проект улучшения доступа к электроэнергетике Samoan Power Sector и (до 15,1 млн долл., 2007–2018 гг.)³⁹⁵. Необходимо отметить, что Австралия и Самоа

³⁹⁵ Development assistance in Samoa, Enabling economic growth in Samoa // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс] URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/samoa/development-assistance/Pages/enabling-economic-growth> (дата обращения: 10.05.2020).

совместно реализуют программу «Samoa Economic Infrastructure Program Delivery Strategy 2013–2021»³⁹⁶.

Особенности официальной помощи в целях развития, предоставляемой Австралийским Союзом и Китаем

Вышеизложенный обзор ОПР островным государствам Океании помог выявить различия в предоставлении внешней помощи со стороны КНР и Австралии. Так, австралийская помощь в основном сосредоточена на институциональных реформах, здравоохранении, образовании и инфраструктуре. Данный подход обусловлен стремлением Австралии увеличить уровень жизни в странах Океании, что позволит улучшить качество предоставляемых медицинских и образовательных услуг, а также укрепить институты власти во избежание дестабилизации обстановки внутри островных государств Тихого океана, которая может привести к развитию транснациональной преступности, терроризма, ухудшению санитарно-эпидемиологической обстановки, а также деградации политических институтов. Стоит отметить, что подобная реакция Австралии была впервые подвергнута теоретическому анализу в статье сотрудника Австралийского института стратегической политики Эльсины Уэйнрайт и получила название «чашка Петри»³⁹⁷. Суть данной концепции заключается в опасении Австралии в дестабилизации обстановки в государствах Океании, что ставит под угрозу региональную безопасность в ЮТР.

Как продемонстрировано на Графике №15, количество проектов в Океании, реализованных в рамках австралийской грантовой помощи, в разы превосходит количество всех проектов КНР в рассматриваемом регионе. Несомненно, данный факт обусловлен давним характером австралийской ОПР,

³⁹⁶ Samoa Economic Infrastructure Program Delivery Strategy 2013 – 2021, October 2013 // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электронный ресурс]; URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/samoa-economic-infrastructure-program-delivery-strategy-2013-21.pdf> (дата обращения: 03.05.2020).

³⁹⁷ *Fraenkel, J.*, The Manipulation of Custom: From Uprising to Intervention in the Solomon Islands. Victoria University Press, 2004. p. 162.

но он, вероятно, также свидетельствует о более широком охвате австралийской помощи, которая реализуется не только в городских, но и в сельских районах, где традиционно проживает около 80% населения стран Океании.

График №10

Источник: составлено автором на основе данных

Lowy Institute Pacific Aid Map³⁹⁸

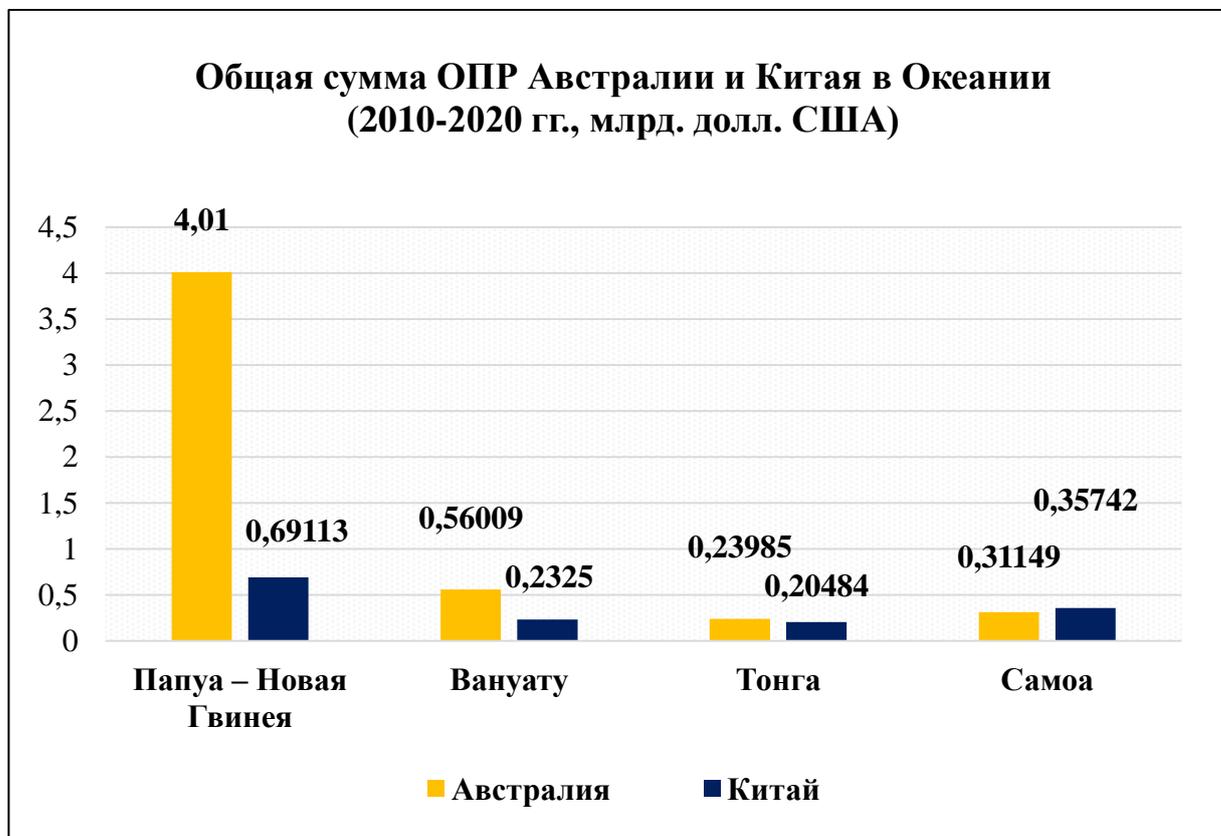
Вместе с тем австралийская помощь учитывает и основное занятие сельских жителей стран Океании – сельское хозяйство, ввиду чего Австралийский Союз реализует программу Тихоокеанский региональный доступ к сельскохозяйственным рынкам (Pacific Regional Agricultural Market Access, PRAMA), нацеленную на обеспечение продовольственной безопасности через развитие сельских районов и экспорта островными государствами своей сельскохозяйственной продукции по всему региону. Все эти шаги приводят к положительному восприятию австралийской помощи среди населения.

Что касается сферы образования, то одним из главных преимуществ австралийских программ является факт обучения многих океанийских политических лидеров в Австралии. Годы обучения в австралийских

³⁹⁸ Pacific Aid Map // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://pacificaidmap.lowyinstitute.org/> (дата обращения: 25.05.2021).

университетах, а также в учебных заведениях, построенных в рамках австралийской ОПР, могли отразиться на мировоззрении чиновников и восприятии австралийской помощи.

График №11

Источник: составлено автором на основе данных

Lowy Institute Pacific Aid Map³⁹⁹

Главным преимуществом ОПР Австралии является её безвозмездный грантовый характер, что демонстрирует не только стремление к экономическим выгодам, но и создает атмосферу доверия, которое Австралия проявляет к странам Океании.

В то же время, китайская помощь в океанийском регионе с годами приобретает всё более инклюзивный характер, однако по-прежнему сосредоточена на реализации инфраструктурных проектов в рамках льготного кредитования. Несмотря на рост числа проектов в области образования и

³⁹⁹ Pacific Aid Map // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://pacificaidmap.lowyinstitute.org/> (дата обращения: 25.05.2021).

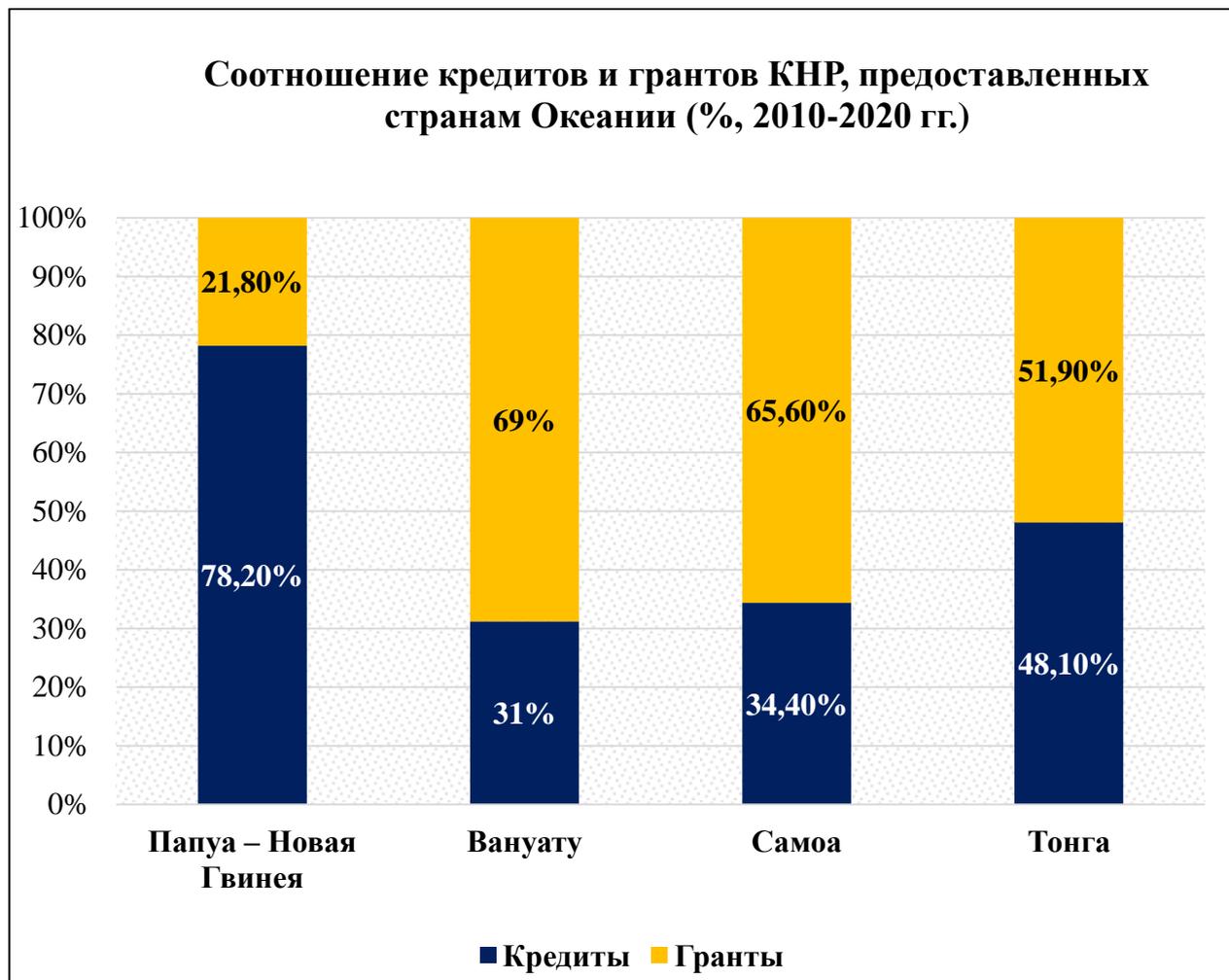
здравоохранения, многие сооружения предназначены для местных элит, что значительно сужает охват ОПР. Кроме того, реализация инфраструктурных проектов КНР подразумевает использование кадров и материалов из Китая, что, вероятно, не приносит выгод местному населению в плане трудоустройства. В то же время, существует вероятность, что некоторые рабочие из КНР смогут быстро ассимилироваться в странах Океании и стать частью китайской диаспоры, растет стремительными темпами⁴⁰⁰. Благодаря проектам, реализованным в рамках внешней помощи КНР, островные государства Океании также смогут получить в свое распоряжение новые или реконструированные портовые сооружения, дорожно-транспортную инфраструктуру, равно как и социально ориентированные объекты (школы, больницы, университеты и др.).

Одним из главных отягчающих факторов китайско-океанийского взаимодействия в рамках ОПР выступают льготные кредиты. Ввиду роста задолженности в рассматриваемых государствах, среди политических элит и населения Океании прослеживается всё более настороженное отношение к инициативам КНР, которое, отчасти, сглаживается восприятием развития связей между Китаем и регионом как причастность к стремительно растущим рынкам Азии.

Не самой эффективной чертой ОПР, предоставляемой Китаем, является её доступность для океанийских стран и не столь ярко выраженный характер контроля за расходом предоставленных средств. Отсутствие подробной отчетности делает китайскую помощь менее прозрачной, из-за чего средства, вероятно, не смогут достигнуть регионов, где они действительно требуются. В то же время, отсутствие тотального контроля за предоставленными средствами может сыграть на руку местным политикам, которые решат их использовать для развития избирательного округа, который они представляют в органах власти.

⁴⁰⁰ Китайский синдикат во главе с Baosen International Holding собирается потратить 414 млн долл. на строительство китайского квартала в г. Порт-Морсби.

Так или иначе, рост объемов китайской ОПР принес свои плоды. По состоянию на 2020 г. насчитывается 11 океанийских государств, которые присоединились к инициативе «Пояса и пути»: Папуа – Новая Гвинея, Вануату, Фиджи, Новая Зеландия, Острова Кука, Федеративные Штаты Микронезии, Ниуэ, Самоа, Тонга, Соломоновы Острова и Кирибати. Необходимо отметить, что несмотря на дебаты о «долговых ловушках», КНР смогла вовлечь в свою орбиту Самоа, при этом путем реализации многообещающих проектов в области здравоохранения и образования, а не путем оказания экономического давления. В случае Вануату, стоит предположить, что в дальнейшем меланезийское государство будет тесно сотрудничать с австралийской стороной ввиду концепции «океанийской семьи», продвигаемой нынешним премьер-министром Австралии С. Моррисоном. В то же время, перед Королевством Тонга стоит проблема высокой задолженности перед КНР, что может окончательно вовлечь ее в орбиту Пекина. Предоставление помощи в целях развития выступает мощным инструментом расширения влияния Китая в океанийском регионе, но для большего доверия и возможности парировать обвинения в умышленном вовлечении стран в долговые ловушки, Китай может осуществить частичный переход к грантовому формату предоставления помощи. Более того, уязвимость океанийских стран перед стихийными бедствиями снижает их способность выплачивать крупные кредиты. Например, после того как тропический циклон «Гита» обрушился на Тонгу, её ВВП замедлился на 1,5%, затронув 80% населения страны. Вместе с тем, при рассмотрении Графика №12 ниже, можно предположить, что КНР готова оказывать грантовую поддержку тем странам, где есть возможность закрепиться с стратегической точки зрения (кейсы Вануату и Тонги) или поддерживать долгосрочные дружественные отношений (кейс Самоа). Высокий процент кредитов в китайской ОПР Папуа – Новой Гвинее может свидетельствовать о попытках КНР экономически закрепиться в ближайшем к Пятому континенту океанийском государстве.

Источник: составлено автором на основе данных

Lowy Institute Pacific Aid Map⁴⁰¹

Официальная помощь в целях развития островным государствам Океании в период пандемии COVID-19

Разгоревшаяся пандемия коронавируса заставила многие страны задуматься не только о сдерживании уровня заражения, но и о будущем постпандемийном мире. 29 мая 2020 г. австралийскими властями была представлена новая стратегия «Partnerships for Recovery: Australia’s COVID-19 Development Response», которая сфокусирована на программе помощи соседям по Южно-Тихоокеанскому региону (ЮТР), Тимору-Лешти и странам Юго-

⁴⁰¹ Pacific Aid Map // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://pacificaidmap.lowyinstitute.org/> (дата обращения: 25.05.2021).

Восточной Азии в области здравоохранения и экономики⁴⁰². Вместе с министром иностранных дел Австралии Марис Пейн новую стратегию представлял министр международного развития и Тихоокеанский помощник министра обороны страны Алекс Хоук, что подчеркивает приоритетность океанийского направления новой австралийской стратегии.

Как и любой другой кризис, пандемия указала на проблему, которой долгие годы не уделялось достаточного внимания. Еще в Белой книге по оборонной политике Австралии от 2016 г. на проблему изменения климата пришлось 8 упоминаний, в то время как на пандемию – ни одного⁴⁰³. С Белой книгой по внешней политике Австралии от 2017 г. немного иная ситуация – 35 упоминаний об изменении климата и два – о пандемии⁴⁰⁴. Бесспорно, подобное развитие событий невозможно предугадать, но нынешнее усиление внимания к столь неожиданным угрозам при разработке внешнеполитической стратегии уже говорит о многом. Данный факт подтверждается и фрагментом из министерского предисловия нового документа: «То, как наши соседи выйдут из этого кризиса, будет определять экономические и стратегические обстоятельства Австралии на десятилетия вперед»⁴⁰⁵. Планируется, что в рамках программы австралийской помощи будет выделено 304,7 млн долл. странам Океании и Тимору-Лешти⁴⁰⁶. Министр иностранных дел Австралии подчеркнула, что финансирование «поможет снизить экономические и

⁴⁰² Partnerships for Recovery: Australia's COVID-19 Development Response // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade URL: <https://www.dfat.gov.au/publications/aid/partnerships-recovery-australias-covid-19-development-response>

⁴⁰³ 2016 Defence White Paper, Commonwealth of Australia, // Australian Government, Department of Defence. URL: <https://www.defence.gov.au/WhitePaper/Docs/2016-Defence-White-Paper.pdf>

⁴⁰⁴ 2017 Foreign Policy White Paper // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. URL: <https://www.dfat.gov.au/publications/minisite/2017-foreign-policy-white-paper/fpwhitepaper/pdf/2017-foreign-policy-white-paper.pdf>

⁴⁰⁵ Partnerships for Recovery: Australia's COVID-19 Development Response...

⁴⁰⁶ Australia's development partnership with Timor-Leste // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade URL: <https://www.dfat.gov.au/geo/timor-leste/development-assistance/development-partnership-with-timor-leste>

социальные издержки пандемии», что довольно справедливо⁴⁰⁷, ведь экономика целого ряда океанийских государств находится не в лучшем состоянии.

С началом пандемии COVID-19 появились опасения, что южная часть Тихого океана может стать одним из наиболее уязвимых регионов для распространения коронавируса. Многие из островных государств Океании обладают «хрупкими» системами здравоохранения, что выражается в нехватке оборудования, инфраструктуры и медперсонала. Экономически регион сильно зависит от внешней помощи, экспорта сырья, туризма и денежных переводов, поэтому и пагубные последствия международных ограничений на авиаперелеты для океанийских государств незамедлительно дали о себе знать.

Благодаря уникальной черте Океании – её географической удаленности от материков и большим расстояниям между островами доступ в ряд южнотихоокеанских городов и деревень даже сегодня возможен только по морю или воздуху. Всё это помогло островным государствам избежать всплеска заболеваемости коронавирусом на довольно длительный срок. Реакция стран Океании на пандемию также дала свои плоды. Весной 2020 г. большинство из них закрыли свои границы, ввели чрезвычайное положение или жесткие ограничения. Благодаря превентивным мерам странам Океании удалось сдержать COVID-19, но к концу марта 2021 г. случаи заражения были зарегистрированы уже в 14-ти островных государствах.

Необходимо отметить, что изоляция островных государств также имеет негативные последствия и может создать угрозу потенциальной нехватки помощи в регионе в случае распространения COVID-19, так как медицинские службы вряд ли смогут быстро охватить все обитаемые острова Океании, куда болезнь способна пробраться привычным способом: а именно, благодаря активным торговым и сельскохозяйственным контактам, исторически практикуемым между жителями Южно-Тихоокеанского региона. Не менее активно товарообмен среди местного населения происходит непосредственно

⁴⁰⁷ Australia's aid program increased to help Pacific neighbours fight COVID-19 // ABC News URL: <https://www.abc.net.au/news/2020-10-07/foreign-aid-budget-unofficial-increase-pacific-asia-covid-19/12737096>

на территории островов, тем самым распространяя заболевания в самые труднодоступные уголки.

Среди стран с наибольшим числом случаев заболевания COVID-19 стоит выделить Папуа – Новую Гвинею (ПНГ) – самое густонаселенное и экономически развитое островное государство Океании. Еще в 2020 г. прирост заболевших в ПНГ оставался нулевым на протяжении нескольких дней или недель. Этому способствовало то, что в марте 2020 г. в ПНГ были введены режим самоизоляции, комендантский час, масочный режим, ограничения авиаперевозки, а дорожное сообщение между провинциями было закрыто. Спустя месяц власти страны заявили о необходимости адаптации к жизни в пандемию COVID-19, и ряд ограничений были ослаблены⁴⁰⁸.

На сегодняшний день только в феврале-марте 2021 г. число зарегистрированных случаев заболевания COVID-19 в ПНГ увеличилось почти в 7 раз – с 894 до 5991. По словам премьер-министра ПНГ Джеймса Марапе, COVID-19 может настигнуть каждого третьего или четвертого жителя страны⁴⁰⁹. В 9-миллионной Папуа – Новой Гвинее было проведено свыше 55 тыс. тестов (0,61% населения). Недельный прирост заболевших дошел до 2 тыс. чел. Случаи заболевания коронавирусом зарегистрированы во всех провинциях ПНГ.

По общемировым меркам показатель в 5–6 тыс. заболевших может показаться не таким большим, но даже для ведущего островного государства Океании это настоящий вызов. По сообщениям СМИ на март 2021 г., больницы ПНГ довольно быстро заполняются пациентам; среди медицинских работников участились случаи заболевания COVID-19; около 40% беременных женщин, поступивших в родильное отделение столичной больницы в г. Порт-Морсби,

⁴⁰⁸ PNG looks to ease restrictions amid 'new normal' // Radio New Zealand. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rnz.co.nz/international/pacific-news/414833/png-looks-to-ease-restrictions-amid-new-normal> (дата обращения 01.08.2021)

⁴⁰⁹ Federal government 'deeply worried' about coronavirus situation in Papua New Guinea, plans additional support // ABC News. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-03-16/australian-government-deeply-worried-png-covid-situation/13250990> (дата обращения 01.08.2021)

сдали положительные тесты на коронавирус.⁴¹⁰ Также не хватает средств индивидуальной защиты (СИЗ), медперсонала и мощностей больниц. Всего в стране насчитывается около 500 врачей, 4 тыс. медсестер, 3 тыс. общинных медико-санитарных работников и 5 тыс. больничных мест⁴¹¹.

Долгое время заболеваемость на Бугенвиле оставалась на нулевой отметке. Рост заболеваемости также наблюдался в папуа-новогвинейской Западной провинции, которая обладает протяженной сухопутной границей с индонезийской автономной провинцией Папуа (западная часть о-ва Новая Гвинея).

Среднесрочное влияние коронавируса на здравоохранение стран Океании, в том числе и ПНГ, по-прежнему выступает актуальным вызовом: ведь расходы островных государств на здравоохранение находятся на уровне 2-3% от ВВП (этот показатель один из самых низких в мире, в то время как у экономически сильных стран мира он составляет 5-10%). Более того, в Океании проживает большое количество населения преклонного возраста, особенно уязвимо к COVID-19.

Островные государства южной части Тихого океана сталкиваются также с экономическими последствиями пандемии, которые нанесли значительный урон и без того слабой экономике, подверженной сильной турбулентности. К тому же, страны Океании сильно зависят от официальной помощи в целях развития (ОПР), экспорта сырья, туризма, денежных переводов – именно от тех сфер, которые особенно пострадали из-за коронавируса. Исходя из основных источников доходов государств Океании, можно выделить их наиболее уязвимые экономические отрасли: туризм – Фиджи, Палау, Вануату; природные ресурсы – Папуа – Новая Гвинея и Соломоновы Острова; денежные

⁴¹⁰ Papua New Guinea forced to wait for vaccines as coronavirus crisis spirals out of control // The Guardian. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/mar/10/papua-new-guinea-forced-to-wait-for-vaccines-as-coronavirus-crisis-spirals-out-of-control> (дата обращения 01.08.2021)

⁴¹¹ Pandemic exposes weakness of PNG's border security // Radio New Zealand. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rnz.co.nz/international/pacific-news/415003/pandemic-exposes-weakness-of-png-s-border-security> (дата обращения 01.08.2021)

переводы – Тонга, Самоа, Маршалловы Острова, Кирибати. Например, Вануату потеряла 70% рабочих мест в туристическом секторе из-за ограничений на путешествия⁴¹², в то время как свыше 200 отелей и курортов Фиджи были закрыты, а треть фиджийцев остались без работы или вынуждены работать по сокращенному графику. Экономическая ситуация коснулась также продовольственной безопасности островных государств южной части Тихого океана: ведь многие домохозяйства островных государств и территорий сократили потребление продуктов питания для экономии средств. Согласно данным Международного валютного фонда (МВФ), в 2020 г. экономический спад в островных странах Океании составил от -3,3% до -21%. С другой стороны, МВФ прогнозирует восстановление регионального ВВП в 2021 г. до уровня 2019 г.

Во время пандемии COVID-19 Австралия предоставила пакеты помощи Папуа – Новой Гвинее, Фиджи, Вануату, Соломоновым Островам, Самоа, Тонге, Науру, Кирибати, Тимору-Лешти и др. Логично, что крупнейшим бенефициаром помощи Австралии стала Папуа – Новая Гвинея⁴¹³. Также стоит обратить внимание на утверждение австралийского учёного Аллана Джинджела: «У Австралии нет никакого мыслимого будущего – плохого или хорошего, в котором Китай не играл бы ключевой роли»⁴¹⁴, с которым трудно не согласиться. Практически не вызывает сомнений тот факт, что рост объемов официальной помощи в целях развития со стороны КНР островным государствам Океании сказывается на внешнеполитическом векторе Австралии в отношении своих соседей.

⁴¹² National Tourism Business Impacts Survey, TC Harold and COVID-19 Pandemic // Department of Tourism & Vanuatu Tourism Office. [Электронный ресурс]: URL: https://images.impartmedia.com/vanuatu.travel/documents/National_Tourism_Business_Impacts_Survey_TCHarold_Covid-19.pdf (дата обращения 01.08.2021)

⁴¹³ Australia's Northern Shield? Papua New Guinea and the Defence of Australia since 1880. Monash University Publishing, 2017., 400 p

⁴¹⁴ China problems are real but it's no single minister's fault, 2018 // Australian Financial Review. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.afr.com/opinion/china-problems-are-real-but-its-no-single-ministers-fault-20180521-h10bhj>(дата обращения 01.08.2021)

Учитывая экономические последствия пандемии, которые Австралии будет тяжело разрешить в одиночку, у КНР есть возможность навязать конкуренцию Австралии в океанийском пространстве, пусть, судя по диаграмме выше, если не в краткосрочной, то в среднесрочной перспективе. Китай выделил в общей сложности около 1,9 млн долл. островным государствам Океании для борьбы с пандемией, предоставил средства индивидуальной защиты (СИЗ), а также провел ряд встреч с представителями океанийских государств и пообещал оказать поддержку в борьбе со вспышкой COVID-19 и её последствиями. Безусловно, одним из преимуществ КНР в постпандемийном ЮТР могут стать ее тесные торговые отношения со странами Океании, что также поможет их экономическому восстановлению.

Пандемия COVID-19 также привнесла новые или возродила уже подзабытые термины. Несомненно, наибольшую известность среди них обрела «вакцинная дипломатия». Подобный подход к внешней политике зачастую связывают с попыткой государств использовать достижения в области медицины для укрепления своего глобального или регионального статуса, а также для расширения связей с государствами по всему миру.⁴¹⁵

Канберра же поставила перед собой цель достичь 20% охвата вакциной всей южной части Тихого океана к середине 2021 года⁴¹⁶, ввиду чего участвует как в международных инициативах, так и ведет активную самостоятельную деятельность в регионе. Эта тактика, помимо прочего, рассчитана на укрепление т.н. «южнотихоокеанской идентичности», подразумевающей тесную связь океанийских стран и территорий с Австралией, которая желает минимизировать влияние прочих государств, и в первую очередь – Китая как главного конкурента Канберры в ЮТР. Австралия вошла в число 190 государств и поддержала COVAX – глобальный механизм по обеспечению

⁴¹⁵ Vaccine diplomacy: how some countries are using COVID to enhance their soft power // The Conversation. [Электронный ресурс]: URL: <https://theconversation.com/vaccine-diplomacy-how-some-countries-are-using-covid-to-enhance-their-soft-power-155697> (дата обращения 04.04.2021)

⁴¹⁶ Australian government aims to have 20 per cent coronavirus vaccine coverage in the Pacific by June // ABC News. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.abc.net.au/news/2021-03-17/pacific-vaccine-rollout-to-be-announced/100014196> (дата обращения 04.04.2021)

доступности вакцин против COVID-19. Австралия выделила в пользу COVAX 60 млн долл. на предоставление вакцин развивающимся странам, в том числе в ЮТР. Канберра также выделила дополнительные 397 млн долл. на облегчение доступа к вакцинам на сопряженном пространстве Индийского и Тихого океанов в течение трех лет, из которых 152 млн долл. предназначены для островных государств Океании (включая Папуа – Новую Гвинею, Фиджи, Вануату, Соломоновы Острова, Самоа и др.).⁴¹⁷ Министр по делам международного развития и Тихоокеанского региона Австралии Зед Сеселья подчеркнул, что финансирование также нацелено на материально-техническую поддержку местных органов здравоохранения в странах региона.

Интересы вакцинной дипломатии Австралии лежат не только в плоскости здравоохранения, но и экономики, ведь благодаря своевременным мерам противодействия COVID-19 океанийские государства смогут хотя бы частично сгладить ущерб здравоохранению из-за пандемии и начать восстановление экономики. Как гласит совместное заявление австралийских министра иностранных дел, министра международного развития и Тихоокеанского региона и министра здравоохранения, быстрое и безопасное внедрение вакцины в Тихом океане и Юго-Восточной Азии будет означать, что Австралия сможет вернуться к нормализации поездок, туризма и торговли со своими ключевыми партнерами в регионе. Таким образом, помимо охраны здоровья, вакцинация также поспособствует восстановлению экономики Австралии.⁴¹⁸

Кроме того, Австралия уже присоединилась к инициативе Quad по предоставлению 1 млрд. вакцин на сумму 600 млн долл. и пообещала увеличить производство вакцины на 1 млрд. доз к концу 2022 года. Предполагается, что вакцины будут производиться в Индии, финансироваться Японией и США, а

⁴¹⁷ How Australia will help its neighbours to vaccinate people against coronavirus // SBS News. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.sbs.com.au/news/how-australia-will-help-its-neighbours-to-vaccinate-people-against-coronavirus> (дата обращения 04.04.2021)

⁴¹⁸ Australian support for COVID-19 vaccine access in the Pacific and Southeast Asia // Indo-Pacific Centre for Health Security, Australian Government. [Электронный ресурс]: URL: <https://indopacifichealthsecurity.dfat.gov.au/australian-support-covid-19-vaccine-access-pacific-and-southeast-asia>

Австралия обеспечит логистическую поддержку их распространения в Океании и Юго-Восточной Азии.⁴¹⁹ Австралия также обратилась к Соединенным Штатам, Японии и Индии – членам «четверки» с просьбой об оказании дополнительной помощи Папуа – Новой Гвинее.⁴²⁰ США уже развернули вакцинацию в странах и территориях Микронезии, входящих в американскую зону влияния: на Гуаме, Американском Самоа, Палау, Северных Марианских Островах и Федеративных Штатах Микронезии в рамках программы «Warp Speed», направленной на вакцинацию всего населения Соединенных Штатов к концу 2021 года.

Стоит отметить, что вне зависимости от официальных заявлений, должное количество вакцин дойдет до Меланезии и Полинезии весьма нескоро, хотя Океания нуждается в них уже сейчас. Безусловно, это подталкивает страны южной части Тихого океана с большим прагматизмом диверсифицировать свои внешние связи и искать поддержки других лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Индии и Китая. 29 марта 2021 г. Индия предоставила Фиджи с населением почти 900 тыс. чел. 100 тыс. вакцин AstraZeneca⁴²¹, в то время как КНР неоднократно предлагала свою вакцину Папуа – Новой Гвинее. Примечательно, что профессор Сиднейского национального университета Роберт Буй и профессор Австралийского национального университета Питер Коллинсон призвали Австралию и западные страны оставить политику позади ради глобального здравоохранения, а также высказали пожелание, чтобы ПНГ не отказывалась от вакцин, которые

⁴¹⁹ US, India, Australia, Japan agree to send one billion vaccines across Asia by end-2022 // Reuters. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-asia-vaccines-idUSKBN2B42F4>

⁴²⁰ Australia urges EU to send 1 million COVID-19 vaccines for PNG amid fresh outbreak // Reuters. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-australia-papua/australia-to-ask-eu-to-send-1-million-coronavirus-vaccines-for-papua-new-guinea-idUSKBN2B833P>

⁴²¹ India gifts Fiji 100,000 COVID-19 vaccines // ABC News. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.abc.net.au/radio-australia/programs/pacificbeat/india-gifts-fiji-covid-19-vaccines/13281612>

ей могут предоставить зарубежные партнеры, включая Китай.⁴²² Стоит выразить надежду, что российская вакцина также поможет островным государствам юга Тихого океана, что несомненно станет жестом доброй воли и поможет укрепить дружественные отношения России с Океанией, которые исторически насчитывают более 200 лет.

В любом случае, рост влияния официальной помощи КНР в Океании сказывается на внешнеполитическом векторе Австралии в отношении океанийских государств. Вероятная конкуренция обеих держав поможет странам Океании извлечь для себя ряд выгод, в том числе привлечь необходимое финансирование.

В краткосрочной перспективе борьба с пандемией и её последствиями станет важным аспектом внешней политики Австралии, а высвобождение средств для оказания официальной помощи в целях развития – мощным инструментом укрепления и расширения влияния в Южно-Тихоокеанском регионе, причем не только для Австралии, но для КНР и ряда других «тяжеловесов» региона. Гуманитарный и многосторонний характер ОПР, оказываемой странам Океании в области здравоохранения, образования и др., станет основным преимуществом Австралии на фоне пандемии COVID-19, несколько сместив с позиций реализацию новых инфраструктурных проектов, на которые нацелена КНР⁴²³.

3.3. Влияние КНР на оборонную политику Австралийского Союза в Южно-Тихоокеанском регионе

Австралийский Союз, как яркий представитель средней державы, стремится к поддержанию стабильности как в Индо-Тихоокеанском регионе, так и в своей непосредственной зоне влияния – Океании, ввиду чего нацелен на

⁴²² Calls for PNG to take Chinese vaccines to tackle outbreak // Sydney Morning Herald. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.smh.com.au/world/asia/calls-for-png-to-take-chinese-vaccines-to-tackle-outbreak-20210318-p57bx2.html>

⁴²³ Южная часть Тихого океана: новые вызовы для региона, 2020 // Журнал Международная жизнь. [Электронный ресурс]: URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26060> (дата обращения: 25.05.2021).

обеспечение не только должного уровня экономического развития, но и безопасности. На протяжении большей части австралийской истории удаленное и обособленное географическое положение работало на пользу Пятого континента и обеспечивало безопасность Австралии и её рубежей в Океании. Ни одно из близлежащих к Австралии государств не обладало столь мощным боевым потенциалом, чтобы представлять собой серьезную угрозу её суверенитету. В то же время, все великие державы были достаточно удалены от австралийских территорий.

На современном этапе стратегическая обстановка в ИТР претерпела значительную трансформацию. Если в 2010 г. австралийские эксперты утверждали, что КНР не будет пытаться проецировать военно-морскую силу, бросая тем самым вызов морскому превосходству США, а сосредоточится на наращивании влияния на материке, то теперь Китай может навязать полноценную борьбу США и Австралии на море⁴²⁴. Вместе с тем, рост темпов военной модернизации Китая согласуется с утверждением китайской оборонной Белой книги 2015 г. о том, что ее оборонные расходы должны увеличиваться вместе с ее растущим экономическим развитием и глобальным положением⁴²⁵. Особое внимание австралийских академических кругов также привлек военный парад в честь 70-летия основания КНР, проходивший в Пекине в октябре 2019 г. По мнению старшего аналитика Австралийского института стратегической политики (Australian Strategic Policy Institute, ASPI) Малколма Дэвиса, парад был тревожным сигналом, который Австралия не может игнорировать, ввиду чего ей следует разработать сценарии возможного

⁴²⁴ По данным Центра стратегических и международных исследований (CSIS), в период с 2008 (112,9 млрд долл) по 2019 гг. (266,4 млрд долл.) расходы КНР на оборону выросли на 135%. (What does China really spend on its military, 2019 // Center for Strategic and International Studies. [Электронный ресурс]: URL: <https://chinapower.csis.org/military-spending/> (дата обращения: 25.05.2021)).

⁴²⁵ Белая книга по оборонной политике КНР 2015 г. (中国的军事战略, 白皮书) // Информационное бюро Государственного совета КНР (國務院新聞辦公室). [Электронный ресурс]: URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm> (дата обращения: 25.05.2021).

противодействия данной угрозе⁴²⁶. Вместе с тем вслед за интенсивными темпами роста военной мощи Народно-освободительной армии Китая (НОАК) может последовать больший интерес Пекина к ЮТР⁴²⁷, в особенности из-за обострения американо-китайского соперничества. Стоит предположить, что Океания может стать для Китая стратегически выгодным наблюдательным пунктом за деятельностью вооруженных сил Австралии, США и других игроков региона, включая Индию и Японию, а также будет способствовать увеличению военно-морского присутствия НОАК в южной части Тихого океана.

Следует отметить, что на современном этапе более настороженное восприятие австралийским руководством роста влияния Китая в ИТР и ЮТР резко контрастирует с тенденциями конца XX – нач. XXI вв., когда рост Пекина воспринимался в более позитивном экономическом ключе. К примеру, в Белой книге по оборонной политике Австралии от 2009 г. Китай из-за роста его военной мощи рассматривается как вероятная угроза, которая, по мнению австралийских правящих кругов, усиливала уязвимость окружающих его государств. В то же время, в данном оборонном документе подчеркивается необходимость укрепления оборонного потенциала Австралии в ближайшие два десятилетия⁴²⁸, что также свидетельствует о росте уровня стратегического недоверия к КНР. Сильное давление на Австралию также оказывает высокий рост военных расходов среди государств ИТР, и выбор не только в пользу оборонительного, но и наступательного вооружения. По данным Стокгольмского института исследования проблем мира (Stockholm International

⁴²⁶ *Davis, M.*, Beijing's show of military might is a wake-up call for Australia, October 2019 // The Australian Strategic Policy (ASPI). [Электронный ресурс]: URL: <https://www.aspistrategist.org.au/beijings-show-of-military-might-is-a-wake-up-call-for-australia/> (дата обращения: 25.05.2021).

⁴²⁷ Japan, US and Australia push back on China's South Pacific expansion // *Nikkei Asian Review*. [Электронный ресурс]: URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-US-and-Australia-push-back-on-China-s-South-Pacific-expansion> (дата обращения: 25.05.2021).

⁴²⁸ *Defending Australia in the Asia Pacific Century: Force 2030: Defence Force White Paper, 2009* // Australian Government, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: http://www.defence.gov.au/whitepaper/2009/docs/defence_white_paper_2009.pdf (дата обращения: 25.05.2021).

Peace Research Institute, SIPRI), в 2019 г. Австралия вошла в пятерку стран Азии и Океании, лидирующих по затратам на оборону⁴²⁹, и, вероятно, в дальнейшем она улучшит свои военные показатели.

Всё же основное внимание как австралийской, так и мировой прессы привлекло выступление премьер-министра Австралии Скотта Моррисона 1 июля 2020 г., в котором он представил «Обновление оборонной стратегии 2020» (2020 Defence Strategic Update) и «План структуры Сил обороны 2024» (2024 Force Structure Plan) – оборонные документы, призванные подготовить Австралию к постпандемийному миру, «который будет беднее, более опасным и беспорядочным».⁴³⁰ Спустя долгие годы дискуссий о трансформации региональной архитектуры австралийское руководство предоставило своему Министерству обороны 397,4 млрд долл. на последующие 10 лет для модернизации вооруженных сил и военно-промышленного комплекса (ВПК).⁴³¹ Как уже упоминалось ранее, по словам австралийского премьер-министра, страна должна быть лучше подготовлена к возникновению конфликта высокой интенсивности.

Обновленная оборонная стратегия Австралии охватывает довольно обширную территорию: «от северо-восточной части Индийского океана, через морскую и материковую Юго-Восточную Азию до Папуа – Новой Гвинеи и юго-западной части Тихого океана»⁴³². Оборонные аспекты также будут сочетаться с другими инициативами, в том числе с Pacific Step-Up⁴³³ в Океании.

⁴²⁹ Tian, N., et. al., Trends in World Military Expenditure, SIPRI Fact Sheet 2019 // Stockholm International Peace Research Institute. [Электронный ресурс]: URL: https://sipri.org/sites/default/files/2019-04/fs_1904_milex_2018_0.pdf (дата обращения: 25.05.2021).

⁴³⁰ Address - Launch of the 2020 Defence Strategic Update, Speech, 01 Jul 2020, Prime Minister // Prime Minister of Australia URL: <https://www.pm.gov.au/media/address-launch-2020-defence-strategic-update>

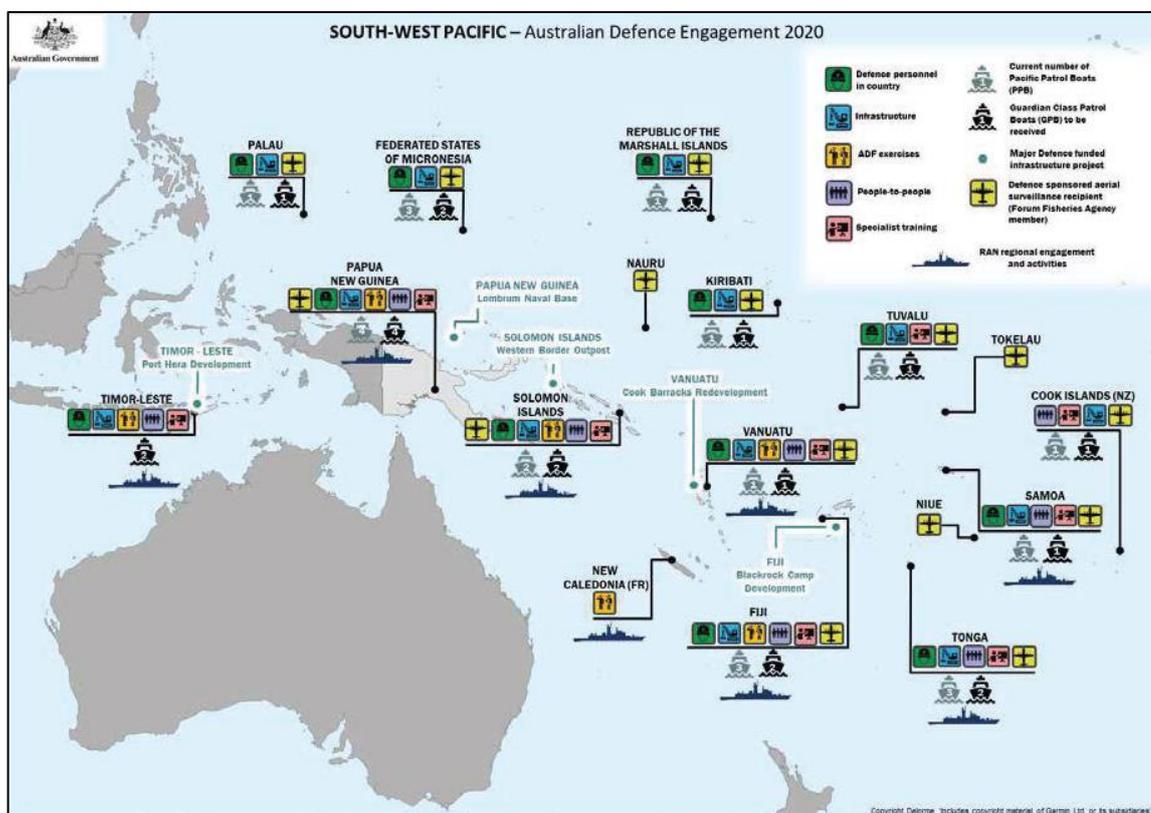
⁴³¹ Australia details long-term defence funding plans // Janes URL: <https://www.janes.com/defence-news/news-detail/australia-details-long-term-defence-funding-plans>

⁴³² 2020 Defence Strategic Update, P. 6 // Australian Government, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: <https://www1.defence.gov.au/strategy-policy/strategic-update-2020> (дата обращения: 25.05.2021).

⁴³³ В 2016 г. австралийской стороной был разработан внешнеполитический подход по выстраиванию отношений с государствами Океании под названием Pacific Step-up, который был усовершенствован в ноябре 2018 г. Данный подход также закреплен в Белых книгах по

Таким образом, основным направлением оборонной стратегии Австралии стал так называемый «Индо-Тихоокеанский регион», интерес Австралии к которому подкрепляются рядом количественных показателей, включая обладание самой протяженной береговой линией среди государств региона. В случае Океании, стоит учитывать преимущество в восприятии австралийскими правящими кругами ключевой роли океанийского региона в обеспечении собственной безопасности и процветания.

Военное присутствие Австралии в Океании

Источник: 2020 Defence Strategic Update 2020⁴³⁴

внешней и оборонной политике Австралии от 2016 и 2017 гг. Главным приоритетом Pacific Step-Up стало построение более крепких отношений Австралии с государствами Океании в области экономики, безопасности, а также гуманитарных связей. Данная стратегия Австралии ставит в приоритетное положение «вызовы региона, определенным самими лидерами тихоокеанских государств», которые включают в себя большее внимание к изменению климата и стихийным бедствиям, устойчивому экономическому росту, а также инклюзивной поддержке населения в области здравоохранения и образования. На эти цели Австралийский Союз выделил 1,4 млрд долл. официальной помощи в целях развития, а также учредил Фонд финансирования инфраструктуры Тихоокеанского региона (Australian Infrastructure Financing Facility for the Pacific, AIFFP) объемом 2 млрд долл.

⁴³⁴ 2020 Defence Strategic Update, p. 23 // Australian Government, Department of Defence URL: <https://www1.defence.gov.au/strategy-policy/strategic-update-2020>

В то же время, в своей обновленной оборонной стратегии Австралия уделяет значительное внимание Юго-Восточной Азии, так как именно там расположены одни из важнейших австралийских торговых партнеров, равно как и жизненно важные логистические артерии. Например, Канберра опасается, что если КНР получит контроль над водами Южно-Китайского моря, то может ограничить доступ Австралии и её партнерам к торговым маршрутам. В 2016 г. сумма торговли товарами через Южно-Китайское составила 3,37 трлн. (21% от всей мировой торговли)⁴³⁵. Более того, 42% морской торговли Японии (2016 г.)⁴³⁶, а также около 60% (по данным австралийской прессы в 2015 г.)⁴³⁷ или 28% (по данным CSIS в 2016 г.)⁴³⁸ морской торговли Австралии также пришлось на Южно-Китайское море.

В общем и целом, правительство Австралии планирует увеличить оборонный бюджет до 2% (по другим оценкам, до 2,4%) ВВП. На 2020-2021 гг. Канберра уже выделила 30 млрд долл. на оборону. Теперь Пятый континент находится на пути самого крупного перевооружения и развития своего военно-промышленного потенциала. В рамках обновленной оборонной стратегии Австралия намерена приобрести/модернизировать до 23 кораблей ВМФ и потратить на это 127 млрд долл. По состоянию на 2020 – 2021 гг. в Австралии производятся морские патрульные суда класса «Арафура» и класса «Гардиан», которые поставляются странам Океании. В течение последующих двух-трех лет начнется строительство фрегатов класса «Хантер» и подводных лодок класса «Аттак». Повышенное внимание уделяется и подводному флоту. На сегодняшний день австралийский бюджет на создание подводной лодки ударного класса составляет около 35 млрд. Учитывая географическое

⁴³⁵ How Much Trade Transits the South China Sea? // China Power, Center for Strategic and International Studies. URL: <https://chinapower.csis.org/data/trade-flows-south-china-sea/>

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ High stakes for Australia in limiting China's South China Sea incursions, 2015 // The Age. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.theage.com.au/opinion/high-stakes-for-australia-in-limiting-chinas-south-china-sea-incursions-20150521-gh6nww.html> (дата обращения 04.05.2021)

⁴³⁸ Там же.

положение Австралии и множество островных территорий в ее зоне влияния, подлодки могут оказаться весьма действенным средством обороны. Всего же Австралия располагает шестью подводными лодками класса «Коллинз», в то время как Китай, из-за роста военного и экономического веса которого, вероятно, и выросло финансирование австралийской обороны, обладает более чем 70-ю подлодками.⁴³⁹

В течение последующих десяти лет на военно-воздушные силы Канберры потратит около 45 млрд долл. ВВС Австралии пополнят ударные истребители F-35 Lightning, штурмовики EA-18G Growler, средства ПВО, а также беспилотники MQ-4C Triton (намерена получить в 2023 году), противокорабельные ракетами большой дальности AGM 158C LRASM (около 200 ед.) и др. Говоря о районах применения ВВС Австралии, очевидно возможное использование истребителя F-35 (Австралия заказала 72 ед. F-35 до 2024 г.) в Океании, поскольку тактические истребители применяются на ограниченном радиусе действия, в то время как в масштабах всего Тихого и Индийского океанов, Австралия сможет задействовать свои бомбардировщики.

В то же время, для проецирования своей военной мощи необходима инфраструктура (порты, аэродромы, базы), поэтому австралийские власти инвестируют около 21 млрд долл. в развитие оборонной инфраструктуры. В данном случае важны как минимум три направления австралийской инфраструктурной политики – Северная территория Австралии, где располагаются 3 военные базы, Океания и австралийские территории в Индийском океане. Австралийская сторона ведет активные работы по модернизации инфраструктуры, в том числе по расширению складов авиационного топлива и боеприпасов на базах Королевских военно-воздушных сил Австралии (The Royal Australian Air Force, RAAF) в Дарвине и Тиндале, а также модернизацию (1,2 млрд долл.) австралийской радиолокационной сети Jindalee Operational Radar Network (JORN), которая обнаруживает и

⁴³⁹ India vs China: A comparison of the Indian and Chinese (PLA) Navies // Naval Technology. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.naval-technology.com/features/india-vs-china-indian-and-chinese-pla-navies-compared/> (дата обращения 04.05.2021)

отслеживает воздушные и морские цели на северных подступах к Пятому континенту⁴⁴⁰.

По данным Центра стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies, CSIS), на территории Австралии располагаются 14 военных баз: 3 – на Северной территории, 3 – в Квинсленде, 6 – в штате Новый Южный Уэльс, а также по одной в штатах Виктория и Южная Австралия.

Помимо баз на территории Пятого континента, также возрастает геостратегическое значение австралийских островных территорий в Индийском океане. Учитывая уникальное положение между Индийским и Тихим океанами, особое место в оборонной политике Австралии занимают Территория Кокосовых островов (Килинг) (прим. 2,7 тыс. км от Перта) и Остров Рождества (прим. 2,6 тыс. км от Перта), которые обладают не только туристическим, но и оборонным потенциалом для Австралии в ИТР⁴⁴¹. В наши дни на островах находятся аэродромы для патрулирования акватории океана с помощью патрульного самолета P8-A Poseidon. Несмотря на тот факт, что постоянные военные базы на островах отсутствуют, их уникальное географическое положение выступает полезным активом Австралии ввиду активизации действий Китая в Индо-Тихоокеанском регионе⁴⁴², а также обеспечивает австралийским вооруженным силам оперативный доступ в Индийский океан.

⁴⁴⁰ Boon for Australian Defence Industry as our JORN gets an upgrade, 2019 // Royal Australian Air Force Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.airforce.gov.au/news-and-events/news/boon-australian-defence-industry-our-jorn-gets-upgrade> (дата обращения: 25.05.2021).

⁴⁴¹ Территория Кокосовых островов (Килинг) состоит из двух коралловых атоллов общей площадью 14 кв. км и населением около 600 человек; Остров Рождества – это вулканический остров общей площадью 135 кв. км и населением около 2 тыс. человек. Стратегическое значение территории привлекло внимание в 1944–1945 гг., когда союзные войска больше не имели доступа к военно-воздушным базам в Юго-Восточной Азии, оккупированным Японией. По этой причине аэродром на Кокосовых островах был реконструирован для использования в качестве стратегической передовой оперативной базы Королевскими ВВС Австралии для нанесения ударов по японским войскам в Бирме, Суматре, Яве и Сингапуре.

⁴⁴² Davies, A., White, H., Not a lot atoll, May 2013 // Australian Strategic Policy Institute (ASPI). [Электронный ресурс]: URL: <https://www.aspistrategist.org.au/not-a-lot-atoll/> (дата обращения: 30.04.2021).

Среди преимуществ оборонного обновления Австралии необходимо отметить потенциальный рост мобильности Сил обороны Австралии, причем не столько в условиях «конфликта высокой интенсивности», сколько в предотвращении последствий стихийных бедствий, которые являются более осязаемой угрозой для стран Океании. Кроме того, инвестиции в ВПК позволят создать дополнительные рабочие места, что особенно полезно в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19. В условиях ослабления влияния США в Тихом океане Австралия может повысить свою обороноспособность, а также укрепить отношения с Японией, Индией, Республикой Корея и странами Юго-Восточной Азии на фоне соперничества США и КНР.

В то же время, новое оборонное видение Австралии обладает и некоторыми недостатками, учитывая возможность вспышки «конфликта высокой интенсивности» в Тихом океане. Единственное, чем может помочь новая оборонная стратегия – это подготовиться к большей военной самостоятельности в условиях, когда КНР перехватит инициативу в регионе у Соединенных Штатов. Планы Австралии по усилению своей обороноспособности рассчитаны как минимум на десятилетие, что также частично нивелируется высокими темпами военного строительства КНР.

Наращивание оборонного потенциала Австралии свидетельствует о высоком приоритете вопроса обороны в политике страны. В широком смысле данный факт обуславливается ростом военной мощи КНР и, в то же время, стремлением австралийского руководства к большей опоре на собственные силы ввиду сокращения преобладания военной мощи Соединенных Штатов в ИТР. Более того, опора на собственные силы необходима и для поддержания безопасности в зоне влияния Австралии – Южно-Тихоокеанском регионе, где собственные вооруженные силы имеют только Фиджи, Папуа–Новая Гвинея и Тонга, в то время как Вануату обладает военизированной полицией. Учитывая тот факт, что вооруженные силы стран Океании довольно малочисленны и слабо вооружены, они вряд ли смогут противостоять вооруженной интервенции и будут полагаться на помощь со стороны Австралийского Союза.

Безусловно, на протяжении истории каждое государство стремилось обеспечить свою безопасность как на суше, так и на море, если оно имело к нему выход. В условиях Индо-Тихоокеанского региона данную цель обеспечить гораздо сложнее, так как на его территории расположены несколько «цепей» островов, каждый из которых выступает в качестве потенциальной военной базы, откуда может проецироваться военная мощь в рассматриваемом регионе. Учитывая географическое положение Австралии, она не может быть не обеспокоена подобного рода уязвимостью, а также последующей потерей своего преимущества в виде обособленного географического положения. Данный факт подтверждается и положениями из Белой книги по оборонной политике 2016 г., согласно которой Австралия не может быть в безопасности, если её ближайшие соседи, включая Папуа–Новую Гвинею, станут источником потенциальной угрозы.

Как уже упоминалось выше, на протяжении более полутора веков угрозы территориальной целостности Австралии были более отдаленными и представляли собой потенциальную и крайне маловероятную опасность. Единственный раз австралийской территории угрожала непосредственная опасность лишь в годы Второй мировой войны, когда Австралия ожидала вторжение Японии. Боевые действия велись в Папуа–Новой Гвинее, на Соломоновых Островах, в Коралловом море, но не на Пятом континенте. В то же время, данный факт сильно повлиял на оборонную стратегию Австралии в дальнейшем, так как показал ключевое значение Океании для австралийской безопасности. В течение долгих лет считалось, что нападение на Австралию произойдет именно с севера, для чего потенциальному сопернику понадобятся военные базы в Океании. Ввиду данного факта, одним из приоритетов внешней политики Австралии является сохранение своей роли главного стратегического партнера для океанийских государств и стремление не допустить туда других игроков, представляющих собой потенциальную угрозу. Вместе с тем, в конструировании вероятности возникновения угрозы есть свои преимущества, так как это помогло Австралии развивать свой оборонный потенциал и

обеспечить должный уровень реагирования на возможное провоцирование своих военных сил в Океании. Так как присутствие Китая в Океании становится всё более осязаемым, на современном этапе это стало настоящим вызовом для Австралии⁴⁴³.

В Белой книге по оборонной политике страны от 2013 г. говорится о том, что Австралия должна обеспечить такую расстановку сил в Океании, чтобы «ни одна крупная держава с враждебными намерениями не создавала базы в непосредственном соседстве, откуда она могла бы проецировать силу»⁴⁴⁴ против Австралии. Вместе с тем, в Белой книге по внешней политике Австралии от 2017 г. Океании даже посвящена отдельная глава, где указывается, что стабильность и экономический прогресс островных государств южной части Тихого океана имеет фундаментальное значение для Австралии⁴⁴⁵.

На протяжении более века особая роль в оборонном потенциале Австралии отводилась острову Новая Гвинея, который в 1956 г. был определен в качестве пункта, наиболее подходящего для развертывания вторжения в Австралию. Вместе с тем, Папуа–Новая Гвинея является неотъемлемой частью «внешнего кольца обороны» Австралии: Кокосовые острова – Дарвин – Папуа–Новая Гвинея (о-в Манус) – Вануату – Фиджи. В свою очередь, Австралия является ключевым партнером в области безопасности для многих государств Океании, а также несет большую ответственность за безопасность океанийского региона. Австралия ежегодно тратит свыше 50 млн долл. на оборонное сотрудничество с государствами Океании, а также 130 млн долл. на

⁴⁴³ *Scrafton, M.*, Australia–China relations and the logic of conventional deterrence, November 2019 // Australian Strategic Policy Institute (ASPI). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aspistrategist.org.au/australia-china-relations-and-the-logic-of-conventional-deterrence/> (дата обращения: 25.05.2021).

⁴⁴⁴ 2013 Defence White Paper, P. 25 // Australian Government, Department of Defence. [Электронный ресурс]: URL: https://defence.gov.au/whitepaper/2013/docs/WP_2013_web.pdf (дата обращения: 15.04.2021).

⁴⁴⁵ 2017 Foreign Policy White Paper // Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade, p. 99. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/2017-foreign-policy-white-paper.pdf> (дата обращения: 25.05.2021).

обеспечение безопасности в ЮТР⁴⁴⁶. В то же время, наиболее наглядным примером доминирования Австралии в Океании в области обороны стала Региональная миссия помощи Соломоновым Островам (Regional Assistance Mission To Solomon Islands, RAMSI), которая длилась в течение 14-ти лет и обошлась Австралии в 1,6 млрд долл.

Между тем, вместе с ростом экономического веса в ЮТР Китай начинает активно проявлять интерес к стратегическому значению Океании наряду с другими крупными акторами, планирующими нарастить свое влияние в океанийском регионе. Именно возросшее торгово-экономическое участие Китая в регионе вызывало ряд дестабилизирующих ситуаций. На фоне неухающих дебатов вокруг «долговых ловушек», в которых могли оказаться ряд океанийских государств, возникли слухи о заинтересованности КНР в приобретении военно-морских баз в Океании. В частности, снованиями для таких слухов послужили инициативы Китая по реконструкции наземных и морских баз, а также аэропортов на Фиджи, в Вануату и ПНГ для осуществления грузоперевозок в рамках инициативы «Пояса и пути». Предполагается, что для обеспечения безопасности своих грузов в портах, расположенных на маршруте «Пояса и пути», а также для борьбы с пиратством Китаю необходимо иметь вооруженную охрану, – именно для этих целей была учреждена первая внешняя китайская военная база в африканском Джибути летом 2017 г.

Фиджи, Вануату и Папуа – Новая Гвинея – это ближайшие к восточным берегам Австралии крупные независимые государства, которые обладают первостепенной стратегической и геополитической значимостью для оборонной политики Австралии, ввиду чего размещение китайских баз в этих странах означало бы полное фиаско Австралии в южной части Тихого океана. Вместе с тем, чтобы удержать Фиджи, Вануату и Папуа – Новую Гвинею в сфере своего стратегического влияния, Австралии пришлось приложить

⁴⁴⁶ *Hayward-Jones, J.*, Dreaming of China in the Pacific Islands, May 2013 // The Interpreter (Lowy Institute). [Электронный ресурс] URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/dreaming-china-pacific-islands> (дата обращения: 25.05.2021).

немалые дипломатические усилия, подкрепив их крупными финансовыми тратами.

Оборонное сотрудничество Австралийского Союза и Независимого Государства Папуа–Новая Гвинея. Остров Манус

Рассматривая значение Папуа–Новой Гвинеи для оборонной политики Австралии, будет верным привести в качестве примера слова Брайна Примоуза, согласно которым с середины XIX в. у Австралии было непреодолимое и непреходящее чувство того, что обладание Новой Гвинеей позволит ей превратить остров в щит, который гарантировал бы безопасность Пятого континента от вторжения⁴⁴⁷.

На современном этапе Силами обороны Австралии реализуется программа сотрудничества «Defence Cooperation Programme», нацеленная на подготовку кадров, проведение учений, техническое консультирование и модернизацию оборонной инфраструктуры ПНГ. Сотрудничество в рамках данной программы было интенсифицировано после подписания в мае 2013 г. австралийско-новогвинейского Соглашения о сотрудничестве в области обороны, которое можно назвать «отправной точкой» для построения более крепких оборонных связей между двумя государствами.

Рассматривая противодействие Австралии усиливающемуся влиянию Китая в ПНГ, важно отметить ключевой оборонный элемент стратегии австралийского премьер-министра С. Моррисона – создание военно-морской базы Ломбрум на острове Манус при поддержке Соединенных Штатов. Военно-морская база Ломбрум – это база патрульных катеров Сил обороны Папуа–Новой Гвинеи на острове Манус, расположенном к северу от ПНГ. В годы Второй мировой войны база использовалась в качестве базы военно-морских сил США, после чего стала вспомогательным портом Королевских ВВС Австралии под названием «HMAS Tarangau». В 1974 г. база была передана Папуа–Новой Гвинее в управление. Со временем состояние военно-морской

⁴⁴⁷ *Hunt, B., Australia's Northern Shield? Papua New Guinea and the Defence of Australia since 1880. Monash University Publishing, 2017. p. 11.*

базы на Манусе ухудшилось, и для соответствия новому поколению военной техники требуется её модернизация. Стоит отметить, что сам остров Манус имеет ряд преимуществ, включая стратегически выгодное положение, близость к Южно-Китайскому морю, а также удобную естественную гавань. Вместе с тем, на острове Манус располагается аэропорт Момоте, который может быть дополнен авиацией, и действующий флот. Но на современном этапе основным уязвимым местом Ломбрума остается слабо развитая инфраструктура.

Китай уже долгое время проявляет интерес к Папуа–Новой Гвинее, в том числе и в области обороны. В октябре 2016 г. начальник Объединенного штаба Народно-освободительной армии и член Центральной военной комиссии генерал Фан Фэнхуй нанес официальный визит в ПНГ, после чего в 2017 г. новогвинейская сторона направила наблюдателей на учения по оказанию помощи в случае стихийных бедствий «Cooperation Spirit», которые проходили в китайском Нанкине⁴⁴⁸. Вместе с тем, Китай предоставил Папуа–Новой Гвинее помощь в области обороны и передал свыше 100 единиц боевой техники и транспортных средств на сумму 5,34 млн долл⁴⁴⁹. Уже в следующем году тогдашний премьер-министр страны Питер О’Нил нанес визит в КНР и выразил интерес к инициативе «Пояс и путь», после чего Китай начал обсуждение совместного с ПНГ плана развития четырех портов в Веваке, Кикори, Ванимо и на Манусе.

В качестве ответной меры Австралия в сентябре 2018 г. смогла превзойти предложение Китая и подписать с ПНГ соглашение на сумму 3,6 млн долл. о реконструкции причала и иной инфраструктуры на о. Манус. Затем австралийскую сторону в рамках саммита поддержали Соединенные Штаты в лице вице-президента Майка Пенса. Примечательно, что через несколько недель после заявления М. Пенса два исследовательских судна КНР вошли в

⁴⁴⁸ *Panda, A., Are Fears of a Chinese Port Facility on Manus Island Justified? // The Diplomat.* [Электронный ресурс] URL: <https://thediplomat.com/2018/08/are-fears-of-a-chinese-port-facility-on-manus-island-justified/> (дата обращения: 25.05.2021).

⁴⁴⁹ *China supports Defence Force with K17.5 million gift // The National, 04.11.2017.* [Электронный ресурс]: URL: <https://www.thenational.com.pg/china-supports-defence-force-k17-5-million-gift/> (дата обращения: 25.05.2021).

исключительную экономическую зону ПНГ к северу от острова Манус⁴⁵⁰. Комментируя данный факт, высокопоставленные австралийские и американские военные чиновники признали, что океанографические исследования полностью законны, но было подозрение, что гражданские корабли КНР также собирают бесценные данные для будущих оборонных операций, которые, например, помогают определить акустические условия для подводных лодок⁴⁵¹.

Так или иначе, военно-морская база на о-ве Манус позволит Австралии с США использовать ее для размещения своих военных кораблей и тем самым укрепить свои стратегические позиции в южной части Тихого океана и на подступах к Южно-Китайскому морю. Вероятно, остров Манус в будущем станет важным, но не ведущим пунктом наблюдения Австралии и США в ЮТР. Вместе с тем, солидарную позицию Австралии и США в данном вопросе можно рассматривать как взаимный отпор амбициям Китая в океанийском регионе⁴⁵². Однако основным уязвимым местом Ломбрума остается слабо развитая инфраструктура. В 2020 г. губернатор провинции Манус Чарли Бенджамин заявил о невыполнении Австралией своих обязательств по улучшению качества жизни папуа-новогвинейских общин, проживающих в прилегающих к Ломбруму районах⁴⁵³.

Оборонное сотрудничество Австралийского Союза и Республики Фиджи. Военная база «Black Rock Camp»

Если в случае Папуа–Новой Гвинеи её сотрудничество с Австралией практически не носило конфликтного характера, то ситуация с Фиджи

⁴⁵⁰ *Greene, A.*, Chinese surveillance near PNG expanding as Australia and US begin Manus Island naval upgrades, April 2019 // ABC News. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.abc.net.au/news/2019-04-21/china-increases-surveillance-near-png/11028192> (дата обращения: 25.05.2021).

⁴⁵¹ Там же.

⁴⁵² *Whiting, N.*, Joint US-Australian naval base on Manus Island a 'significant pushback' against China's Pacific ambitions, November 2018 // ABC News [Электронный ресурс]: URL: <https://www.abc.net.au/news/2018-11-18/us-pushes-further-into-pacific-with-png-manus-naval-base-deal/10508354> (дата обращения: 25.05.2021).

⁴⁵³ PNG to review deal with Australia for naval base on Manus // Radio New Zealand URL: <https://www.rnz.co.nz/international/pacific-news/418860/png-to-review-deal-with-australia-for-naval-base-on-manus>

сложилась по совершенно иному сценарию. После военного переворота в 2006 г. Фиджи возглавил коммодор Фрэнк Байнимарама, пообещавший провести выборы к марту 2009 г., но к тому времени стало ясно, что выборы не состоятся⁴⁵⁴. Как результат, в январе 2009 г. было созвано совещание ФТО, на котором океанийские лидеры выдвинули Ф. Байнимараме ультиматум: провести выборы до 1 мая 2009 г., иначе Фиджи грозило отстранение от участия в ФТО. В апреле 2009 г. коллегия судей признала военный переворот Ф. Байнимарамы неконституционным, в результате чего последовал незамедлительный ответ фиджийского лидера: он распустил Верховный суд Фиджи и повторно назначил себя премьер-министром страны, отменив действующую Конституцию. Более того, со стороны Ф. Байнимарамы прозвучало заявление, что выборов в стране не будет до конституционной реформы – вплоть до сентября 2014 г. Именно с тех пор Фиджи была временно отстранена от участия и в ФТО, и в Содружестве наций.

На фоне растущего влияния Китая в океанийском регионе смена внутривластного вектора Фиджи не могла не отразиться и на фиджийской внешней политике. Уже в 2010-х гг. большинство товаров на Фиджи поступало из КНР, а все секторы фиджийской экономики финансировались за счет китайских дотаций, кредитов и инвестиций. В 2011 г. страна подписала соглашение о сотрудничестве полиции с Пекинским Министерством общественной безопасности, которое предусматривает направление на обучение фиджийских полицейских в Китай. По итогам визита Си Цзиньпина на Фиджи в ноябре 2014 г. между двумя странами был установлен безвизовый режим для китайских граждан, въезжающих в страну на срок до 30 дней (это было сделано для стимулирования туристического потока из Китая, который активно набирал обороты). Неудивительно, что фиджийский лидер Фрэнк Байнимарама тепло принял ключевого для экономики страны гостя, но впоследствии в мировую прессу просочилась информация о возможном

⁴⁵⁴ *Подробнее см.:* Пале С.Е. Постколониальные конфликты в странах Океании, М.: Институт востоковедения РАН, 2012, 180 с.

размещении на Фиджи китайской военной базы. Более того, в 2015 г. тогдашний посол КНР в Республике Фиджи Чжан Пин заявил, что Пекин готов оказать содействие Фиджи в строительстве новой военной базы. К тому же, Фиджи и Китай подписали Меморандум о взаимопонимании по вопросам военного сотрудничества⁴⁵⁵.

В 2017 г. Китай подал заявку на реконструкцию участка базы «Black Rock Camp» в фиджийском г. Нади, включавшую строительство аэропорта. Уже в августе 2018 г. Австралия предложила Фиджи вместо китайского проекта военной базы учредить на своей территории Региональный центр подготовки совместных полицейских и миротворческих сил стран Океании, стоимость которого оценивалась в 1,4 млн долл. Впоследствии это предложение было принято фиджийской стороной в обмен на крупные австралийские инвестиции⁴⁵⁶. Помимо развития инфраструктуры, австралийская сторона предложила услуги по предоставлению экспертных знаний, а также подготовки военнослужащих. Также в 2019 г. на Фиджи был открыт Австралийский колледж тихоокеанской безопасности (Australian Pacific Security College, APSC).

Стоит отметить, что более чем за десяток конфликтных лет становление Фиджи в качестве регионального учебного центра для океанийских военных способствовало улучшению имиджа этой страны и ее статуса в рамках ФТО. Вместе с тем, в ходе принятия решения фиджийской стороной о проектах реконструкции военной базы Австралия предоставила Фиджи патрульный катер, а Китай – «наблюдательное и гидрографическое» судно RFNS Касау. При этом КНР стремилась всячески «продемонстрировать флаг» на Фиджи. Например, в 2018 г. в ходе индо-тихоокеанских учений «Endeavour» корабль ВМС Австралии «HMAS Adelaide» зашел в порт столицы Фиджи – г. Сува, а в

⁴⁵⁵ Australia beats China to funding Fiji base, September 2018 // The Fiji Times. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.fijitimes.com/australia-beats-china-to-funding-fiji-base/> (дата обращения: 10.04.2020).

⁴⁵⁶ Australian offer over Fiji base beats China's, September 2018 // Radio New Zealand. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rnz.co.nz/international/pacific-news/366386/australian-offer-over-fiji-base-beats-china-s> (дата обращения: 10.04.2020).

ответ в тот же день Китай направил к берегам Фиджи научно-разведывательный корабль «Юаньван-7».

Оборонные отношения между Австралией и Фиджи продолжают развиваться и на современном этапе. Так, в 2019 г. возобновились совместные военно-морские учения, приостановленные в 2006 г., а в марте 2020 г. ВВС Австралии оказали содействие передислокации 78-ми фиджийских миротворцев из г. Нади в Ирак на тактическом транспортном самолете C-17A Globemaster III⁴⁵⁷.

По словам Посла КНР в Республике Фиджи Цянь Бо, у Фиджи и Китая есть возможность укрепить свои двусторонние отношения посредством выполнения миротворческих обязанностей, а также наладить двусторонне сотрудничество в рамках Международного учебного центра в Китае, который специализируется на подготовке миротворцев⁴⁵⁸. Стоит отметить, что несмотря на начало возвращения Фиджи в орбиту Канберры, Сува по-прежнему дорожит тесными связями с КНР, и это также выразилось в закрытии торгового и туристического представительства Фиджи на Тайване в 2017 г.

Оборонное сотрудничество Австралийского Союза и Республики Вануату. Порт Луганвилль (о-в Эспириту-Санто)

Как и многие государства океанийского региона, Вануату с давних пор находилось в сфере влияния Австралии и получало экономическую помощь от ряда стран западного мира. Однако в последнее десятилетие объемы помощи этому меланезийскому государству от Китая увеличивались, достигнув 274,47 млн долл., и в какой-то момент КНР, по-видимому, оказалась для Вануату ближе, чем прежние партнеры. Например, для повышения способности страны «противостоять чрезвычайным ситуациям» в 2017 г. Китай выделил 14 военных машин и экипировку для подразделений мобильных сил полиции Вануату.

⁴⁵⁷ RAAF supports Fiji's contribution to global peacekeeping operations, March 2020 // Air Force Technology. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.airforce-technology.com/news/raaf-fiji-global-peacekeeping-operations/> (дата обращения: 11.04.2020).

⁴⁵⁸ Opportunity to strengthen Fiji-China ties, September 2019 // The Fiji Times. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.fijitimes.com/opportunity-to-strengthen-fiji-china-ties/> (дата обращения: 11.04.2020).

Весной 2018 г. в австралийских СМИ появились сообщения о том, что правительство Вануату ведет с Китаем переговоры о создании на территории страны китайской военной базы. Китай и Вануату, в свою очередь, поспешили заявить, что информация об их переговорах – ложная, однако австралийские и американские чиновники уже выразили серьезную обеспокоенность в связи с распространившимися сообщениями. В своем официальном заявлении премьер-министр Вануату Шарлот Салвай также отрицал факт переговоров о строительстве базы и заявил, что его правительство «будет решительно выступать против любых попыток построить военную базу в стране», но, в то же время, назвал Китай «хорошим другом».

В данном случае речь шла о причале Луганвилль (Luganville) на острове Эспириту-Санто, который благодаря китайскому инфраструктурному проекту стал самым длинным причалом в Океании. Учитывая тот факт, что Луганвилль наверняка еще долгое время не сможет окупиться, у австралийской стороны возникли опасения, что КНР с помощью Вануату попытается обеспечить себе постоянное военное присутствие в океанийском регионе. Так, в январе 2019 г. премьер-министр Австралии С. Моррисон впервые со времен австралийского премьера Роберта Хоука (1990 г.) нанес официальный визит в Вануату. Данный визит стал ожидаемой реакцией австралийского руководства на слухи о строительстве китайской военной базы в Вануату, что в очередной раз подчеркивает чувствительность Австралии к «иностранному» вмешательству в Океании⁴⁵⁹. Необходимо отметить, что Австралия была нацелена на заключение договора о региональной безопасности с Вануату, но министр иностранных дел этого меланезийского государства ясно дал понять, что Вануату является приверженцем Движения неприсоединения и не заинтересована в подписании

⁴⁵⁹ Morrison's Vanuatu trip shows the government's continued focus on militarising the Pacific, January 2019 // The Conversation. [Электронный ресурс]: URL: <https://theconversation.com/morrison-vanuatu-trip-shows-the-governments-continued-focus-on-militarising-the-pacific-109883> (дата обращения: 11.04.2020).

договора с какой-либо из стран⁴⁶⁰. Как результат, стороны договорились о поддержании полицейской и охранной инфраструктуры, в то время как работа по продвижению двустороннего договора о безопасности только продолжается⁴⁶¹. Вместе с тем, в 2019 г. Вануату разработало первую в своей истории стратегию национальной безопасности, где также особое место было отведено американо-китайскому соперничеству в Тихом океане⁴⁶².

Рассматривая многосторонний формат оборонного сотрудничества в Океании, стоит уделить особое внимание «Декларации Боз» (Boe Declaration), которая была подписана в рамках саммита Форума тихоокеанских островов, который проходил в Науру в 2018 г. Именно в данной декларации лидеры стран ФТО договорились, что национальная безопасность играет важную роль в обеспечении безопасности океанийского региона, а также признали необходимость принятия скоординированных ответных мер для ее поддержания. Необходимо отметить, что в данной Декларации океанийские государства также признали «все более динамичную геополитическую среду, ведущую ко все более многолюдному и сложному региону»⁴⁶³, что демонстрирует четкое понимание вероятного пересечения интересов традиционных и новых акторов в Океании.

В то же время, говоря о совместных усилиях в Океании, необходимо отметить регулярное проведение встреч министров обороны South Pacific Defence Ministers' Meeting, первая из которых прошла в Королевстве Тонга в 2013 г., после чего встречи проводились в Папуа–Новой Гвинее (2015 г.), Новой

⁴⁶⁰ Vanuatu not keen on Australian security treaty, January 2019 // Radio New Zealand. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.rnz.co.nz/international/pacific-news/380167/vanuatu-not-keen-on-australian-security-treaty> (дата обращения: 15.04.2021).

⁴⁶¹ Joint Statement with The Prime Minister of Vanuatu, Prime Minister of Vanuatu, Media Release, January 2019 // Prime Minister of Australia. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.pm.gov.au/media/joint-statement-prime-minister-vanuatu> (дата обращения: 15.04.2021).

⁴⁶² Roberts, A., First-ever National Security Strategy // Vanuatu Daily Post. [Электронный ресурс]: URL: https://dailypost.vu/news/first-ever-national-security-strategy/article_6b2671e5-8c19-532f-ab95-142c8ae407d6.html (дата обращения: 15.04.2021).

⁴⁶³ Boe Declaration on Regional Security, 2019 // Pacific Islands Forum Secretariat. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.forumsec.org/boe-declaration-on-regional-security/> (дата обращения: 15.04.2021).

Зеландии (2017 г.) и Фиджи (2019 г.). Вероятно, следующая встреча пройдет в Австралии. Стоит отметить, что НОАК также проводит раз в два года Форум для старших должностных лиц Министерств обороны стран Карибского бассейна и островных государств Тихого океана (Senior Defense Officials from Caribbean and South Pacific Countries), целью которого, вероятно, является укрепление дипломатических связей КНР со странами-участницами ФТО.

Проводя анализ австралийской оборонной политики в Южно-Тихоокеанском регионе, нельзя не упомянуть о том, что немаловажным сдерживающим фактором стратегического вовлечения КНР в океанийский регион выступает военное присутствие Соединенных Штатов в Микронезии и на Гавайских островах. Именно в данном аспекте стремление Китая, как великой державы, расширить свое влияние в ЮТР сталкивается с противодействием со стороны другой великой державы – США. По данным Центра стратегических и международных исследований, в ЮТР располагаются девять баз Соединенных Штатов, четыре из которых находятся в цепи Марианских островов, три – на Гавайских островах, а также по одной на Маршалловых островах (атоллы Кваджалейн и Уэйк).

Так или иначе, несмотря на активное военное строительство Австралии, а также её стремление укрепить отношения со странами Океании в сфере обеспечения безопасности на фоне растущего влияния Китая в южной части Тихого океана, в среднесрочной перспективе довольно трудно себе представить возникновение межгосударственного вооруженного конфликта в рассматриваемом регионе.

Учитывая тот факт, что многие очаги внутригосударственной нестабильности в странах Океании погашены, можно утверждать, что на протяжении последних 10–15 лет интерес Австралии к южной части Тихого океана подогревается проникновением Китая в данный регион, о чем свидетельствуют инициативы австралийского руководства, нацеленные на противодействие дипломатической и военно-морской активности Китая в Океании. Вместе с тем, долгая история взаимоотношений Австралии с Папуа–

Новой Гвинеей, Фиджи, Вануату и др., основанная на географическом положении, а также тесных социальных и экономических контактах, подчеркивает крайне важное стратегическое значение океанийских стран для Австралии. Ввиду данного факта, обеспокоенность австралийского руководства на потенциальное закрепление Китая в южной части Тихого океана (в особенности в Меланезии) вполне предсказуема.

В любом случае, благодаря шагам по налаживанию двусторонних отношений со странами Океании, предпринятым Австралией за последние три года, все три стратегически важных для оборонной стратегии Австралии государства – Папуа–Новая Гвинея, Вануату и Фиджи вновь вошли в орбиту Канберры. В то же время, дискуссии о военно-морских базах КНР в Океании и глубокая обеспокоенность австралийского руководства по данному поводу привели к охлаждению отношений Австралии и Китая⁴⁶⁴.

Факт подписания Декларации Боэ подтверждает, что вопросы обороны приобретают все большее значение в океанийском регионе. Безусловно, Австралия уже не может поддерживать торговое влияние в Океании, но с точки зрения обеспечения безопасности и предоставления помощи в целях развития она остается незаменимым и ключевым актором.

Таким образом, в ходе проведенного исследования можно выделить как минимум четыре подхода Австралийского Союза к обеспечению безопасности в южной части Тихого океана.

Во-первых, наращивание собственное военной мощи не только для обеспечения собственной безопасности, но и для поддержки океанийских государств;

Во-вторых, развертывание вооруженных сил в странах Океании для обеспечения мирной обстановки на территориях, где местные власти не могут самостоятельно контролировать ситуацию;

⁴⁶⁴ Dobell, G., Awkward alarum: China, Vanuatu and Oz, April 2018 // Australian Strategic Policy Institute (ASPI). [Электронный ресурс]: URL: <https://www.austal.com/news/austal-australia-delivers-6th-guardian-class-patrol-boat> (дата обращения: 15.04.2021).

В-третьих, для поддержания стабильности внутри океанийских государств Австралия стремится укрепить потенциал их правоохранительных органов, оказывая образовательное, инфраструктурное и техническое содействие;

Наконец, во избежание повторения сценариев Соломоновых Островов или Бугенвиля, и ради укрепления оборонных связей Австралия стремится институционализировать сотрудничество со странами южной части Тихого океана.

Рассматривая роль Китая в области оборонного сотрудничества с океанийскими государствами, необходимо отметить, что Пекин на данный момент использует два из трех аспектов австралийской оборонной политики в регионе. Учитывая прочные позиции Соединенных Штатов и Тайваня в государствах Микронезии, КНР наверняка будет искать оборонных партнеров в странах Меланезии (Папуа – Новая Гвинея, Фиджи, Вануату, Соломоновы Острова и др.) и Полинезии (Самоа, Тонга, Кирибати и др.). Вместе с тем, инфраструктурные проекты Китая в данных историко-культурных областях Океании повлекли за собой активное противодействие со стороны Австралии. В то же время, стоит предположить, что Китай не заинтересован в обострении военной обстановки в южной части Тихого океана. Вести боевые действия ради своего доминирования в Океании Китай с огромной долей вероятности не станет, а попытается достигнуть стратегических целей вполне мирным путем, с помощью укрепления торгово-экономических и социальных связей.

Скорее всего, данный регион рассматривается Пекином в том же ключе, что и акватория Южно-Китайского моря, – как возможность демонстрации роста своего влияния в Тихом океане, готовности соперничать в ряде областей с традиционными лидерами региона, а также как возможность навязать океанийским государствам свою волю в случае необходимости.

Схожей стратегией в южной части Тихого океана пользуется и Австралия. Так, например, совместную с Соединенными Штатами реконструкцию военно-морской базы на о-ве Манус можно справедливо

считать «показом флага» и попыткой продемонстрировать доминирование в океанийском регионе. В тоже время, попытки демонстрации влияния могут только спровоцировать Китай на активизацию своих действий в южной части Тихого океана, а не стать сдерживающим фактором. Вместе с тем, стоит предположить, что вопросы использования портов для постоянного базирования ВМФ Австралии, США или КНР в южной части Тихого океана стали одной из первых предпосылок к будущей милитаризации Океании, а также вероятным маркером наличия у австралийских спецслужб данных о стремлениях КНР обрести военную базу в южной части Тихого океана.

Вероятно, доминирование Австралии в области обеспечения безопасности в ЮТР сохранится в среднесрочной перспективе, в том числе благодаря её статусу крупнейшего источника помощи и инвестиций в океанийском регионе. При этом австралийское руководство продолжит поддерживать превосходящие в региональном отношении вооруженные силы. Наиболее полезным способом соперничества с Китаем для Австралии может стать укрепление отношений с государствами Океании, а не открытое противостояние КНР. Обратная сторона медали состоит в том, что подобные дипломатические маневры приводят к огромным тратам австралийского бюджета, которые, учитывая активное стремление Китая укрепить свое присутствие в Океании, могут себя не оправдать в долгосрочной перспективе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного в рамках диссертационной работы исследования проблемы фактора Китая во внешней политике Австралии были проанализированы различные аспекты австралийско-китайских отношений, начиная с 1972 г., когда между двумя государствами были установлены дипломатические отношения, вплоть до 2020 г. включительно, когда мир погрузился в кризис из-за пандемии COVID-19, а интересы Австралийского Союза всё сильнее сталкивались с главным противоречием внешней политики Канберры – укреплять ли стратегический союз с США или же развивать тесные торгово-экономические отношения с КНР.

Проведенный комплексный анализ места Китая во внешней политике Австралии, включая историю двусторонних отношений, торгово-экономическое сотрудничество, попытки диверсификации связей со странами Индо-Тихоокеанского региона, а также австралийско-китайское соперничество в традиционной зоне влияния Австралии – Океании, позволил выявить особенности фактора КНР во внешней политике Австралийского Союза, а также проследить эволюцию развития двусторонних отношений в заявленных хронологических рамках.

Автором показана актуальность темы исследования с учетом всё более динамичного характера внешнеполитических процессов в ИТР в последние годы, а также изменение баланса сил из-за усиления роли Китая как в глобальном, так и региональном масштабах. С ходом времени отношения Австралии и КНР оказывают всё большее влияние на региональную и глобальную архитектуру.

На основе широкого круга источников и литературы были сделаны следующие выводы:

1. За последние пять десятков лет внешняя политика Австралийского Союза в отношении КНР претерпела значительные изменения. Проведя анализ Белых книг по оборонной и внешней политике, составляющих концептуальную основу внешнеполитической линии Канберры, а также проанализировав работы

видных политиков и ученых, автор проследил эволюцию двусторонних отношений между Австралией и Китаем. Выявлено, что начиная с 1970-х гг., после установления дипломатических отношений между двумя государствами, Китай приобретал всё большее значение для Австралии. В ходе анализа австралийско-китайских отношений в исторической ретроспективе автором была подтверждена гипотеза, что на протяжении последней трети XX – нач. XXI вв. австралийское руководство выстраивало отношения с Китаем с прагматичной точки зрения, опираясь на развитие торговых связей и не затрагивая идеологические и политические вопросы. Учитывая современное состояние отношений между двумя государствами, стоит отметить, что экономического прагматизма уже недостаточно, и австралийские правящие круги принимают в расчет уже не только торговые, но и стратегические интересы в отношениях с Китаем.

2. Выявлено, что торговое сотрудничество является базисом отношений Австралийского Союза и КНР. Благодаря интенсификации двусторонней торговли, а также становлению и последующему закреплению Китая в статусе ключевого торгового партнера Австралии, австралийская сторона стала не только одним из ведущих экспортёров природных ресурсов в Китай, но и важным туристическим и образовательным направлением. Быстрый рост товарооборота между двумя государствами в последние десятилетия характеризуется взаимодополняемостью экономик Австралии и Китая. С одной стороны, Китай нуждается в природных ресурсах, которыми богат Пятый континент, с другой – австралийская сторона крайне заинтересована в крупнейшем рынке сбыта своих товаров и услуг, обладающих конкурентоспособным качеством. Доказано, что подписание в 2015 г. Австралийско-китайского соглашения о свободной торговле (China – Australia Free Trade Agreement, ChAFTA) не только стало стимулом для дальнейшего расширения торгово-экономических связей двух стран, но и оказало влияние на их торговлю с другими партнерами. Как показали события 2019 и 2020 гг., ориентация Австралии на развитие экономических отношений с Китаем

сделала торговлю инструментом давления, причем как со стороны Канберры, так и со стороны Пекина.

3. Установлено, что в процессе становления более тесных экономических отношений с КНР внешняя политика Австралийского Союза одновременно обуславливается укреплением стратегического альянса с США, который по сей день является основой поддержки в некоторой степени автономной внешней политики Австралии, а также её обороноспособности. С 1951 г. на протяжении семидесяти лет базисом двусторонних отношений между Австралией и США выступает договор АНЗЮС, согласно которому австралийская и американская стороны должны совместно работать над укреплением своего военного потенциала, проводить консультации по обороне в Тихом океане и противостоять общим угрозам. В то же время, осознание австралийскими правящими кругами того факта, что АНЗЮС носит менее обязывающий характер и не предоставляет ожидаемой степени гарантий от Соединенных Штатов, привело к тому, что Австралия решила опираться на собственные силы при решении региональных проблем, при этом с извлечением выгод из военно-технического и разведывательного сотрудничества с США. На фоне становления более независимого курса внешней политики Австралии, укрепления её торгово-экономических связей с КНР и развитием конкуренции между Китаем и США, американское руководство снова предприняло попытку формализовать отношения с Австралией и нивелировать некоторые недостатки в рамках АНЗЮС, включая предоставление более осязаемых гарантий безопасности Пятому континенту. Это стало стимулом для размещения на австралийской территории близ города Дарвин (административного центра Северной территории) ротационных сил США, а также для расширения военно-технического сотрудничества двух государств. Так, для противостояния потенциальной угрозе в лице КНР и реализации оборонной стратегии Австралийскому Союзу, как яркому представителю «дилеммы безопасности», необходимо наращивать свой военный потенциал, улучшать инфраструктуру и логистику, в том числе в Северной территории, что невозможно без помощи

Вашингтона. Вместе с тем, было установлено, что отношения между Австралией и США развиваются на многих уровнях, выходящих за рамки оборонного альянса. Например, Соединенные Штаты на протяжении десятков лет остаются крупнейшим источником прямых инвестиций в австралийскую экономику, что свидетельствует о высоком уровне доверия между двумя государствами.

Таким образом, автор доказал, что обострение конкуренции между КНР и США за лидирующие позиции в ИТР принесло Австралии ряд выгод, но, в то же время, стало основным противоречием ее внешней политики.

4. Продемонстрировано, что стремление Австралийского Союза к диверсификации не только торговых, но и оборонных связей с другими ведущими средними державами Индо-Тихоокеанского региона – Индией и Японией, является ответной реакцией на рост экономического влияния, а также военной мощи Китая в ИТР. Видение региональной архитектуры австралийскими правящими кругами определяется опасениями касательно мотивов действий КНР в рассматриваемом регионе. Так, рост регионального влияния Китая и усиление его конфронтации с Соединенными Штатами, которая может повлечь за собой дестабилизацию обстановки в ИТР, побуждает рассматриваемые средние державы (Австралию, Индию, Японию) налаживать тесные торговые и оборонные отношения друг с другом в качестве превентивной меры для реализации стратегии регионального баланса. Автором выявлено, что экономика Австралийского Союза также обладает взаимодополняемостью с экономиками Индии и Японии, и это может способствовать развитию торгово-экономических связей и закреплению общих стратегических интересов в будущем. Несмотря на тот факт, что на фоне роста влияния Китая в ИТР стратегическое взаимодействие между средними державами региона за последние десятилетия продемонстрировало заметный рост, фактор негативного восприятия Китаем подобного формата сотрудничества снижает интенсивность сближения средних держав. С другой стороны, попытки объединения средних держав ИТР, в том числе вокруг

Соединенных Штатов, напоминают зарождающуюся стратегию для сдерживания КНР и несут в себе риски возникновения новой холодной войны в регионе.

5. Установлено, что в выстраивании своих связей с малыми островными государствами Южно-Тихоокеанского региона (ЮТР) Австралийский Союз опирается на более чем полторавековую историю влияния в Океании. Более того, активизация присутствия Китая в ЮТР с целью соперничества с Тайванем за дипломатическое признание в середине 2000-х гг. стала маркером проявления иностранными акторами всё большей заинтересованности в южной части Тихого океана. Учитывая рост влияния Китая в ИТР, а также его обширные дипломатические и экономические ресурсы, он и в дальнейшем будет уделять больше внимания океанийскому региону и укреплять свои позиции в этой традиционной зоне влияния Австралии, что вызывает с её стороны защитную реакцию с целью не допустить дестабилизации геостратегической обстановки в ЮТР и превращения этого региона в плацдарм для проецирования силы и влияния Китая в Тихом океане.

6. Определены основные аспекты, а также различия в предоставлении и реализации официальной помощи в целях развития (ОПР), которую Австралийский Союз и КНР оказывают странам Океании. На примере Папуа – Новой Гвинеи, Вануату, Тонга и Самоа было выявлено, что австралийская помощь странам Океании за период 2010-2020 гг. составила свыше 8,77 млрд долл.⁴⁶⁵, что делает Австралийский Союз абсолютным лидером в данной области. Установлено, что австралийская помощь в целях развития преимущественно сосредоточена на институциональных реформах, здравоохранении, образовании и инфраструктуре. Данный подход обусловлен стремлением Австралии увеличить уровень жизни в островных государствах Тихого океана и, следовательно, повысить качество местных медицинских и образовательных услуг, а также укрепить институты власти во избежание

⁴⁶⁵ Pacific Aid Map // Lowy Institute. [Электронный ресурс]: URL: <https://pacificaidmap.lowyinstitute.org/> (дата обращения: 25.05.2021).

дестабилизации внутривластной обстановки, которая может повлечь за собой рост транснациональной преступности, угрозу терроризма и ухудшение санитарно-эпидемиологической ситуации. Главным преимуществом ОПР Австралии является её грантовый (безвозмездный) характер, что способствует укреплению доверия между Канберрой и странами Океании. Число реализованных океанийских проектов в рамках австралийской ОПР значительно превосходит количество проектов КНР, что свидетельствует о большем охвате помощи со стороны Австралии, которая реализуется не только в городских, но и в сельских районах, где традиционно проживает около 80% населения стран Океании. Вместе с тем, давние усилия Австралии по реализации образовательных программ для граждан стран южной части Тихого океана способствуют формированию положительного восприятия Австралии среди океанийских политических кругов, представители которых, как правило, проходили обучение в Австралии или обучались по инициативе Австралии образовательным программам в странах Океании.

В свою очередь, объем официальной помощи в целях развития, предоставленной со стороны КНР государствам Океании также увеличился. Это свидетельствует о росте заинтересованности Китая в развитии отношений с островными государствами юга Тихого океана, а также о понимании важности инструмента ОПР для наращивания своего влияния в этом регионе. Автором было выявлено, что помощь, предоставленная Китаем странам Океании на современном этапе, по-прежнему сосредоточена на реализации инфраструктурных проектов в рамках льготного кредитования. Несмотря на рост числа проектов в области образования и здравоохранения, многие масштабные проекты нацелены на местные элиты, что значительно сужает охват предоставляемой помощи. При этом одним из главных обременяющих факторов китайской ОПР выступают льготные кредиты, которые приводят к росту задолженности среди океанийских государств. Эффективность китайской помощи странам Океании критиковалась из-за отсутствия тщательного контроля за расходами предоставленных средств, что делает ее менее

прозрачной и приводит к коррупции в островных государствах Тихого океана. В свою очередь, стоит отметить, что рост объемов китайской ОПР странам Океании принес свои плоды: по состоянию на 2020 г. насчитывается девять океанийских государств, которые присоединились к китайской инициативе «Пояса и пути», среди которых Папуа–Новая Гвинея, Вануату, Фиджи, Острова Кука, Федеративные Штаты Микронезии, Ниуэ, Самоа, Тонга и Новая Зеландия.

Таким образом, высвобождение средств для оказания официальной помощи в целях развития выступает мощным инструментом расширения влияния в Южно-Тихоокеанском регионе как для Австралии, так и для КНР. С учетом негативного влияния COVID-19 на экономическую и социогуманитарную ситуацию в странах Океании, многосторонний характер ОПР, оказываемой странам Океании в области здравоохранения, образования и др., станет основным преимуществом Австралии в среднесрочной перспективе, несколько сместив акценты с реализации новых инфраструктурных проектов, нацеленных на элиты, которые осуществляет КНР.

7. Проведен анализ австралийской политики в области обеспечения безопасности в Южно-Тихоокеанском регионе, включая военное строительство как в самой Австралии, так и соперничество с КНР в области оборонного сотрудничества с островными государствами южной части Тихого океана. В ходе работы с официальными оборонными документами Австралии автором была доказана гипотеза, что стремление Канберры к наращиванию военной мощи, а также к поддержанию стабильной и безопасной обстановки в Океании, имеет под собой как минимум два основания. Первое – это предупреждение внутренней нестабильности в странах Океании. Второе – это сдерживание влияния внешних акторов в ЮТР. Учитывая тот факт, что внутригосударственные конфликты в океанисйких странах к 2020 г. преимущественно сошли на нет, автором было установлено, что на протяжении последних двух десятков лет интерес Австралийского Союза к южной части Тихого океана подогревается проникновением Китая в данный регион: это

подтверждается инициативами австралийского руководства, нацеленными на укрепление оборонных связей с океанскими государствами для противодействия дипломатической и военно-морской активности Китая в ЮТР. Вместе с тем, долгая история взаимоотношений Австралийского Союза с Папуа – Новой Гвинеей, Фиджи, Вануату, а также выгодное географическое положение Кирибати, Соломоновых Островов и др. определяет важное стратегическое значение океанских государств для Канберры.

Автором рассмотрены шаги австралийского руководства по предотвращению закрепления военно-морского присутствия Китая в Папуа – Новой Гвинее (о-в Манус), Фиджи (военная база «Black Rock Camp»), в Вануату (Порт Луганвилль, о-в Эспириту-Санто), Кирибати и Соломоновых Островах путем материального и институционального соперничества с Пекином за право участия в их реконструкции и последующем развитии оборонного сотрудничества. Подобное соперничество между Австралией и Китаем за использование военно-морской инфраструктуры с целью базирования вооруженных сил в Океании выступает важным маркером вероятной милитаризации этого региона в будущем. Данный факт также подтверждается рядом положений Декларации Бое, подписанной в 2018 г. странами-участницами главной региональной организации в ЮТР – Форума тихоокеанских островов, где говорится о всё большем значении вопросов обороны в Океании.

В то же время, анализируя процессы военного строительства в южной части Тихого океана, автором было установлено, что ни Австралия, ни КНР не заинтересованы в обострении военной обстановки в регионе. Вероятно, Пекин попытается реализовать свои амбиции в Океании вполне мирным путем (с помощью укрепления торгово-экономических и социальных связей), рассматривая регион как возможность демонстрации роста своего влияния в Тихом океане и выражая готовность соперничать в ряде областей с традиционными региональными лидерами.

В ходе анализа оборонной политики Австралийского Союза в южной части Тихого океана автором также было выявлено четыре подхода Канберры к обеспечению безопасности в Океании:

- 1) наращивание собственной военной мощи для защиты своего суверенитета, а также для поддержки островных государств Тихого океана;
- 2) развертывание вооруженных сил в странах Океании для обеспечения мирной обстановки на территориях, где местные власти не могут самостоятельно контролировать ситуацию;
- 3) укрепление потенциала правоохранительных органов океанийских государств, включая образовательное, инфраструктурное и техническое содействие с целью поддержания внутренней стабильности;
- 4) институционализация сотрудничества в области обеспечения безопасности со странами южной части Тихого океана для предотвращения внутривнутриполитических кризисных событий, которые произошли в конце XX – нач. XXI вв. в Папуа – Новой Гвинее, на Фиджи, Соломоновых Островах и др.

Фактор КНР в 2020-е гг. будет играть все более значимую роль на внешнеполитическом пространстве Австралии, и лидерам Австралийского Союза придется уделять пристальное внимание уже не только торговым, но и стратегическим аспектам в отношениях с Пекином. С этой целью австралийская сторона, как было упомянуто выше, прибегла к стратегии формирования регионального баланса сил в рамках Индо-Тихоокеанского региона — нового идейно-синтетического конструкта, призванного противостоять распространению влияния КНР. Следует при этом учесть, что в основе концепции ИТР лежит борьба за региональное лидерство, в том числе путем «торговых войн» и наращивания военной мощи ведущими акторами региона.

В заключение хотелось бы отметить, что анализ фактора КНР во внешней политике Австралийского Союза в 1972-2020 гг. позволил сформулировать общий вывод о том, что рост экономического, политического и военного влияния КНР в регионе несет в себе ряд вызовов для Австралийского Союза,

охватывающих его экономическое благосостояние, характер стратегического взаимодействия с Соединенными Штатами, средними державами Индо-Тихоокеанского региона, а также сохранение лидирующих позиций Канберры в южной части Тихого океана. Тенденции укрепления торговых связей Австралии и КНР выступают ярким свидетельством того, что экономические выгоды не всегда идут нога в ногу со стратегическим видением региональной архитектуры, и это делает формирование внешнеполитического курса Австралии всё более сложным и многогранным.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**Официальные документы**

1. Белая книга по внешней помощи Китая 2011 г. (中国的对外援助). Информационное бюро Государственного совета КНР (國務院新聞辦公室). Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2011/Document/896983/896983.htm>
2. Белая книга по внешней помощи Китая 2014 г. (中国的对外援助). Информационное бюро Государственного совета КНР (國務院新聞辦公室). Режим доступа: http://www.gov.cn/zhengce/2014-07/10/content_2715467.htm
3. Белая книга по внешней помощи Китая, 2021 г. China's International Development Cooperation in the New Era, Xinhua. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/10/c_139655400.htm
4. Белая книга по оборонной политике КНР 2015 г. (中国的军事战略, 白皮书). Информационное бюро Государственного совета КНР (國務院新聞辦公室). Режим доступа: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm>
5. 1987—2016 Defence White Paper. Australian Government, Department of Defence. Режим доступа: <https://www.defence.gov.au/>
6. 2017 Foreign Policy White Paper. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа: <https://www.dfat.gov.au/>
7. 2017 National Security Strategy of the United States of America. White House. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/>
8. 2020 Defence Strategic Update. Australian Government. Department of Defence. Режим доступа: <https://www1.defence.gov.au/>
9. A safer Australia — Budget 2019—20 — Defence overview. Australian Government Department of Defence. Режим доступа: <https://www.minister.defence.gov.au/>
10. Address — Launch of the 2020 Defence Strategic Update, Speech by Prime Minister Scott Morrison, 01 Jul 2020. Prime Minister of Australia URL: <https://www.pm.gov.au/media/address-launch-2020-defence-strategic-update>
11. Address to the Raisina Dialogue Speech, 09 Jan 2019. Minister for Foreign Affairs, Minister for Women, Senator the Hon. Marise Payne. Режим доступа: <https://www.foreignminister.gov.au/minister/marise-payne/speech/address-raisina-dialogue>
12. ANZUS Treaty. National Museum of Australia. Режим Доступа: <https://www.nma.gov.au/defining-moments/resources/anzus-treaty>
13. Australia – China Free Trade Agreement Joint Feasibility Study. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа: https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/feasibility_full.pdf

14. Australia's National Security: a Defence Update, 2007. Parliament of Australia, Department of Defence. Режим доступа: https://www.aph.gov.au/About_Parliament/Parliamentary_Departments/Parliamentary_Library/pubs/rp/rp1516/DefendAust/NationalSecurity#_Тoc427841294
15. Australian Aid: Promoting Growth and Stability, A White Paper on the Australian Government's Overseas Aid Program, 2006. Australian Agency for International Development. Режим доступа: <https://dfat.gov.au/about-us/publications/Documents/whitepaper.pdf>
16. Australian Mission to the United Nations, 2020. The United Nations. Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/mys_12_12_2019/2020_07_23_AUS_NV_UN_001_OLA-2020-00373.pdf
17. Australian-New-Zealand Agreement. Canberra, 21 January 1944. New-Zealand Treaty Series, 1944, N 1. (Wellington, Department of External Affairs, 1944). Australian Government. Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа: <https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/historical-documents/Pages/volume-07/26-australian-new-zealand-agreement-1944>
18. Australia's Linkages with China: Prospects and Ramifications of China's Economic Transition, 2018. International Monetary Fund (IMF) Working Papers. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2018/05/22/Australia-s-Linkages-with-China-Prospects-and-Ramifications-of-China-s-Economic-Transition-45846>
19. Boe Declaration on Regional Security, 2019. Pacific Islands Forum Secretariat. Режим доступа: <https://www.forumsec.org/boe-declaration-on-regional-security/>
20. China-Australia Free Trade Agreement. Trade and Investment Queensland, Australian. Режим доступа: <https://www.tiq.qld.gov.au/download/business-interest/export/free-trade-agreements/China-Australia-Free-Trade-Agreement.pdf>
21. Complete Text of Australian Foreign Minister Kevin Rudd's Speech at Asia Society New York. Asia Society: <https://asiasociety.org/complete-text-australian-foreign-minister-kevin-rudds-speech-asia-society-new-york>
22. Defending Australia and its Interests. Prime Minister of Australia. Режим доступа: <https://www.pm.gov.au/media/defending-australia-and-its-interests>
23. H.R.5515 – John S. McCain National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2019., 115th Congress. U.S. Congress. Режим доступа: <https://www.congress.gov/115/bills/hr5515/BILLS-115hr5515enr.pdf>
24. How China is influencing Africa's development, 2010. OECD Development Centre. Режим доступа: <https://www.oecd.org/development/pgd/45068325.pdf>
25. Independent Evaluation of DFAT's Economic and Public-Sector Reform Program (EPSG III) to the Kingdom of Tonga 2015/16 – 2017/18 Final Report

- Submitted to DFAT, Apr 2018. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа:
<https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/tonga-economic-public-sector-reform-program-independent-evaluation.pdf>
26. Inquiry into Australia's relationship with India as an emerging world power, 2006. Parliament of Australia, Joint Standing Committee on Foreign Affairs, Defence and Trade Foreign Affairs Sub-Committee. Режим доступа:
https://www.aph.gov.au/parliamentary_business/committees/house_of_representatives_committees?url=/jfad/india2006/subs/sub20.pdf
 27. It's Time to Build an Asia Pacific Community, Speech by Kevin Rudd, Address to the Asia Society, Sydney, 2008. Australian Government, Department of Prime Minister and Cabinet. Режим доступа:
<https://pmtranscripts.pmc.gov.au/release/transcript-15947>
 28. Joint Statement with The Prime Minister of Vanuatu, Prime Minister of Vanuatu, Media Release, Jan 2019. Prime Minister of Australia. Режим доступа: <https://www.pm.gov.au/media/joint-statement-prime-minister-vanuatu>
 29. Keynote address at the 16th IISS Asia Security Summit, Shangri-La Dialogue, June 2017. Malcolm Turnbull 29th Prime Minister of Australia 2015—2018. Режим доступа: <https://www.malcolmturnbull.com.au/media/keynote-address-at-the-16th-iiss-asia-security-summit-shangri-la-dialogue>
 30. Memorandum of Understanding between the Government of Australia and Government of Papua New Guinea on Cooperation in the Transport Sector. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/signed-transport-mou.pdf>
 31. National Tourism Business Impacts Survey, TC Harold and COVID-19 Pandemic. Department of Tourism & Vanuatu Tourism Office. Режим доступа:
https://images.impartmedia.com/vanuatu.travel/documents/National_Tourism_Business_Impacts_Survey_TCHarold_Covid-19.pdf
 32. NT Government selects Landbridge as its partner for the Port of Darwin, Media Release, 2015. Northern Territory Government. Режим доступа:
<http://newsroom.nt.gov.au/mediaRelease/15788>
 33. PACER Plus Preamble. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа:
<https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/pacer-plus-preamble.pdf>
 34. Remarks by Vice President Joe Biden on the Future of the U.S.-Australian Relationship in Asia. Office of the Vice President Joe Biden, The White House, President Barack Obama. URL:
<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/07/20/remarks-vice-president-joe-biden-future-us-australian-relationship-asia>
 35. Report on historical sources on Australia and Japan at war in Papua and New Guinea, 1942—45. Australian Government, Australia — Japan Research Project. Режим доступа:

- <http://ajrp.awm.gov.au/ajrp/ajrp2.nsf/437f72f8ac2c07238525661a00063aa6/2f3b86921669c57e852565b000499e78?OpenDocument>
36. Road Management in Papua New Guinea: An Evaluation of a Decade of Australian Support 2007—2017, Feb 2018. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/ode-evaluation-road-management-in-papua-new-guinea.pdf>
37. Spillovers from the Maturing of China's Economy, 2016. International Monetary Fund (IMF) Working Papers. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Spillovers-from-the-Maturing-of-Chinas-Economy-44381>
38. The US Department of Defense Indo-Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships, And Promoting A Networked Region, 2019. U.S. Department of Defence. Режим доступа: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF>
39. Trade and Investment at a Glance, 2020. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа: <https://www.dfat.gov.au/sites/default/files/trade-investment-glance-2020.pdf>
40. Vanuatu National Sustainable Development Plan 2016 to 2030. Government of Vanuatu. Режим доступа: <https://www.gov.vu/attachments/article/26/Vanuatu2030-EN-FINAL-sf.pdf>
41. Vanuatu Roads for Development Program — Independent Evaluation Final Report and Management Response. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. Режим доступа: <https://www.dfat.gov.au/about-us/publications/Pages/independent-evaluation-of-vanuatu-roads-for-development-r4d-program>

Литература

42. Гарин А.А. Влияние КНР на оборонную политику Австралийского Союза в Южно-Тихоокеанском регионе // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2020. Том III, №3 (48), С. 202-214, DOI:10.31696/2072-8271-2020-3-3-48-202-214;
43. Гарин А.А. Глава 6. Проблема Южно-Китайского моря во внешней политике Австралии // Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы (Коллективная монография) // отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020, 390 с. ISBN 978-5-907384-16-3, 500 экз. уч.изд. л.15,5. Формат 60x90/16 С. 134-202;
44. Гарин А.А. Глава 6. Фактор Индии в ЮТР // Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем (Коллективная монография) // отв. ред. – сост. Д.С. Панарина; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020, 554 с. ISBN 978-5-907384-17-0, 500 экз. уч.изд. л. 22,0. Формат 60x90/16. С. 180-213
45. Жуковская Н.Ю. «Средние державы» как элемент современной мировой системы: к вопросу о теоретическом осмыслении концепта // Вестник

- Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23. Вып. 1 (171). С. 172-178.
46. Канаев Е.А. Глава 5. Южнотихоокеанский контекст эволюции проблемы Южно-Китайского моря // Южно-Китайское море: современные вызовы и угрозы (Коллективная монография) // отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020, 390 с. ISBN 978-5-907384-16-3, 500 экз. уч.изд. л.15,5. С. 118-134
47. Канаев Е.А., Амиров В. Б., Сумский В. В.: Юго-Восточная Азия и Австралия // В кн.: Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант. М.: Магистр, 2011. С. 395-405.
48. Канаев Е.А., Бэ Б.: Сотрудничество АСЕАН с Австралией и безопасность на морях АТР. // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. № 1 (38). С. 76-88.;
49. Канаев Е.А. Южная часть Тихого океана в Инициативе «Пояс и путь»: аспекты безопасности // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. Т. 1. № 46. С. 288-302.;
50. Каткова Е. Ю. Китайско-австралийское сотрудничество в инвестиционной сфере // Международные отношения. 2018. № 2. С. 178–187.;
51. Каткова Е. Ю. Либеральная коалиция и китайско-австралийские отношения в 2013–2017 годы // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». 2018. Т. 10. № 1. С. 54–63.;
52. Каткова Е. Ю. Отношения Австралии и Китая при администрации Дж. Говарда в 1996-2007 годах // Наука сегодня: проблемы и пути решения. Материалы международной научно-практической конференции. Вологда, 2018. С. 86–88.
53. Каткова Е.Ю. Китайский вектор внешней политики Австралийского Союза в 1996–2016 гг.: дис. канд. ист. наук: 07.00.15. Москва, 2018. 197 с.
54. Коньшев В.Н. Неореализм в современной политической мысли США., СПб: Изд-во БАН, 2001, 159 стр.; Его же: Современная американская политическая мысль: историография неореализма., СПб: Изд-во СПбГУ, 2006, 156 с.
55. Массов А.Я. Андреевский флаг под Южным крестом. (Из истории русско-австралийских связей первой трети XIX века), СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 1995., 198 с.
56. Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX века. СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 1998., 240 с.
57. Мосяков Д.В. Страны Юго-Восточной Азии между Пекином и Вашингтоном: поиски баланса и трудности в сохранении единства // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, выпуск XXXIII (№ 33, 2016), с. 5-9
58. Пале С.Е. Архитектура австралийско – французских отношений в Южно – тихоокеанском регионе в XX – начале XXI вв. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 6. С. 62-71.;

59. Пале С.Е. Китай в Океании. // Азия и Африка сегодня. № 9 (686), 2014., С. 14-18.
60. Пале С.Е. Постколониальные конфликты в странах Океании // [Отв. редактор Николаев В.П.]. М.: ИВ РАН, 2012. 180 с.
61. Пале С.Е. Потеснит ли Китай Австралию в Южнотихоокеанском регионе? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XIV., М.: ИВ РАН, 2010., С. 62-70;
62. Пале С.Е., Кочетков Д.С.: Океания: история, культура и связи с Россией; Отв. ред. Е.М. Астафьева; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2020. 362 с.
63. Пале С.Е. Современная ситуация в Южнотихоокеанском регионе // Южнотихоокеанский регион в прошлом и настоящем: история, экономика, политика, культура. Тезисы и доклады. Материалы 38-й межинститутской научной конференции 30 ноября 2017 г.;
64. Пале С.Е. Тёмная сторона китайского присутствия в Океании // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2012. № 19. С. 15-24.;
65. Пузыня Н.Н. Австралия и Новая Зеландия во внешней политике Японии (1854-1945)., Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.б 97 с.
66. Пузыня Н.Н. Новозеландско-японские отношения в 70-80-е годы XX века: дис.канд. ист. наук: 07.00.03. Иркутск, 2003. 244 с.
67. Пузыня Н.Н. Полвека японской дипломатии в Океании // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2018. Т. 23. С. 39-46. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2018.23.39>
68. Пузыня Н.Н. Проблемы безопасности в АТР и японо-австралийское сотрудничество // Журнал Иркутского государственного университета. – 2017. Т. 20. С. 34-41
69. Пузыня Н.Н. Особенности обеспечения национальной безопасности в КНР. Проблемы обеспечения национальной безопасности в контексте изменения геополитической ситуации: материалы междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 28 апр. 2017 г. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2017.
70. Пузыня Н.Н. Япония и Австралия: формирование многостороннего взаимовыгодного партнерства [50 – 80–е годы XX века]. Иркутск, 2011., 188 с.
71. Сергунин А.А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика, 2010. Вып. 16. С. 231
72. Скоробогатых Н.С. «Столетие Азии» и проблемы интеграции в АТР: взгляд из Австралии // Восток (Orient). №3. 2014., С. 48-60.;
73. Скоробогатых Н.С. История Австралии. XX век. Москва: Восток. 2015., 452 с.
74. Скоробогатых Н.С. Политический портрет М. Тернбулла // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, Выпуск XXXIV (№ 34, 2017), С. 209–230

75. Южно-Тихоокеанский регион в прошлом и настоящем (Коллективная монография) /отв. ред. – сост. Д.С. Панарина; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2020, 554 с. ISBN 978-5-907384-17-0. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44726871>
76. Тимошенко В.Н. Южно-Тихоокеанский регион на пороге XXI века: проблемы внешней политики и безопасности [монография]. Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Дальневосточный гос. гуманитарный ун-т», Ин-т востоковедения, Российская акад. наук. - Москва; Хабаровск: Дальневосточный гос. гуманитарный ун-т, 2009. - 379 с.: табл.; 21 см.; ISBN 978-5-87155-309-1
77. Яценко Г.В. Австралия в АТР: оценка лидерского потенциала // Актуальные проблемы современных международных отношений – 2017. – С. 93-99
78. Atkinson J., Australia and Taiwan: Bilateral Relations, China, the United States, and the South Pacific. Leiden: Brill; 2013. 244 p.
79. Baldino, D., Carr, A., Langlois, A., J., Australian Foreign Policy: Controversies and Debates. South Melbourne: Oxford University Press ANZ, 2014., 256 p.
80. Beeson, M., Can Australia save the world? The limits and possibilities of middle power diplomacy // Australian Journal of International Affairs. 2011. №65(5). P. 563-577.
81. Brady, A-M., Looking North, Looking South: China, Taiwan, And The South Pacific, Series on Contemporary China. World Scientific Publishing Company, 2010. P. 122-126.
82. Brautigam, D., The Dragon's Gift: The Real Story of China in Africa. Oxford: Oxford University Press, 2009., 416 p.
83. Brewster, D., The India-Australia Security and Defence Relationship: Developments, Constraints and Prospects // Security Challenges. 2014. №10(1). P. 65–86.
84. Bull, H., The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics. Third Edition. New York: Palgrave, 2002., 365 p.
85. Carr, A., A Pilot Fish Returns to School: Australia Explores New Approaches in East Asia's Evolving Regional Order. Asia Policy 13 (2). P. 45-51
86. Carr, A., Is Australia a Middle Power? A Systematic Impact Approach // Australian Journal of International Affairs. 2014. №68: 1. P. 70–84.
87. Changsen, Y., China's economic relations with Pacific Island countries (China Working Paper), New Zealand Contemporary China Research Centre, 2014 // Victoria University of Wellington. Режим доступа: <http://www.victoria.ac.nz/chinaresearchcentre/publications/papers/YU-Changsen-Chinas-Economic-Relations-with-Pacific-Island-Countries.pdf>
88. China funds the construction of MSG Secretariat Building in Vanuatu, Dreher, A., Fuchs, A., Parks, B.C., Strange, A. M., & Tierney, M. J., Aid, China, and Growth: Evidence from a New Global Development Finance Dataset. AidData

- Working Paper #46, 2017. // China Aid Data. Режим доступа:
<https://china.aiddata.org/projects/39210>
89. Cooper, A. F., Higgott, R. A., and Nossal, K. R., *Locating Middle Powers: Australia and Canada in a Changing World Order*. Carlton, Victoria: Melbourne University Press. 1993. 240 p.
 90. Cooper, D., *Challenging Contemporary Notions of Middle Power Influence: Implications of the Proliferation Security Initiative for "Middle Power Theory"* // *Foreign Policy Analysis*. 2011. №7(3). P. 322.
 91. Cox, R.W., Sinclair, T., *Approaches to World Order*. Cambridge University Press. 1996. 574 p.
 92. Cronin, P., Fontaine, R., Hosford, et. al., *The Emerging Asia Power Web: The Rise of Bilateral Intra-Asian Security Ties, 2013* // Center for a New American Security. Режим доступа:
https://s3.amazonaws.com/files.cnas.org/documents/CNAS_AsiaPowerWeb.pdf?mtime=20160906080503
 93. Dornan, M., Brant, P., *Chinese Assistance in the Pacific* // *Asia and the Pacific Policy Studies*. 2014. №1. P. 349-363.
 94. Edwards, P., *Arthur Tange: Last of the Mandarins*. Allen and Unwin. 2006. 399 p.
 95. Efsthathopoulos C. *Middle Power Diplomacy in International Relations*. London: Palgrave Macmillan. 2015. 219 p.
 96. FitzGerald S., *Talking with China: The Australian Labor Party Visit and Peking's Foreign Policy*. Canberra: ANU Press. 1971. 65 p.
 97. Fraser, M., Simos, M., *Malcolm Fraser: The Political Memoirs*. Melbourne University Publishing. 2010. 864 p.
 98. Fry, G., *Framing the Islands: Power and Diplomatic Agency in Pacific Regionalism*. ANU University Press, 2019. 418 p.
<http://doi.org/10.22459/FI.2019>
 99. Gilley, B., *Middle powers during great power transitions: China's rise and the future of Canada-US relations* // *International Journal*. 2011. P. 245-264.
 100. Gilley, B., O'Neil A., *Middle Powers and the Rise of China*. Georgetown University Press. 2014. P. 23-44.
 101. Goh, E., *Meeting the China challenge: The U.S. in Southeast Asian Regional Security Strategies, 2005* // East-West Center. Режим доступа:
<https://www.eastwestcenter.org/system/tdf/private/PS016.pdf?file=1&type=node&id=32053>
 102. Griffiths, B., *The China Breakthrough Whitlam in the Middle Kingdom 1971*. Monash University Publishing. 2012. 172 p.
 103. Groenewold, N., *China's 'New Normal': How will China's Growth Slowdown Affect Australia's Growth?: Australian and China's Growth Slowdown* // *Australian Economic Papers* . 2018. №57(6)., P. 1-11
 104. Hamilton, C., *Silent Invasion*. Hardie Grant, 2018., 376 p.
 105. Herz, J., *Idealist Internationalism and the Security Dilemma* // *World Politics* (Cambridge University Press). 1950. №2. P. 157-180.

106. Higgott, R., Beeson, M., The changing architecture of politics in the Asia-Pacific: Australia's middle power moment? // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2013. №14(2). P. 215–237.
107. Hill, M., Chessboard or “political bazaar”? revisiting Beijing, Canberra and Wellington’s engagement with the South Pacific. // *Security Challenges*. 2010. №6(3). P. 41–58.
108. Hiranandani, G., M., *Transition to Eminence: The Indian Navy 1976-1990*. Lancer Publishers, 2005., 430 p.
109. Holbraad, C., *Middle Power in International Politics*. London: The Macmillan Press Ltd. 1984. 368 p.
110. Howard, J., *Lazarus Rising: A Personal and Political Autobiography*. HarperCollins. 2011. 512 p.
111. Huang, H., M., *Australia's China Policy: PhD*. Режим доступа URL:<http://unsworks.unsw.edu.au/fapi/datastream/unsworks:11052/SOURCE01?view=true>, University of New South Wales, Australia, 2013.
112. Huang, X., Austin, I., *Chinese Investment in Australia: Unique Insights from the Mining Industry*. Palgrave, 2011. 241 p.
113. Hunt, B. *Australia's Northern Shield? Papua New Guinea and the Defence of Australia since 1880*. Monash University Publishing. 2017. 400 p.
114. Jordaan, E., *The Concept of a Middle Power in International Relations: Distinguishing between Emerging and Traditional Middle Powers* // *Politikon: South African Journal of Political Studies*. - №30(1). P. 165-181.
115. Keohane, R., W., 1969. “Lilliputians’ Dilemmas: Small States in International Politics”. *International Organization* 23 (2). P. 291–310. doi:10.1017/S002081830003160X
116. Kersten, R., Tow, W., *Bilateral Perspectives on Regional Security: Australia, Japan and the Asia- Pacific Region*. Palgrave Macmillan. 2012. 279 p.
117. Knight, N., Heazle, M., *China-Japan Relations in the Twenty-first Century: Creating a Future Past?*. Edward Elgar Publishing, 2007. 247 p.
118. Kobayashi, T., *Japan as a middle power: Japanese diplomacy during the Asian Financial Crisis* // *American University in Cairo*. Режим доступа: <http://dar.aucegypt.edu/handle/10526/4661>
119. Manicom, J., O’Neil, A., *China’s rise and middle power democracies: Canada and Australia compared* // *International Relations of the Asia-Pacific*. 2012. №12. P. 199-228.
120. Massov, A., McNair, J. и Poole, T: *Encounters under the Southern Cross. Two Centuries of Russian-Australian Relations 1807-2007*. Adelaide: Crawford House Publishing, 2007., 419 p.
121. Massov, A., Pollard M, Windle, K.: *A New Rival State? Australia in Tsarist Diplomatic Communications.*, Canberra, ANU Press, 2018, 353 p.
122. Medcalf, R., *Australia and China: understanding the reality check* // *Australian Journal of International Affairs*. 2018. P. 1-10., <https://doi.org/10.1080/10357718.2018.1538315>

123. Medcalf, R., *Toward a Shared Alliance Strategy in a Contested Indo-Pacific: A View from Australia*, May 2019 // The National Bureau of Asian Research. Режим доступа: <https://www.nbr.org/publication/toward-a-shared-alliance-strategy-in-a-contested-indo-pacific-a-view-from-australia/>
124. Mediansky, F.A., *Australian Foreign Policy: Into the New Millennium*. Macmillan Education, 1997., 308 p.
125. Morgenthau, H., J., *Politics among nations: the struggle for power and peace*. 5 ed. New York: A.A. Knopf, 1978., 650 p.
126. Patience, A., *Australian Foreign Policy in Asia: Middle Power or Awkward Partner?*. Melbourne: Palgrave Macmillan, 2017. 338 p.
127. Robertson, J., *Middle-Power Definitions: Confusion Reigns Supreme* // *Australian Journal of International Affairs*. 2017. №71 (4). P. 355–370.
128. Ross, R., Tunsjø, Ø., *Strategic Adjustment and the Rise of China: Power and Politics in East Asia*. 1 ed. New York: Cornell University Press. 2017. 316 p.
129. Sethi, J. D. *India as Middle Power* // *India Quarterly*. 1969. №25(2). P. 107–121., <https://doi.org/10.1177/097492846902500201>
130. Solís, M., & Katada, S., *Unlikely pivotal states in competitive free trade agreement diffusion: The effect of Japan’s trans-pacific partnership participation on Asia-Pacific regional integration* // *New Political Economy*. 2015. №2. P. 155-177.
131. Son, K., *Middle Powers and the Rise of China: ‘Identity Norms’ of Dependency and Activism and the Outlook for Japan–South Korea Relations vis-à-vis the Great Powers* // *Japanese Journal of Political Science*. 2014. №15(1). P. 91-112, <https://doi.org/10.1017/S1468109913000364>
132. Strahan, L., *Australia’s China: Changing Perceptions from the 1930s to the 1990s*. Cambridge University Press, 1998. P. 295-297.
133. Sun, W., *The virus of fear and anxiety: China, COVID-19, and the Australian media*. *Global Media and China*. 2021. 6(1). P. 24-39
134. Tarte, S., ‘Fiji’s “Look North” strategy and the role of China’ in Wesley-Smith, T., Porter, E., *China in Oceania: Reshaping the Pacific?*. New York: Berghahn Books, 2010. P. 118–132
135. Taylor, B., Tow, W.T., Muhibat, S., Tjhin, C.S., et. al., *The South China Sea: middle power perspectives*. Australian National University, Strategic & Defence Studies Centre ANU College of Asia & the Pacific. Режим доступа: http://sdsc.bellschool.anu.edu.au/sites/default/files/publications/attachments/2016-10/cog_27_web_v3.pdf
136. Thomson, M., *Punching above Our Weight?: Australia as a Middle Power*. Australian Strategic Policy Institute // JSTOR. Режим доступа: www.jstor.org/stable/resrep03837
137. Ungerer, C., *The “Middle Power” Concept in Australian Foreign Policy* // *Australian Journal of Politics & History*. 2007. №53. P. 538-551.
138. Van Fossen, A., *The Struggle for Recognition: Diplomatic Competition Between China and Taiwan in Oceania* // *Journal of Chinese Political Science*. 2007. №12(2). p. 125-16.

139. Vandenbosch, A., Belle, M., *Australia Faces Southeast Asia: The Emergence of a Foreign Policy*. University Press of Kentucky, 2014. 184 p.
140. Viner, J., *The customs union issue*. New York: Carnegie Endowment for International Peace, 1950., 221 p.
141. Waltz, K., *Theory of International Politics*. Boston: Addison-Wesley, 1979. 251 p.
142. Wang Y., *Australia-China Relations post 1949*. London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2016. 265 p.
143. White, H., *The China choice: why we should share power*. Oxford University Press, 2013., 208 p.
144. Wilkins, T., S., *From Strategic Partnership to Strategic Alliance? Australia-Japan Security Ties and the Asia Pacific // Asia Policy*. 2015. №20. P. 83-111.
145. Wilkins, T., S., *Towards a "Trilateral Alliance?" Understanding the Role of Expediency and Values in American–Japanese–Australian Relations // Asia Policy*. 2007. №3(3). P. 251-278.
146. Wong, P.Y., *The Drivers of Overseas Investments in the Australian Residential Property Market, 2016 // RMIT University*. Режим доступа: <https://researchbank.rmit.edu.au/eserv/rmit:161787/Wong.pdf>
147. Zhang, Y., *China and the emerging regional order in the South Pacific*. *Australian Journal of International Affairs*, 61(3), PP. 367–381.

Интернет-ресурсы

1. *Посольство КНР в Португалии (中华人民共和国驻葡萄牙大使馆)*. Режим доступа: <http://pt.china-embassy.org/>
2. *Российский совет по международным делам (РСМД)*. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/>
3. *Air Force Technology*. Режим доступа: <https://www.airforce-technology.com/>
4. *America's Navy*. Режим доступа: <https://www.navy.mil/>
5. *APA Group*. Режим доступа: <https://www.apa.com.au/>
6. *Asia Maritime Transparency Initiative (AMTI), Center for Strategic and International Studies*. Режим доступа: <https://amti.csis.org/>
7. *Asian Development Bank*. Режим доступа: <https://www.adb.org/>
8. *Australian Fair Trade and Investment Network Ltd*. Режим доступа: <https://aftinet.org.au/>
9. *Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade (DFAT)*. Режим доступа: <https://www.dfat.gov.au/>
10. *Australian Government, Geoscience Australia*. Режим доступа: <https://www.ga.gov.au/>
11. *Australian National University (ANU)*. Режим доступа: <https://www.anu.edu.au/>
12. *Australian Strategic Policy Institute (ASPI)*. Режим доступа: <https://www.aspistrategist.org.au>
13. *Center for a New American Security*. Режим доступа: cnas.org/

14. *Center for Strategic and International Studies (CSIS)*. Режим доступа: <https://chinapower.csis.org/>
15. *China Power, Center for Strategic and International Studies*. Режим доступа: <https://chinapower.csis.org/>
16. *Coral Sea Cable System*. Режим доступа: <https://www.coralseacablesystem.com.au/>
17. *Council on Foreign Relations*. Режим доступа: <https://www.cfr.org/>
18. *Defense Industry Daily*. Режим доступа: <https://www.defenseindustrydaily.com/>
19. *DevPolicy Blog* Режим доступа: <https://devpolicy.org/>
20. *East Asia Forum*. Режим доступа: <https://www.eastasiaforum.org/>
21. *Fisheries and Resources Monitoring System*. Режим доступа: <http://firms.fao.org/>
22. *Foreign Brief*. Режим доступа: <https://www.foreignbrief.com/>
23. *GlobalCitizen*. Режим доступа: <https://www.globalcitizen.org/>
24. *Government of Samoa, Ministry of Finance*. Режим доступа: <https://www.mof.gov.ws/>
25. *Government of Tonga, Ministry of Information and Communication*. Режим доступа: <http://www.mic.gov.to/>
26. *Griffith University*. Режим доступа: <https://www.griffith.edu.au/>
27. *Incentive Fund*. Режим доступа: <http://incentivefund.org/>
28. *Indo-Pacific Centre for Health Security, Australian Government*. Режим доступа: <https://indopacifichealthsecurity.dfat.gov.au/>
29. *Inside History*. Режим доступа: <https://insidestory.org.au/>
30. *International Group of Liquefied Natural Gas Importers*. Режим доступа: <https://giignl.org/>
31. *International Monetary Fund*. Режим доступа: <https://www.imf.org/>
32. *International Studies Association*. Режим доступа: <http://web.isanet.org/>
33. *Janes*. Режим доступа: <https://www.janes.com/>
34. *Konrad Adenauer Stiftung*. Режим доступа: <https://www.kas.de/>
35. *Lowy Institute*. Режим доступа: <https://www.lowyinstitute.org/>
36. *National Bureau of Statistics of China*. Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn/>
37. *Naval Technology*. Режим доступа: <https://www.naval-technology.com/>
38. *Observatory of Economic Complexity (OEC)*. Режим доступа: <https://oec.world/>
39. *Observer Research Foundation (ORF)*. Режим доступа: <https://www.orfonline.org/>
40. *Overseas Development Institute (ODI)*. Режим доступа: <https://www.odi.org/>
41. *Pacific Islands Forum Secretariat*. Режим доступа: <https://www.forumsec.org/>
42. *Parliament of Australia*. Режим доступа: <https://www.aph.gov.au/>
43. *Reserve Bank of Australia*. Режим доступа: <https://www.rba.gov.au/>

44. *Royal Australian Air Force Department of Defence*. Режим доступа: <https://www.airforce.gov.au/>
45. *Royal Australian Air Force Department of Defence*. Режим доступа: <https://www.airforce.gov.au/>
46. *South Pacific Community*. Режим доступа: <https://www.spc.int/>
47. *Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI)*. Режим доступа: <https://sipri.org/>
48. *The Conversation*. Режим доступа: <https://theconversation.com/>
49. *The Diplomat*. Режим доступа: <https://thediplomat.com/>
50. *The Interpreter*. Режим доступа: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/>
51. *The Treasury, Australian Government*. Режим доступа: <https://treasury.gov.au/>
52. *The World Bank*. Режим доступа: <https://data.worldbank.org/>
53. *Trading Economics*. Режим доступа: <https://tradingeconomics.com/>
54. *UN Comtrade Database*. Режим доступа: <https://comtrade.un.org/data/>
55. *United Nations Development Programme*. Режим доступа: <https://www.undp.org/>

Периодические издания

56. *ИТАР-ТАСС*, Москва (2021)
57. *Международная жизнь*, Москва (2018, 2019, 2020, 2021)
58. *Economic Times*, New Delhi (2020)
59. *Reuters*, London (2017, 2019)
60. *Sydney Morning Herald*, Sydney (2020, 2021)
61. *Australian Financial Review*, Sydney (2018, 2020)
62. *South China Morning Post*, Hong Kong (2013, 2020)
63. *The Age*, Melbourne (2004)
64. *The National*, Port Moresby (2017, 2019)
65. *Air Force Magazine*, Arlington (2020)
66. *SBS News*, Sydney (2021)
67. *India Today*, New Delhi (2020)
68. *Nikkei*, Tokyo (2021)
69. *Vanuatu Daily Post*, Port Vila (2019)
70. *The Hindu BusinessLine*. New Delhi (2020)
71. *Business Insider*, New York (2009)
72. *The Globe and Mail*, Toronto (2009)
73. *ABC News*, Sydney (2020)
74. *Post Courier*, Port Moresby (2017)
75. *Radio New Zealand*, Wellington (2019)
76. *The Fiji Times*, Suva (2019)
77. *The New Daily*, Cremorne (2017)
78. *The Guardian*, London (2018, 2019)
79. *Bloomberg*, New York (2020)
80. *China Daily*, Beijing (2006)
81. *XinhuaNet*, Beijing (2021)